

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2022

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2022

Том 28

№ 4

Октябрь – Декабрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2022

Volume 28

№ 4

October – December

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ГОРЛОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA GORLOVA
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Literary Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Жарков В.В., Таточенко В.В.**
К вопросу о социальной политике российского государства сквозь призму призму регулирования трудовых отношений в XIII–XVIII вв.
- 14 **Петелин Б.В.**
Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз и Франкфуртский экономический совет Бизонии в 1947–1949 гг.
- 21 **Белов А.М., Булюкин Д.А.**
Костромичи-октябристы в Государственной думе Российской империи
- 27 **Карандашев Г.В.**
«Ночные громилы вновь заставляют говорить о себе»: социокультурные особенности профессиональной преступности в г. Ярославле в конце XIX – начале XX вв. (по материалам периодической печати)
- 34 **Стерликова С.А.**
Архимандрит Антонин (Капустин) как создатель Русской Палестины (по материалам Иерусалимского дневника)
- 40 **Хартаев В.В.**
«Светильник размышлений» Кенсур Агван Нимы как источник по изучению монастырей Внутренней Монголии

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 47 **Соколова И.В., Шишкова И.А.**
Композиционные приемы постпостмодернизма (на материале современной американской малой прозы)
- 54 **Бокарев А.С., КорABLEVA А.В.**
Поэтика живописного экфрасиса в лирике Сергея Гандлевского
- 63 **Сапожникова Ю.Л.**
Развитие традиций «историй рабов» в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога»
- 70 **Ермилова К.Е.**
«Сон Франсиона» в романе Ш. Сореля: к проблеме сужения границ символической образности в условиях цензуры 1620–30-х гг.
- 76 **Семенова М.Г.**
Художественное своеобразие прозы В.Я. Ирецкого в сборниках петербургских писателей
- 81 **Полонская С.В.**
Рецепция творчества М.А. Шолохова через призму французской периодики (на примере статьи Вл. Познера «Шолохов в Париже»)
- 86 **Агнстикова О.И.**
Усиление присутствия субъективного журналистского голоса в новостях как тренд цифровой среды

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 93 **Ганцовская Н.С.**
Орловские исследователи русского народного слова: орловско-костромские связи
- 99 **Дормидонтова О.А., Завьялова Г.Н.**
Функционально-синонимическое своеобразие французских литературных онимов

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 105 **Вольфсон В.Л.**
Неделимая вещь в оковах метафизики
- 113 **Метельков А.Н.**
DNDO в государственном механизме США по борьбе с ядерным терроризмом

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **V.V. Zharkov, V.V. Tatochenko**
Reviewing social politics of Russia on the example of regulation of labor relations in the XIII-XVIII centuries
- 14 **B.V. Petelin**
Christian Democratic Union / the Christian Social Union and the Frankfurt economic council of Bizonia in 1947-1949
- 21 **A.M. Belov, D.A. Bulyukin**
Kostromichi-Octobrists in the State Duma of the Russian Empire
- 27 **G.V. Karandashev**
“Night thugs make you talk about yourself again”: socio-cultural features of professional crime in Yaroslavl in the late XIX - early XX centuries (based on the materials of the periodical press)
- 34 **S.A. Sterlikova**
Archimandrite Antonin (Kapustin) as creator Russian Palestine (According to the materials of the Jerusalem Diary)
- 40 **V.V. Khartaev**
“Lamp of Reflections” by Kensur Agvan Nima as a source on the congresses of Inner Mongolia

SCIENCE OF LITERATURE

- 47 **I.V. Sokolova, I.A. Shishkova**
Compositional techniques of post-postmodernism (on the material of modern American short fiction)
- 54 **A.S. Bokarev, A.V. Korableva**
Poetics of ekphrasis of paintings in lyric poetry by Sergey Gandlevskiy
- 63 **Yu.L. Sapozhnikova**
The development of traditions of slave narratives in the novel “The Underground Railroad” by Colson Whitehead
- 70 **K.E. Ermilova**
“Francion’s dream” in the novel by Charles Sorel: on the problem of narrowing the boundaries of symbolic imagery in conditions of censorship of the 1620–1630
- 76 **M.G. Semenova**
The artistic originality of Viktor Iretskiy in the collections of Petersburg writers
- 81 **S.V. Polonskaya**
Reception of Mikhail Sholokhov’s oeuvre through the prism of French periodicals (in terms of Vladimir S. Pozner’s article “Sholokhov in Paris”)
- 86 **O.I. Agnistikova**
Strengthening the presence of subjective journalistic voice in the news as a trend of the digital environment

SCIENCE OF LANGUAGE

- 93 **N.S. Gantsovskaya**
Oryol and Kostroma researchers of Russian folkish word: Oryol-Kostroma ties
- 99 **O.A. Dormidontova, G.N. Zavialova**
The functional-synonymic peculiarity of French literary onyms

JURAL SCIENCE

- 105 **V.L. Volfson**
Indivisible thing in the fetters of metaphysics
- 113 **A.N. Metelkov**
DNDO in the US State Mechanism to Combat Nuclear Terrorism

-
- 120 Гончаренко Е.В., Гераськов В.С.,
Тайсаева С.Б., Полякова Е.В.**
Стокгольмский синдром в криминологической практике
- 124 Бекренев П.Ю., Хлестакова Л.А., Гиринович К.Е.**
Признание сделки, совершенной гражданином,
ограниченным судом в дееспособности, недействитель-
ной: актуальные проблемы в Российской Федерации
- 130 Пожарский Д.В., Арапов А.Ю.**
Государственные корпорации
в механизме публичной власти Российской Федерации

**135 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

- 120 E.V. Goncharenko, V.S. Geraskov,
S.B. Taisaeva, E.V. Polyakova**
Stockholm syndrome in criminological practice
- 124 P.Yu. Bekrenev, L.A. Khlestakova, K.E. Girinovich**
Recognition of a transaction made by a citizen limited
by the court in capacity as invalid:
current problems in the Russian Federation
- 130 D.V. Pozharsky, A.U. Arapov**
State corporations in the mechanism of public power
of the Russian Federation

**135 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 7–13. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 7–13. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470) “13/18”

EDN LCTIKA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-7-13>

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIII–XVIII ВВ.

Жарков Виталий Викторович, кандидат исторических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Ярославль, Россия, vitaly-zharkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1427-6027>

Таточенко Виктор Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Ярославль, Россия, tatochenko.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2564-5425>

Аннотация. Рассматривается вопрос законодательного регулирования трудовых отношений в России в XIII–XVIII вв. Проведен анализ российских памятников права (Русская Правда, Псковская судная грамота 1497 г., Судебник Ивана III 1497 г., Судебник Ивана IV 1550 г., Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., императорские и сенатские указы XVIII в., правовые акты Петра I для изучения социальной политики российского государства в XIII–XVIII вв. Регулятивные документы избранного периода анализируются с точки зрения связи между положениями этих документов, определявшими трудовые отношения, и общими тенденциями развития страны с целью описать общий ход развития трудового законодательства в этот период и продемонстрировать его связь с развитием крепостного права, нуждами государства, а также показать ограниченность регулирования трудовых отношений. Определены место и роль законодательных актов в общей системе общественно-политической жизни страны. Изучено их значение и влияние на социальную политику государства. Выделен вектор развития государства через призму регулирования трудовых отношений. Среди проанализированных нормативных правовых актов выделен случай, когда закон впервые встал на защиту работника, однако развить эти положительные тенденции было сложно в условиях складывавшейся политики закрепощения крестьян. Государство не пыталось комплексно урегулировать вопросы трудовых отношений, провоцируя тем самым социальное недовольство и волнения. Анализ источников демонстрирует недостаточность представления интересов работника в трудовом законодательстве, за исключением спектра работ, особенно важных для государства.

Ключевые слова: зарождение трудовых отношений в России, российские памятники трудового права, вольный найм, крепостное право, помещик, крестьянин.

Для цитирования: Жарков В.В., Таточенко В.В. К вопросу о социальной политике российского государства сквозь призму регулирования трудовых отношений в XIII–XVIII вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 7–13. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-7-13>

Research Article

REVIEWING SOCIAL POLITICS OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF REGULATION OF LABOR RELATIONS IN THE XIII-XVIII CENTURIES

Vitaly V. Zharkov, candidate of historical sciences, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russia, vitaly-zharkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1427-6027>

Viktor V. Tatochenko, candidate of historical sciences, associate professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Yaroslavl, Russia, tatochenko.84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2564-5425>

Abstract. The issue of legislative regulation of labor relations in Russia of the XIII–XVIII centuries is considered. The analysis of the Russian law monuments (Russkaya Pravda, Pskov Judgment Letter of 1497, Sudebnik Ivan III of 1497, Sudebnik Ivan IV of 1550, the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649, imperial and senate decrees of the XVIII century, legal acts of Peter I for the study of the social policy of the Russian state in the XIII–XVIII centuries. The regulatory documents of the selected period are analyzed from the point of view of the relationship between the provisions of these documents that defined labor relations and the general trends in the development of the country in order to describe the general course of development of labor legislation during this period and demonstrate its connection with the development of serfdom, the needs of the state, as well as to show the limitations of regulation that caused social unrest in the future. The place and role

of legislative acts in the general system of socio-political life of the country is determined. Their significance and influence on the social policy of the state are studied. The vector of development of the state through the prism of regulation of labor relations is highlighted. Among the analyzed normative legal acts, a case was highlighted when the law first stood up for the protection of an employee, but it was difficult to develop these positive trends in the conditions of the emerging policy of enslavement of peasants. The state did not try to comprehensively regulate the issues of labor relations, thereby provoking social discontent and unrest. The analysis of sources demonstrates the insufficiency of representation of the interests of the employee in the labor legislation, with the exception of a range of jobs that are especially important for the state.

Keywords: the origin of labor relations in Russia, Russian monuments of labor law, free hiring, serfdom, landowner, peasant.

For citation: Zharkov V.V., Tatochenko V.V. Reviewing social politics of Russia on the example of regulation of labor relations in the XIII–XVIII centuries. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 4, pp. 7–13. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-7-13>

Изучение дореволюционных законодательных актов, регулировавших трудовые отношения, влиявших на социальную политику и социальные отношения в России, началось в XIX в. [Федоров]. Л.Н. Нисселович в работе «История заводско-фабричного законодательства Российской империи» проанализировал развитие отечественного законодательства до периода правления императора Павла I [Нисселович]. В 1920–30-е гг. доминировала тенденция подготовки исследований, которые рассматривали отдельные вопросы регламентирования трудовых отношений и социальной политики в царской России [Догадов: 28]. Большинство советских исследователей сконцентрировали основные усилия на изучении фабричного законодательства дореволюционной России, чтобы обосновать неизбежность приближения краха Российской империи в 1917 г. В этой связи показательной являлась работа И.С. Войтинского «Трудовое право. Часть 1», где с классовых позиций были детально проанализированы соотношения наемного труда и трудового договора в условиях капиталистического общества, основные этапы развития капиталистического трудового права и эксплуататорский характер социальных реформ в области капиталистического трудового права [Войтинский: 23].

Из современных исследований можно выделить фундаментальные труды А.М. Лушников и М.В. Лушниковой «Очерки теории трудового права» [Лушников, Лушников 2006] и «Курс трудового права» [Лушников, Лушников 2009]. Авторы выделили 2 этапа в истории досоветского трудового права: на первом этапе, с издания «Русской Правды» до издания первого фабричного закона 1 июня 1882 г., складывались предпосылки возникновения трудового законодательства; второй этап, возникновение трудового законодательства, закончился изданием «Устава о промышленном труде». Среди современных исследований следует также выделить работы С.А. Соболева, делающего большие экскурсы в историю развития трудовых отношений и социальной политики в царской России [Соболев].

Труд и его особенности долгое время не подлежали законодательной регламентации в России. Однако

если обратить внимание на первые законы Киевской Руси, можно заметить попытку увязать социальный статус определенной категорий населения с обязанностью трудиться. Пространная редакция Русской Правды, составленная между первой третью XII в. и началом XIII в., делает это в отношении княжеских закупов (ст. 58), строителей укреплений и мостов, представлявших свободное население (ст. 96–97), а также холопов (ст. 111) [Зимин: 367, 373, 377, 379].

Ст. 58 Пространной Правды предписывала закупу заботиться о скоте на поле, загонять его во двор после выгула и запирает хлев. Если закуп губил скот, то должен был платить за него.

Строитель городских укреплений, согласно ст. 96, получал за свою работу оплату два раза: первый раз – при начале строительства и второй раз – по окончании работ. Кроме того, на время работ он обеспечивался едой (корм, питье, мясо, рыба): 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборов пшена, 7 луков овса на 4 коней; солода – 10 луков на все время работы.

Строитель моста получал оплату по завершении работ. Ст. 97 Русской Правды предусматривала оплату за строительство или починку моста в зависимости от длины сооружения: по ногате за 10 локтей строящегося моста и по куне за пролет моста при починке старого сооружения. Предусматривалось выделение на одного строителя с отроком и двумя конями 4 лука овса на неделю, а еды – в неограниченном количестве.

Ст. 111 предусматривала выход из холопства при отработке долга.

На основании описанных норм можно сделать вывод, что Русская Правда регулировала только отдельные моменты трудовых отношений. Закон ясно давал понять, что социальный статус закупа, холопа обязывал его носителей трудиться, связывая труд и социальную принадлежность человека. Средневековое законодательство нашей страны, в отличие от современного, принуждало к труду. Регламентированная общерусским законом фиксированная плата за труд была предусмотрена только для узкого круга специалистов (строителей городских укреплений и мостов), что, безусловно, было связано с важностью их работ

для безопасности и экономики того времени. Общеизвестно, что нормы Русской Правды действовали несколько столетий, вплоть до XV в.

Обратимся к нормам другого важного документа феодального права – Псковской судной грамоте 1497 г. В ней впервые в русской истории появляется институт найма. Лиц, занятых наемным трудом, Псковская судная грамота называла наймитами. Наймиту в Псковской судной грамоте посвящены ст. 39–41¹.

Ст. 39 начинается с определения круга лиц, попадавших под действие ее норм. Это мастер, плотник или наймит. Статья регулировала взаимоотношения наемных работников с хозяином, если условия их работы не были зафиксированы в специальной записи, но были выполнены в обусловленный договором срок. Если какой-либо мастер, плотник или наймит отработает обусловленный соглашением срок работы и уйдет от господина, выполнив свою работу, то он имеет право получить плату за работу, а в случае отказа господина – публично взыскать ее.

Наймит, работавший на господском дворе, согласно ст. 40, мог покинуть своего хозяина, не выполнив весь объем работ, и получить плату только за отработанное время. Закон устанавливал срок давности для предъявления иска – один год после ухода от хозяина.

По своей конструкции и составу интересна ст. 41, согласно которой в случае, если между хозяином и наймитом не будет составлено специальной записи, содержащей указание на размер оплаты труда и определяющей объем работы, то вопрос об удовлетворении иска наймита по вопросу оплаты труда решался судом, где хозяин признавал иск или же присягал, отрицая его.

Из приведенных статей видно, что в конце XIV в. впервые в истории страны закон, действовавший на северо-западе Русского государства, вставал на защиту работника. Однако работнику необходимо было публично доказать свою правоту, если хозяин, на которого работал наймит, отказывался от уплаты вознаграждения за работу. Следовательно, исключительно на усмотрение суда существовала возможность как защиты работника, так и отказа в этой защите, а также решение спора в пользу работодателя («господина»). Несмотря на то, что ст. 39–41 напрямую не регулировали условия труда, ими признавался приоритет специальной записи между наймитом и господином, при этом Псковская судная грамота настаивала на обязательности такой записи. Можно признать подобную запись прообразом будущего трудового договора, положение о котором впервые появится в нашей стране в КЗоТе 1922 г.²

Положения о личном найме получили дальнейшее распространение в нормах Судебника Ивана III 1497 г. и Судебника Ивана IV 1550 г. Ст. 40 Псковской судной грамоты была использована при состав-

лении ст. 54 Судебника 1497 г. В условиях развития товарного производства росла потребность в умелых ремесленниках, следствием этого стало распространение договора личного найма, поэтому в Судебник Ивана III была введена четкая регламентация отношений личного найма. В тексте Судебника 1497 г. прослеживается идея защиты интересов хозяина, поэтому личный найм по ст. 66 вел к холопству. В отличие от ст. 40 Псковской судной грамоты, по которой ушедший самовольно наймит все же получал причитающуюся ему плату, Судебник 1497 г. устанавливал за самовольное нарушение наймитом договора личного найма наказание в виде лишения заработанного вознаграждения: «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен»³. Судебник 1497 г. ввел правило Юрьева дня. Согласно ст. 57 крестьянам разрешалось переходить из волости в волость, из села в село лишь в течение одного срока в году: за неделю до осеннего Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после осеннего Юрьева дня. За пользование двором крестьяне должны были платить в степной полосе рубль, а в лесной – полтину. Если крестьянин жил у господина год, то при уходе он оплачивал четверть стоимости двора, если два года – половину стоимости двора, три года – три четверти, а за четыре года – стоимость всего двора.

Ст. 83 Судебника Ивана IV 1550 г. дополнила положение, установленное в 1497 г., ответственностью хозяина, не желавшего выплатить обусловленное договором личного найма вознаграждение в случае выполнения наймитом своих обязательств. Исходя из текста закона, видно, что спор между наемным работником и хозяином рассматривался в судебном порядке, и в случае признания виновным господина он должен был выплатить требуемую наймитом сумму в двукратном размере⁴.

Очевидно, что процессы закрепощения, активно проходившие в нашей стране, были преградой для законодательного расширения положений о вольном найме. Такая же тенденция прослеживается в крупнейшем юридическом памятнике XVII в. – Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. Из 25 глав и 967 статей, составляющих Уложение, условия труда регулируются в следующих главах: глава X «О суде», ст. 275; глава XIX «О посадских людях», ст. 17; глава XX «Суд о холопах», ст. 116, т.е. всего 0,31 % от общего объема статей⁵. Проанализируем указанные нормы.

В ст. 275 регламентируется частный случай личного найма и ответственность нанявшегося за добросовестное выполнение работы: «Кто будет наниматься стеречь двор, лавку или что-нибудь другое и даст в этом поручительство, а после в его часы будет кража и будет к нему иск, а следствие подтвердит, что украдено в его часы, то украденное или его стоимость над-

лежит взыскать со сторожа и его поручителей. А если у него заплатить будет не чем, отдает себя хозяину украденного “до искупу” (перевод наш. – В. Ж., В. Т.).

Из приведенной статьи видно, что для нанявшегося на работу свободного существовала возможность закабаления. В Уложении есть и другие нормы, ведущие к нему, поэтому советский историк А.И. Яковлев считал, что Уложение 1649 г. пропитано холопством насквозь. Значительную часть упоминания «людей» в тексте Уложения историк относил к холопам, насчитав более 200 статей закона, прямо или косвенно имеющих отношение к холопам [Яковлев: 54].

Однако свободный отдавал себя хозяину не навсегда. «Искуп» состоял в работе на заимодавца в счет долга по официально установленному расчету: мужчины – по 5 руб. в год, женщины – по 2,5 руб., дети должников в возрасте свыше 10 лет – по 2 руб. в год. Погашение таким путем иска влекло освобождение должника и членов его семьи от зависимости. В случае смерти заимодавца до полной отработки долга права на должников переходили к наследникам до окончания «искупа» (глава XX, ст. 40). В то же время закон допускал для должников, обедневших в результате несчастных случаев (пожар, грабеж и другие бедствия), рассрочку уплаты долга по заемным кабалам, но не более как до 3 лет. При этом оформлялись поручные записи, по которым поручители выплачивали долг полностью в случае смены должника (отъезд за рубеж) или оставшуюся часть долга, если наличного имущества должника не хватало для полного погашения долга (глава X, ст. 203).

Ст. 17 предоставляла право крестьянам, приехавшим с товарами в город, торговать, но только с возов и лодок. В лавках же крестьянам торговать запрещалось. Советские историки считали, что в этом запрещении была выражена преимущественная охрана сословных интересов посадских людей [Маньков].

Ст. 116 содержит нормы обязательственного права, рассматривается договор личного найма, заключенный тяглыми людьми на детей, племянников и других лиц. Законодатель ограничивает срок работы по договору личного найма «житейским записям» в пять лет. Можно сделать вывод, что в целом законодатель не стремился урегулировать вопросы труда в Соборном уложении. Начавшееся с 1497 г. закрепощение крестьян оставляло все меньше места для свободного труда и для свободного населения, а следовательно, и для законодательного урегулирования вопросов труда.

Время промышленного переворота в России берет свое начало с реформ Петра I. Непрерывные войны, которые вел первый российский император, выдвинули необходимость создания современной на тот момент промышленности, способной самостоятельно обеспечивать нужды армии. Развитие промышленности потребовало людских ресурсов и законов,

которые могли бы регулировать труд. Базой для привлечения людских ресурсов стало крепостное право [Нисселович: 17]. На фабриках, учрежденных правительством и переданных в частные руки, работали приписанные к ним крепостные. Позднее владельцы промышленных предприятий получили право с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии приобретать целые деревни, чтобы крестьяне были при заводах неотлучно⁶, а также не возвращать с заводов беглых крепостных крестьян и казенных людей⁷. Меры 20-х гг. XVIII в., несмотря на их жесткость, сохранили лично свободных рабочих, которые трудились на предприятиях по соглашению и за плату. Это означало, что рабочий мог перейти на другую фабрику.

Спустя десятилетие императрица Анна Иоанновна 7 января 1736 г. издала указ, по которому все рабочие фабрик прикреплялись к ним навечно, а промышленники получали право покупать крестьян без земли⁸. Однако указ Анны Иоанновны «закрепил» уже трудившихся рабочих. Его действие не распространялось на работников, заключивших срочный договор найма после введения указа, то есть закон сохранял возможности для вольнонаемного труда.

Об этом же свидетельствует более поздний по времени Сенатский указ 12 марта 1752 г. времен правления императрицы Елизаветы Петровны. Правительствующий сенат узнал, что многие владельцы заводов и фабрик приглашают для работы вольных наемных людей, и разрешил продолжить подобную практику. Важный момент указа заключался в установлении максимального количества рабочих, которые могли быть куплены к фабрике⁹. Указ императора Петра III «О не покупке деревень к фабрикам и заводам» 29 марта 1762 г. запретил покупку к фабрикам и заводам крестьян как с землей, так и без земли¹⁰. В этом же году запрет был подтвержден императрицей Екатериной II¹¹. Запрет был отменен императором Павлом I, стремившимся сделать все вопреки воли матери, в 1798 г.¹² В то же время Павел I ограничил помещичьим крестьянам барщину тремя днями и запретил работать на помещика в воскресенье по причине запрета воскресной работы в Библии¹³.

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. принудительный труд применялся на вотчинных или посессионных фабриках. Вотчинные фабрики принадлежали только дворянам. Единственным ограничением для таких фабрик была возможность их основания только в дворянских имениях, то есть в сельской местности. Почти все работники вотчинных фабрик были крепостными. В условиях невысокого развития машинного производства использование подневольного труда давало экономический эффект: низкое качество труда могло компенсироваться его количеством. Организация труда на вотчинных фабриках была исключительной прерогативой дворяни-

на-помещика – хозяина предприятия. Государство избегало вмешиваться во взаимоотношения работника и работодателя, чтобы не ограничивать права владельца на пользование, владение и распоряжение его движимым имуществом, то есть крестьянином [Яковлев: 56]. Помещик мог сделать со своим крепостным все что угодно, вплоть до убийства. При Екатерине II дворянину, совершившему убийство своего подневольного работника, грозило только церковное покаяние [История России: 168].

Еще одной формой принудительного труда был кабальный труд, который был широко распространен в конце XVIII – первой половине XIX в. Он мог возникнуть вследствие передачи помещиком своих крепостных фабриканту за плату либо посредством найма крепостных с выплатой оброка помещику. В кабальные рабочие можно было попасть и за неплату налогов или за долги кредиторам-промышленникам. С середины XVIII в. в практику вошел кабальный детский труд. Он появился с началом массового внедрения машинного производства, которое не требовало от рабочего значительной физической силы и профессиональных качеств [Киняпина: 381].

Правительство, не вмешиваясь в регулирование труда на вотчинных фабриках, регламентировало трудовую деятельность на посессионных фабриках. Была введена практика утверждения особых положений для каждой посессионной фабрики. В них, а также в других специальных актах определялся внутренний распорядок фабрики и регулировались отношения работника и фабриканта.

Первое законодательное ограничение продолжительности рабочего времени было осуществлено в принятом 5 апреля 1722 г. «Регламенте об управлении адмиралтейств и верфи». Продолжительность рабочего дня устанавливалась весной и летом в 13,5 часов, с 4 часов утра до 7–8 часов вечера, с часовым и двухчасовым перерывами на обед и отдых. Зимой, когда не было работ, работники отдыхали. Для поддержания трудовой дисциплины «Регламент» определял специальный штат надсмотрщиков, в обязанности которых входило наблюдение за точным исполнением Регламента¹⁴.

Указом 20 января 1724 г. правительство Петра I установило размер минимальной заработной платы за выполнение работы по государственному заказу для мужчин: в летнее время мужику с лошадей – 10 копеек в день, без лошадей – 5 копеек, в зимнее – 6 копеек в день мужику с лошадей и 4 копейки – без лошадей. За работу в подводе плата оставалась такой же, плюс существовала надбавка за пройденные версты (то есть за «прогоны»), районный коэффициент не предусматривался. Закон нечетко регламентировал начало летнего и зимнего сезона: «А времена вычислять: летнее – с первого апреля

по октябрь, а зимнее – с [первого] октября по апрель месяц»¹⁵ (перевод наш. – В. Ж., В. Т.).

2 сентября 1741 г. правительство Анны Леопольдовны издало регламент и правила («регулы») рабочие для суконных и каразейных фабрик. Регламент предписывал строить промышленные здания по возможности прочными и безопасными от пожара, поддерживать чистоту в цехах. Предусматривалось также надлежащее отопление и освещение фабричных зданий, удобное расположение станков, оплата простоя и прогулов по вине предпринимателей, устройство для рабочих госпиталей, обеспечение их спецодеждой. «Регулы» закрепляли 17-часовой рабочий день летом, и 16-часовой – зимой, а также уровень заработной платы, которая должна была выдаваться рабочим еженедельно в размере 75 %, а в конце месяца производиться полный расчет. Неявка на работу без уважительных причин подлежала наказанию: в первый раз вычетом из заработка за пропущенные дни в одинарном размере, во второй раз – в двойном размере, в этом случае обязательным было телесное наказание палками. Опаздывающие на работу в первый раз получали выговор, при повторном опоздании штрафовались. Наказанию работники также подвергались за неподчинение хозяйской власти и выпуск товара с браком. В то же время при чрезмерно жестоким обращении работники имели право обратиться в суд. В случае признания виновным промышленника суд мог наложить на него штраф¹⁶.

Таким образом, до появления Пространной редакции Русской Правды трудовые отношения в Киевской Руси не подлежали законодательной регламентации. Средневековое законодательство принуждало работников к труду по достаточно жестким правилам. Социальный статус закупа, холопа обязывал его носителей трудиться, связывая труд и социальную принадлежность человека. Однако установление в Русской Правде фиксированной оплаты за работу узкому кругу специалистов (строителям городских укреплений и мостов) и дополнительные обязательства, возложенные на работодателя, связанные с обеспечением питания работника, дают основания говорить о появлении ряда важных в масштабах государства профессий. С конца XIV в. впервые в истории страны закон, действовавший на северо-западе Русского государства, стал вставать на защиту работника. Однако работнику необходимо было публично доказать свою правоту, и суд мог как встать на его сторону, так и не сделать этого. Одновременно в русском законодательстве появляется институт найма, а также срок давности для предъявления иска по спорам из обязательства выплаты денег за выполненную работу. В целом первые русские законы не стремились регулировать условия труда, решая только некоторые частные вопросы, возникавшие между работником

и работодателем. Процессы закрепощения, проходившие в нашей стране, были преградой как для законодательного расширения положений о правах работника, так и о взаимных обязанностях работника и работодателя. Именно поэтому первое законодательное ограничение продолжительности рабочего времени в 13,5 часов в день для рабочих верфей и установление размера минимальной заработной платы за выполнение работы по государственному заказу для мужчин от 4 до 10 копеек в день относятся уже ко времени правления Петра I.

В целом в рассматриваемый период в России не было предпринято комплексной попытки урегулировать вопросы труда для решения социальных вопросов. Каждый из принятых государством нормативных актов носил узкий, ограниченный характер, это стало одной из причин начавшихся волнений на фабриках и заводах в России и готовило почву для новых политических проектов, которые появятся в конце XIX – начале XX в.

Примечания

¹ Псковская судная грамота // Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. С.В. Юшкова. Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1953. С. 309–310.

² Кодекс законов о труде Р.С.Ф.С.Р. издания 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

³ Судебник 1497 г. // Памятники русского права. Вып. 3 / под ред. Л.В. Черепнина. Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1955. С. 355.

⁴ Судебник 1550 г. // Памятники русского права. Вып. 4 / под ред. Л.В. Черепнина. Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. С. 256.

⁵ Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. // Памятники русского права. Вып. 6 / под ред. К.А. Софроненко. Москва: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. С. 141, 307, 311, 359.

⁶ Именной указ «О покупке к заводам деревень» от 18 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): Собрание 1-е. 1721. Т. 6. № 3711.

⁷ Именной, данный Сенату указ «О неотдаче с фабрик находящихся в оных беглых учеников и работников» от 18 июля 1722 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1722. Т. 6. № 4055.

⁸ Именной указ «Об укреплении за фабрикантами оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян; об исключении сих людей из подушного оклада и о предписании фабрикантам заплатить за них, кому следует, определенную сумму денег; о возвращении людей, занимавшихся на фабриках черною работою, на старые жилища; о недержании фабрикантам беглых и беспаспортных людей; об отсылке праздношатающихся для работы на мануфактурах в продолжение пяти лет; об отсылке с фа-

брик мастеровых людей за дурное поведение в дальние города и о позволении фабрикантам покупать людей и крестьян без земли» от 7 января 1736 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1736. Т. 9. № 6858.

⁹ Сенатский указ от 12 марта 1752 г. «О числе приписных душ к фабрикам и заводам; об объявлении при письме крепостей о тех деревнях; и о непозволении произведенным в чины из купцов фабрикантам покупать деревни» // ПСЗ: Собрание 1-е. 1752. Т. 13. № 9954.

¹⁰ Сенатский указ от 29 марта 1762 г. «О не покупке деревень к фабрикам и заводам» // ПСЗ: Собрание 1-е. 1762. Т. 15. № 11.490.

¹¹ Высочайше утвержденный доклад Сената «Об оставлении в своей силе указа 29 марта сего года, о не покупке к заводам и фабрикам деревень» от 8 августа 1762 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1762. Т. 16. № 11.638.

¹² Именной, данный Сенату указ «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян и об отбирании оных в казну в случае уничтожения оных заведений» от 16 марта 1798 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1798. Т. 25. № 18.442.

¹³ Манифест императора Павла I «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о не принуждении к работе в воскресные дни» от 5 апреля 1797 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1797. Т. 25. № 17.909.

¹⁴ Регламент о управлении адмиралтейств и верфи и часть вторая регламента морского от 5 апреля 1722 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1722. Т. 6. № 3937.

¹⁵ Сенатский указ от 20 января 1724 г. «О не требовании работников и подводе безденежно и без указов Сената» // ПСЗ: Собрание 1-е. 1724. Т. 7. № 4425.

¹⁶ Регламент и работные регулы на суконные и казначейские фабрики, состоявшийся по докладу учрежденной для рассмотрения о суконных фабриках комиссии от 2 сентября 1741 г. // ПСЗ: Собрание 1-е. 1741. Т. 11. № 8439.

Список литературы

Войтинский И.С. Трудовое право: Диктатура буржуазии и трудовое право: учеб. пособие. Москва: Сов. законодательство, 1934. Ч. 1. 224 с.

Догодов В.М. Очерки трудового права. Москва: Рабочее изд-во «Прибой», 1927. 163 с.

Зимин А.А. Правда Русская. Москва: Древлехранилище, 1999. 424 с.

История России с начала XVIII до конца XIX века / под ред. А.Н. Сахарова. Москва: Изд-во АСТ-ЛТД, 1997. 544 с.

Кинятина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е гг. XIX в.). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 454 с.

Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 1. Сущность трудового пра-

ва и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Москва: Статут, 2009. 879 с.

Лушникова М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 938 с.

Маньков А.Г. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Ленинград: Наука, 1980. 271 с.

Нисселович Л.Н. История заводско-фабричного законодательства Российской Империи: в 2 ч. Санкт-Петербург: Министерство фин., 1883. 359 с.

Соболев С.А. История становления трудового договора в России // Государство и право. 2002. № 2. С. 93–102.

Федоров А.Ф. Фабричное законодательство цивилизованных государств. О работе малолетних и женщин на фабриках. Санкт-Петербург: Тип. Г. Дюнтца, 1884. 402 с.

Хохлов Е.Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. Правовое регулирование труда в Российской империи. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. 196 с.

Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: в 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Наука, 1943. 493 с.

References

Voitinskii I.S. *Trudovoe pravo: Diktatura burzhuzii i trudovoe pravo* [Labor law: The dictatorship of the bourgeoisie and labor law]: uchebnoe posobie. Moscow, Sov. zakonodatel'stvo Publ., 1934, ch. 1, 224 p. (In Russ.)

Dogadov V.M. *Oчерки трудового права* [Essays on labor law]. Moscow, Priboj Publ., 1927, 163 p. (In Russ.)

Zimin A.A. *Pravda Russkaya* [The truth is Russian]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 1999, 424 p. (In Russ.)

Istoriya Rossii s nachala XVIII do konca XIX veka [The history of Russia from the beginning of the XVIII to the end of the XIX century]. Moscow, Izd-vo AST-LTD Publ., 1997, 544 p. (In Russ.)

Kinyarina N.S. *Politika russkogo samoderzhaviya v oblasti pro-myshlennosti (20–50-e gg. XIX v.)* [The policy of the Russian autocracy in the field of industry (20–50-ies of the XIX century)]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 1968, 454 p. (In Russ.)

Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *Kurs trudovogo prava: v 2 t. T. 1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka* [Course of labor law: textbook: in 2 vols. Vol. 1. The essence of labor law and the history of its development. Labor rights in the human rights system]. Moscow, Statut Publ., 2009, 879 p. (In Russ.)

Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. *Oчерки теории трудового права* [Essays on the theory of labor law]. St. Peterburg, Yurid. centr Press Publ., 2006, 938 p. (In Russ.)

Man'kov A.G. *Ulozhenie 1649 g. – kodeks feodal'nogo prava Rossii* [The Code of 1649 – the Code of Feudal Law of Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 271 p. (In Russ.)

Nisselovich L.N. *Istoriya zavodsko-fabrichnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Imperii*. [History of the factory legislation of the Russian Empire]. St. Peterburg, Ministerstvo finansov Publ., 1883, 359 p. (In Russ.)

Sobolev S.A. *Istoriya stanovleniya trudovogo dogovora v Rossii* [The history of the formation of an employment contract in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2002, № 2, pp. 93-102. (In Russ.)

Fedorov A.F. *Fabrichnoe zakonodatel'stvo civilizovannykh gosudarstv. O rabote maloletnih i zhenshchin na fabrika*. [Factory legislation of civilized states. About the work of minors and women at the factory]. St. Peterburg, Tip. G. Dyuntca Publ., 1884, 402 p. (In Russ.)

Hohlov E.B. *Oчерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. Правовое регулирование труда в Российской империи* [Essays on the history of legal regulation of labor in Russia. P. 1. Legal regulation of labor in the Russian Empire]. St. Peterburg, SPbGU Publ., 1999, 196 p. (In Russ.)

Yakovlev A.I. *Holopstvo i holopy v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Serfdom and serfs in the Moscow state of the XVII century]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1943, 493 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 14–20. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 14–20. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(430)''1947/1949''

EDN CQAWTJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-14-20>

ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ / ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ И ФРАНКФУРТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ БИЗОНИИ В 1947–1949 ГГ.

Петелин Борис Валентинович, доктор исторических наук, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Аннотация. Судьба Германии после краха нацистского режима находилась в руках победителей, взявших на себя ответственность обеспечить ее единство. Однако действия военных властей на западе и на востоке страны привели к противоположному результату. Создание англо-американскими администрациями Бизонии и учреждение Экономического совета, о чем идет речь в статье, стало отходом от решений Потсдамской конференции. Этому способствовали немецкие партии ХДС и ХСС, которые готовили экономические, политические и законодательные основы будущего западногерманского государства. Однако нельзя не признать, что деятельность Экономического совета способствовала нормализации жизни немецкого населения в западных оккупационных зонах, возрождению рыночной экономики, которая при участии Людвиг Эрхарда стала именоваться «социально-рыночным хозяйством». Фактически, что выделено в данной статье, немецкие политики, депутаты Экономического совета взяли на себя ответственность за преодоление разрушительных последствий войны, к которым привел Германию нацистский режим. «Благополучие для всех» оказалось не пропагандистским блефом, а реальным воплощением разработанной немецкими экономистами новой модели западного капитализма.

Ключевые слова: Германия, оккупационный режим, Бизония, Экономический совет, ХДС/ХСС, законодательная политика, социальное рыночное хозяйство.

Для цитирования: Петелин Б.В. Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз и Франкфуртский экономический совет Бизонии в 1947–1949 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 14–20. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-14-20>

Research Article

CHRISTIAN DEMOCRATIC UNION / THE CHRISTIAN SOCIAL UNION AND THE FRANKFURT ECONOMIC COUNCIL OF BIZONIA IN 1947-1949

Boris V. Petelin, Doctor of Historical Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, pbwtscherepowez@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-5932>

Abstract. The fate of Germany after the collapse of the Nazi regime was in the hands of the victors, who took upon themselves the responsibility to ensure its unity. However, the actions of the military authorities in the west and in the east of the country led to the opposite result. The creation of Bizonia by the Anglo-American administrations and the establishment of the Economic Council, as discussed in the article, was a departure from the decisions of the Potsdam Conference. This was facilitated by the German CDU and CSU parties, which prepared the economic, political and legislative foundations of the future West German state. However, it must be admitted that the activities of the Economic Council contributed to the normalization of the life of the German population in the Western occupation zones, the revival of the market economy, which, with the participation of Ludwig Erhard, became known as the “socio-market economy”. In fact, as highlighted in this article, German politicians, deputies of the Economic Council took responsibility for overcoming the devastating consequences of the war.

Key words: Germany, occupation regime, Bison, Economic Council, CDU/CSU, legislative policy, social market economy.

For citation: Petelin B.V. Christian Democratic Union / the Christian Social Union and the Frankfurt economic council of Bizonia in 1947–1949. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 14–20. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-14-20>

Обращаясь к предыстории создания Федеративной Республики Германия, не следует игнорировать тот факт, что конституирование Западной Германии стало результатом не только отступления от решений Потсдамской конференции, в чем были повинны, пусть и в разной степени, победители, но, прежде всего, необходимостью налаживания экономической жизни в оккупированных зонах. В восточной зоне эта задача решалась Советской военной администрацией в Германии (СВАГ) быстрее и проще. В западных зонах военные администрации Великобритании, США и Франции, в силу имеющихся разногласий по германскому вопросу, не смогли сразу принять единую политику восстановления социально-экономических основ рыночного капитализма.

В работах отечественных историков можно найти лишь краткую информацию о создании Экономического совета в Бизонии. Профессор МГУ А.Ю. Ватлин пишет: когда в начале 1947 г. произошло объединение американской и английской оккупационных зон в так называемую Бизонию, то для ее «управления» потребовался специальный орган, каким стал Экономический совет, члены которого избирались ландтагами и который «играл роль предпарламента...» [Ватлин: 135]. Аналогичный подход мы найдем у А.И. Патрушева, известного российского историка-германиста, который связывал появление Экономического совета с требованиями экономики: в британской зоне был индустриальный Рур, а в американской зоне – развитая перерабатывающая промышленность [Патрушев: 569].

В монографии О.Г. Некрыловой есть упоминание о его создании, но отсутствуют какие-либо сведения о деятельности «совета», как и о проводимой через «совет» политике ХДС [Некрылова]. В диссертационном исследовании М.Р. Дорн указано, что в оккупационный период немцы не принимали непосредственного участия в создании «бизональных административных институтов». Это справедливо и в отношении Экономического совета, созданного 25 июня 1947 г. Новая бизональная организация приобрела политический характер, но оккупационная администрация по-прежнему держала контрольные функции в своих руках [Дорн: 22–23].

Среди источников отметим воспоминания Ф.Й. Штрауса о своем участии в работе Экономического совета, что позволило ему приобщиться к «отцам-основателям» ФРГ [Штраус]. То же самое можно сказать о Людвиге Эрхарде, его речах и выступлениях [Эрхард]. Среди документальных материалов назовем «протоколы» заседаний Экономического совета¹ и Парламентского совета с участием представителей от ХДС/ХСС². Практически в каждом издании о ХДС и ХСС есть хотя бы краткие сведения

об Экономическом совете и соответствующей политике ХДС³ и ХСС⁴ в оккупационный период.

Решение об объединении американской и английской оккупационных зон было принято 13 июля 1946 г. в Париже на встрече государственного секретаря США Джеймса Бернса и министра иностранных дел Великобритании Эрнеста Бевина. 2 декабря этого же года в Нью-Йорке состоялось подписание «Соглашения об экономическом слиянии зон Соединенных Штатов и Соединенного Королевства в Германии», которое вступило в силу с 1 января 1947 г.⁵ Подобный шаг обосновывался социальными проблемами, которые следовало решать, а не заниматься бесконечным обсуждением их в Контрольном совете.

Создание Бизонии способствовало сближению ХСС и ХДС. Многие рядовые члены, прежде всего из ХСС, были недовольны таким поворотом, опасаясь за судьбу баварского союза. Но эти тревоги были напрасными. ХДС в противостоянии с главным политическим соперником – СДПГ – требовался верный союзник, каким мог быть только ХСС. Контакты между Карлом Шарнаглем (Мюнхен) и Конрадом Аденауэром (Кельн) были установлены еще осенью 1945 г., затем последовали встречи на уровне «партийных» представителей в декабре 1945 г., в апреле и в августе 1946 г. В итоге 6–7 февраля 1947 г. в Кенигштайне было заключено соглашение о сотрудничестве ХДС и ХСС в рамках создаваемого «рабочего сообщества» двух партий, что свидетельствовало о преодолении между ними принципиальных разногласий⁶.

Теперь, когда к «решению германского вопроса» подключились христианские партии, политика западных администраций, направленная на обособление Бизонии, стала более явной. Но отказываться полностью от решений Потсдамской конференции они пока не собирались. Впрочем, Московская сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) 10 марта – 24 апреля 1947 г. не привела к единой политике в германском вопросе. Советская делегация по «инструкциям», спущенным сверху, должна была сорвать планы западных держав, стремящихся к экономическому обособлению своих зон⁷.

15 апреля 1947 г., во время работы сессии СМИД, состоялась беседа И.В. Сталина с госсекретарем США Д. Маршаллом. Среди прочего был поднят вопрос об «экономическом единстве Германии». Госсекретарь заявил, что США крайне заинтересованы в его разрешении. Сталин высказал свое мнение: «Экономического единства без политического единства, без наличия германского правительства будет явно недостаточно»⁸. Но политического единства не желали сами немцы. К тому времени все основные партии: Христианско-демократический союз, Социал-демократическая партия Германии, Коммунистическая партия Германии разошлись по своим

«квартирам». Даже КПП не собиралась объединяться с СЕПГ, а восточногерманская ХДС после изгнания Якоба Кайзера быстро утрачивала свою самостоятельность [Петелин: 33–34].

Несмотря на позицию Сталина, 10 июня 1947 г. американская и британская администрации заявили о создании в Бизонии Экономического совета, с подчиненными структурами Исполнительного комитета и руководителями администраций – «совет директоров». Фактически создавались законодательно-исполнительные органы под будущую государственность Западной Германии [Дорн: 23]. Для придания легитимности состав Экономического совета – 54 члена – формировался из депутатов ландтагов, при этом они были обязаны отказаться от депутатских полномочий. До 21 июня 1947 г. в Экономический совет от ХДС/ХСС было выбрано 20 членов, столько же от СДПГ. Далее, от СвДП – 4, КППГ – 3, партии Центра – 2, Немецкой партии – 2 и «Ассоциации экономического развития» (WAV) – 1. Больше всего депутатов было от ландтага земли Северный Рейн-Вестфалия – 16, от Баварии – 12, Нижней Саксонии – 8, Гессена – 5, Баден-Вюртемберга – 5, Шлезвиг-Гольштейна – 3, Гамбурга – 2, Бремена – 1⁹.

Конрад Аденауэр – председатель рейнского союза ХДС – принял деятельное участие в формировании состава Экономического совета. В письме от 11 июня 1947 г. генеральному секретарю ХДС британской зоны Йозефу Ленсу говорилось, что вопрос о делегировании в Экономический совет обсуждался парламентской фракцией ХДС в ландтаге. Затем в телефонном разговоре с Ленсом Аденауэр поделился мнением по конкретным кандидатурам, впрочем, могут быть и «другие люди, в зависимости от задач Экономического совета»¹⁰.

Председателем фракции ХДС/ХСС в Экономическом совете стал известный немецкий политик, христианский демократ Фридрих Хольцапфель, являвшийся заместителем Аденауэра в ХДС британской зоны¹¹. 21–23 июля 1947 г. во Франкфурте-на-Майне прошли заседания фракции ХДС, на которых обсуждались кандидатуры от партии на руководящие посты в структуре Экономического совета. Его работа началась 25 июля 1947 г. в правом крыле здания франкфуртской фондовой биржи.

Первым президентом Экономического совета стал христианский демократ из Висбадена Эрих Кёлер. Против его кандидатуры выступили только депутаты от КППГ, что не повлияло на голосование [Рейман: 95]. Его заместителями были избраны от СДПГ Г.А. Зинн (до 01.09.1947 г.) и Г. Дарендорф (с 01.09.1947 г.). Социал-демократам не удалось отстоять позиции, поэтому на вечернем заседании они отозвали свои кандидатуры из «совета директоров». Руководство СДПГ объяснило такой шаг

не «бегством от ответственности», а уходом в «конструктивную оппозицию», чтобы далее противостоять политике ХДС¹². Тем самым в экономическом руководстве Бизонии остались только управляющие от ХДС/ХСС: «экономика» – Йоханес Землер (ХСС); «продовольствие» – Ханс Шланге-Шенинген (ХДС); «финансы» – Альфред Хартманн (ХСС); «почта» – Ханс Шуберт (ХСС); «транспорт» – Эдмунд Фрон (ХДС). В «проталкивании» кандидатуры Землера в «директора» принимал участие Йозеф Мюллер, первый председатель баварской партии ХСС [Штраус: 92].

В формировании Исполнительного комитета большинство осталось за социал-демократами: ХДС/ХСС – 2 члена, СДПГ – 6. Осенью 1947 г. позиции ХДС/ХСС несколько укрепились, но на работу «комитета» это существенно не повлияло. О его деятельности можно узнать из «дневника» Генриха Трегера, занимавшего должность «генерального секретаря» Земельного совета после реорганизации административных органов Бизонии в феврале 1948 г. [Troeger: 21]. Исполнительный комитет, который должен был стать «верхней палатой парламента» – бундесратом, явно оказался не у дел. Из-за путаницы в распределении функций возникали постоянные конфликты с Экономическим советом, что в общем объяснялось соперничеством ХДС/ХСС и СДПГ. Американская оккупационная администрация больше поддерживала христианских политиков, чем социал-демократов, выступавших за национализацию и централизацию по примеру английских лейбористов и, соответственно, против федералистских тенденций, отстаиваемых ХДС/ХСС.

До конца 1947 г. фракция ХДС/ХСС в Экономическом совете провели двадцать заседаний, обсуждая текущие вопросы экономического, социального, финансового характера. В октябре к их непосредственному обсуждению присоединился банкир Роберт Пфердменгес, имевший большое влияние на Конрада Аденауэра [Адамо: 36]. Впрочем, будущий канцлер ФРГ участвовал в заседаниях фракции ХДС/ХСС в качестве «гостя», внося свои предложения по преодолению продовольственного кризиса в 1947 г.

На заседании членов фракции 12 октября 1947 г. был заслушан доклад Ханса Шланге-Шенингена, отвечавшего в «совете директоров» за «продовольствие, сельское и лесное хозяйство». Им было обозначено три важнейших проблемы, которые должен был решать Экономический совет: совместная и более тесная работа с землями; взаимодействие с оккупационными властями в целях налаживания устойчивого экономического обмена внутри Бизонии; наконец, устранение несогласованности в отношениях с «исполнительным комитетом», который не работает достаточно быстро, что отрицательно сказывается на существующем положении в землях¹³.

В развернувшейся дискуссии свое мнение высказал Аденауэр, связав решение насущных проблем с сохранением союза ХДС/ХСС. Необходимо преодолеть разобщенность в действиях «бизональных директоров» с представителями власти на местах. Что касается обеспечения населения продовольствием, прежде всего картофелем, то, по словам Аденауэра, следует навести порядок в его поставках, обратить внимание на производство и создание запасов. Эрх Хард предложил сформировать «экспертные советы домохозяек», чтобы прислушиваться к их рекомендациям и вести информационную работу среди населения. Йозеф Баумгартнер, сельскохозяйственный министр из Баварии, предвещал дальнейшее ухудшение ситуации к весне 1948 г. Нужны энергичные шаги не только со стороны военных администраций, но и Экономического совета, который должен проводить свою законодательную политику более эффективно¹⁴.

Вторая половина 1947 г. была трудной для населения Бизонии. Перебои с продовольствием, тем же картофелем, что стало чуть ли не главной темой на заседаниях фракции ХДС/ХСС¹⁵, требовали решительных действий от оккупационных властей и немецких политиков. Неудавшаяся Лондонская сессия СМВД (25 ноября – 15 декабря 1947 г.), в чем была повинна не только советская делегация во главе с В.М. Молотовым¹⁶, подтолкнула западные, прежде всего американские, власти к односторонним действиям. Бизональные институты оказались малоэффективными. Решено было провести их реорганизацию, приблизив функционально к государственным структурам. Прежде всего, вдвое увеличивалась численность Экономического совета: с 52 до 104 депутатов. Выбор «директоров» стал прерогативой Экономического совета, что усиливало позиции ХДС/ХСС. Общие функции управления Бизонией были распределены между тремя органами: Экономическим советом, Земельным советом и Административным советом. Исполнительный комитет был упразднен, его полномочия передали Административному совету, который возглавил Герман Пюндер, один из основателей ХДС в Мюнстере¹⁷.

Первое заседание фракции ХДС/ХСС в новом составе состоялось 21 февраля 1948 г. Фридрих Хольцапфель, который остался председателем фракции, приветствовал всех присутствовавших, представил новых членов и познакомил их с правами и обязанностями¹⁸. Кадровые перемены затянулись на несколько заседаний, проходивших ежедневно до конца февраля [Чистякова: 102–103]. Ф.Й. Штраус в своих мемуарах писал, что часто «совет» заседал до глубокой ночи. На одном из таких «ночных» заседаний выступил с докладом Людвиг Эрхард, занимавший в 1945–1946 гг. пост министра экономики в правительстве

Баварии. Он был не только практик, но и крупный ученый, представитель Фрайбургской экономической школы, где разрабатывалась и оттачивалась концепция социальной рыночной экономики. 2 марта 1948 г. Эрхард был избран директором Экономического управления Бизонии, сменив на этом посту Землера (ХСС), что произошло не без участия американцев [Функ: 376].

15 марта 1948 г. Эрхард вместе с другими «директорами» принимал участие в заседании фракции ХДС/ХСС в Экономическом совете¹⁹. Против введения рыночного хозяйства выступали не только социал-демократы, но и «левые» в ХДС, прежде всего Социальные комитеты, разделявшие идеи «христианского социализма». Но социально-рыночное хозяйство не было ограблением трудящихся: им предлагалось «благополучие для всех», которого можно достичь, считал Эрхард, путем величайших усилий всего немецкого народа [Эрхард: 56]. В речи «Путь в будущее», произнесенной 14 апреля 1948 г. на общем собрании Экономического совета, Эрхард со свойственным ему напором и эмоциональностью убеждал в реальности выбранной политики. Он не обещал немцам скорого «чуда», но в том, что «перед немецким народом открываются утешительные перспективы более счастливого будущего», Эрхард был уверен [Эрхард: 81].

Еще до денежной реформы Эрхарду удалось провести через Экономический совет закон, отменяющий государственную регламентацию и контроль над ценами, позволивший вести свободную конкуренцию и значительно ограничивающий экономические монополии. Фракция ХДС/ХСС в Экономическом совете, как и большинство его депутатов, поддержали этот закон. После долгих переговоров с правительством Франции в июле 1948 г. ее оккупационная зона присоединилась к Бизонии, образовав так называемую Тризонию. Несмотря на блокаду Западного Берлина, процесс превращения Тризонии в самостоятельное государство было уже не остановить. 1 сентября 1948 г. в Бонне начал свою работу Парламентский совет, главной задачей которого стала подготовка конституции ФРГ. Накануне состоялось заседание новой фракции ХДС/ХСС, получившей 27 парламентских мандатов, на котором председательствовал Аденауэр²⁰. После обсуждения всех возможных результатов предстоящего голосования было решено, что Аденауэр должен стать президентом Парламентского совета. Он им и стал.

Экономический совет продолжил свою деятельность, но отношения с Парламентским советом были натянутыми. Там, как вспоминал Ф.Й. Штраус, на франкфуртских депутатах «поглядывали несколько свысока» [Штраус: 95]. Но это не было противостоянием, а тем более какой-то враждой. Оба «совета»

действовали в одном направлении: создании экономической, политической, законодательной основы будущего государства. На заседании фракции ХДС/ХСС в Экономическом совете 7 сентября 1948 г. обсуждался вопрос о совместной работе с Парламентским советом. Хольцапфель выразил надежду, что Теофил Кауфман и Вальтер Штраус, руководитель бизонального правового ведомства, избранные депутатами Парламентского совета, будут действовать в этом направлении²¹.

Свое последнее заседание фракция провела 27 августа 1949 г. Оно было представительным, но Аденгауэра на нем не было. После состоявшихся 14 августа 1949 г. выборов в бундестаг председатель ХДС готовился к нелегкой борьбе за пост первого канцлера ФРГ. Фридрих Хольцапфель поблагодарил всех членов фракции за работу в Экономическом совете и выразил надежду, что деятельность новой фракции в бундестаге будет столь же успешной. После завершения официальной части участники заседания отправились на прощальный ужин²². Свою главную задачу Экономический совет во Франкфурте выполнил.

Примечания

¹ Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat: Protokolle der Unionsfraktion 1947–1949. Düsseldorf, Droste, 1988, 481 s.

² Die CDU/CSU im Parlamentarischen Rat: Sitzungsprotokolle der Unionsfraktion. Stuttgart, Klett Cotta, 1981, 701 s.

³ Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU: 1945-1982. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 1993, 544 s.

⁴ Geschichte einer Volkspartei: 50 Jahre CSU – 1945-1995. München, Hanns-Seidel-Stiftung, 1995, 815 s.

⁵ СССР и германский вопрос. 1941-1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Москва: Междунар. отношения, 2003. 712 с.

⁶ Geschichte einer Volkspartei. S. 143-144.

⁷ СССР и германский вопрос. 1941–1949. С. 293.

⁸ Там же. С. 357–358.

⁹ Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat. S. 8-9.

¹⁰ Ibid. S. 10.

¹¹ Lexikon zur Geschichte der Christlichen Demokratie in Deutschland. Paderborn, München, 2002, S. 283.

¹² Von Dagmar Nelleßen-Strauch. Der Frankfurter Wirtschaftsrat. URL: http://www.kas.de/c/document_library/get_file (дата обращения: 21.09.2022).

¹³ Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat. S. 76-78.

¹⁴ Ibid. S. 78.

¹⁵ Ibid. S. 93 (Sitzungsprotokol, 27. Oktober 1947, 20-23 Uhr).

¹⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949. С. 552–554.

¹⁷ Lexikon zur Geschichte der Christlichen Demokratie in Deutschland. S. 146.

¹⁸ Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat. S. 130.

¹⁹ Ibid. S. 162-164.

²⁰ Die CDU/CSU im Parlamentarischen Rat: Sitzungsprotokolle der Unionsfraktion. S. 3-5.

²¹ Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat. S. 262-263.

²² Ibid. S. 442-443.

Список литературы

Адамо Г. ХДС/ХСС. Сущность и политика: пер. с нем. Москва: Политиздат, 1979. 368 с.

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 336 с.

Дорн М.Р. Формирование органов управления Западной Германии в условиях оккупационного режима 1945–1949 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2010. 31 с.

Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 448 с.

Невский С.И. Экономические, социальные и политические результаты денежной реформы // 1948 год в германской истории: материалы конференции российских и немецких историков, 19–20 июня 2008 г., г. Москва. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 90–100.

Некрылова О.Г. Христианско-демократический союз в партийно-политической системе послевоенной Западной Германии: проблемы образования в условиях оккупации (1945–1949 гг.): монография. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2017. 175 с.

Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. Москва: ИД Междунар. унта в Москве, 2007. 704 с.

Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр-Якоб Кайзер-Отто Нушке. 1945–1952 гг. Череповец: ЧГУ, 2014. 207 с.

Рейман М. Решения 1945–1956 / пер. с нем. Г.Я. Рудого. Москва: Политиздат, 1975. 256 с.

Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 208 с.

СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. Москва: Междунар. отношения, 2003. 856 с.

Функ Л. Людвиг Вильгельм Эрхард // Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики. Фонд Конрада Аденауэра в России. Москва: Весь мир, 2018. С. 375–400.

Чистякова М.Р. Кадровая политика административных органов Бизонии в 1948 г. // 1948 год в германской истории: материалы конференции российских и немецких историков, 19–20 июня 2008 г., г. Москва. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 101–107.

Штраус Ф.Й. Воспоминания. Москва: Международные отношения, 1991. 560 с.

Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. Москва: Руссико: Ордынка, 1993. 608 с.

Die CDU/CSU im Frankfurter Wirtschaftsrat: Protokolle der Unionsfraktion 1947–1949. Düsseldorf, Droste, 1988, 481 S.

Die CDU/CSU im Parlamentarischen Rat: Sitzungsprotokolle der Unionsfraktion. Stuttgart, Klett Cotta, 1981, 701 S.

Geschichte einer Volkspartei: 50 Jahre CSU – 1945–1995. München, Hanns-Seidel-Stiftung, 1995, 815 S.

Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU: 1945–1982. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 1993; Geschichte einer Volkspartei: 50 Jahre CSU – 1945–1995. München, Hanns-Seidel-Stiftung, 1995, 544 S.

Lexikon zur Geschichte der Christlichen Demokratie in Deutschland. München, Paderborn, 2002, 809 S.

Troeger H. Interregnum: Tagebuch des Generalsekretärs des Länderrats der Bizone 1947–1949. München, Oldenbuerg Verlag, 1985, 211 S.

Von Dagmar Nelleßen-Strauch. Der Frankfurter Wirtschaftsrat. URL: http://www.kas.de/c/document_library/get_file... (дата обращения: 21.09.2022).

References

Adamo G. *HDS/HSS. Sushhnost' i politika* [Essence and politics], trans. from German. Moscow, Politizdat Publ., 1979, 368 p. (In Russ.)

Vatlin A.Ju. *Germanija v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 2005, 336 p. (In Russ.)

Dorn M.R. *Formirovanie organov upravlenija Zapadnoj Germanii v uslovijah okkupacionnogo rezhima 1945–1949 gg.* [Formation of the governing bodies of West Germany in the conditions of the occupation regime of 1945–1949], PhD thesis. Moscow, 2010, 31 p. (In Russ.)

Koval' K.I. *Poslednij svidetel'. «Germanskaja karta» v holodnoj vojne* [Last witness. “German map” in the Cold War]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 1997, 448 p. (In Russ.)

Nevskij S.I. *Jekonomicheskie, social'nye i politicheskie rezul'taty denezhnoj reformy* [Economic, social and political results of monetary reform]. 1948 god v

germanskoj istorii: materialy konferencii rossijskih i nemeckih istorikov 19–20 ijunja 2008 g., Moskva [1948 in German history: materials of the conference of Russian and German historians on June 19–20, 2008, Moscow]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 2009, pp. 90–100. (In Russ.)

Nekrylova O.G. *Hristiansko-demokraticeskij sojuz v partijno-politicheskoj sisteme poslevoennoj Zapadnoj Germanii: problemy obrazovanija v uslovijah okkupacii (1945–1949 gg.)* [Christian Democratic Union in the party-political system of post-war West Germany: problems of education under occupation (1945–1949): monograph]. Elec, Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I.A. Bunina Publ., 2017, 175 p. (In Russ.)

Patrushev A.I. *Germanskaja istorija, cherez ternii dvuh tysjacheletij* [German history, through the thorns of two millennia]. Moscow, ID Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve Publ., 2007, 704 p. (In Russ.)

Petelin B.V. *Rannjaja istorija Hristiansko-demokraticeskogo sojuza: Konrad Adenauer-Jakob Kajzer-Otto Nushke. 1945–1952 gg.* [Early history of the Christian Democratic Union: Konrad Adenauer-Jakob Kaiser-Otto Nuschke. 1945–1952]. Cherepovec, ChGU Publ., 2014, 207 p. (In Russ.)

Rejman M. *Reshenija 1945–1956* [Decisions 1945–1956], trans. by G.Ja. Rudoy. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 256 p. (In Russ.)

Social'noe rynochnoe hozjajstvo v Germanii: istoriki, koncepcija, praktika [Social market economy in Germany: origins, concept, practice]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 2001, 208 p. (In Russ.)

SSSR i germanskij vopros. 1941–1949: Dokumenty iz Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: v 3 t. T. 3. 6 oktjabrja 1946 g. – 15 ijunja 1948 g. [USSR and the German question. 1941–1949: Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation: in 3 vols, vol. 3: October 6, 1946 – June 15, 1948]. Moscow, Mezhdunar. otnoshenija Publ., 2003, 856 p. (In Russ.)

Funk L. *Ljudvig Vil'gel'm Jerhard* [Ludwig Wilhelm Erhard]. *Social'noe rynochnoe hozjajstvo – osnovopolozhniki i klassiki. Fond Konrada Adenauera v Rossii* [Social market economy – founders and classics. Konrad Adenauer Foundation in Russia]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, pp. 375–400. (In Russ.)

Chistjakova M.R. *Kadrovaja politika administrativnyh organov Bizonii v 1948 g.* [Personnel policy of the administrative bodies of Bizonia in 1948]. 1948 in German history. 1948 god v germanskoj istorii: Materialy konferencii rossijskih i nemeckih istorikov 19–20 ijunja 2008 g., Moskva [1948 in German history: Proceedings of the conference of Russian and German historians, June 19–20, 2008, Moscow]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 2009, pp. 101–107. (In Russ.)

Shtraus F.J. *Vospominanija* [Memoirs]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1991, 560 p. (In Russ.)

Jerhard L. *Polveka razmyshlenij: Rechi i stat'i* [Half a Century of Reflection: Speeches and Articles]. Moscow, Russiko, Ordynka Publ., 1993, 608 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 30.11.2022; принята к публикации 05.11.2022.

The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 30.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 21–26. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 21–26. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 94(470.317)''20''

EDN KJHVKY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-21-26>

КОСТРОМИЧИ-ОКТЯБРИСТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Булюкин Дмитрий Александрович, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, bulykindima@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме деятельности костромских депутатов-октябристов в III Государственной думе Российской империи. Источниками выступают документы Российского государственного исторического архива (РГИА), а также материалы периодической печати Российской национальной библиотеки (РНБ). Предпринимается попытка установить, в какой мере депутаты-костромичи выражали интересы своих избирателей. На обширном фактическом материале рассматривается отношение костромских народных избранников к важнейшим вопросам общественно-политической и экономической жизни России начала XX в. Авторы приходят к выводу о том, что представители партии «Союз 17 октября» в период работы III Думы пользовались поддержкой царского правительства и губернской администрации, а депутаты Г.Н. Ботников и В.С. Соколов активно работали на ниве русского парламентаризма и немало сделали для развития представляемой ими Костромской губернии.

Ключевые слова: III Государственная дума, октябристы, В.С. Соколов, Г.Н. Ботников, депутаты, Костромская губерния, губернские земские собрания.

Для цитирования: Белов А.М., Булюкин Д.А. Костромичи-октябристы в Государственной думе Российской империи // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 21–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-21-26>

Research Article

KOSTROMICHI-OCTOBRISTS IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE

Andrey M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Dmitry A. Bulyukin, Kostroma State University, Kostroma, Russia, bulykindima@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the little-studied problem of the activity of Kostroma deputies-Octoberists in the III State Duma of the Russian Empire. The sources are the documents of the Russian State Historical Archive (RGIA), as well as the materials of the periodical press of the Russian National Library (RNB). An attempt is being made to establish to what extent the Kostroma deputies expressed the interests of their constituents. Based on extensive factual material, the attitude of Kostroma people's deputies to the most important issues of socio-political and economic life of Russia at the beginning of the XX century is considered. The authors conclude that representatives of the Union of October 17 party during the work of the III Duma enjoyed the support of the tsarist government and the provincial administration, and deputies G.N. Botnikov and V.S. Sokolov actively worked in the field of Russian parliamentarism and did a lot for the development of the Kostroma province represented by them.

Keywords: III State Duma, Octoberists, V.S. Sokolov, G.N. Botnikov, deputies, Kostroma province, provincial zemstvo assemblies.

For citation: Belov A.M., Belyukin D.A. Kostromichi-Octoberists in the State Duma of the Russian Empire. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, No. 4, pp. 21–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-21-26>

Партия «Союз 17 октября» занимала видное место на шкале политического спектра до-революционной России и «представляла собой правый фланг российского либерального лагеря, занимая промежуточное положение между кадетами и крайне правыми» [Шелохаев: 108]. Воззвание «Союза 17 октября» содержало идею «объединения всех, кто искренне желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения» [Черкашин: 456]. Как правило, к октябристам присоединялись люди зрелого возраста и высокого образовательного уровня, со вполне определенным и весьма солидным общественным и имущественным положением. Основными социальными корнями октябризма стали дворянско-землевладельческие и торгово-промышленные слои. Лидером партии был директор Московского учетного банка Александр Иванович Гучков.

В I и II Государственных думах октябристы имели незначительное представительство и не оказывали влияние на принимаемые решения. Все изменилось после утверждения нового положения о выборах. Избирательный закон от 3 июня 1907 г. существенно сократил представительство от крестьян, национальных окраин и расширил квоту для имущественных классов России. Это позволило октябристам увеличить число своих представителей в парламенте. Повлияло это и на их представительство в Костромской губернии.

В III Государственной думе, отработавшей весь положенный срок (1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.), октябристы были партией власти, пользуясь поддержкой председателя Совета министров П.А. Столыпина. В Костроме отделение данной партии появилось 1 декабря 1905 г. Первоначально (весна 1906 г.) бюро костромского отдела партии насчитывало 15 человек, которые служили в земском и городском самоуправлении и были представителями местного капитала. В III Государственную думу от Костромской губернии были избраны два представителя «Союза 17 октября»: Василий Семенович Соколов (1846–1912) и Геннадий Николаевич Ботников (1860–1922). Немаловажно, что сам костромской губернатор А.П. Веретеников состоял в данной партии и потому благоволил костромским октябристам [Волобуев: 346].

В.С. Соколов был избран от курии землевладельцев. Происходил из семьи православного священника. Образование получил сначала в Саратовской губернской гимназии, затем учился на юридическом факультете Московского университета. Получил ученую степень кандидата права. В Костромскую губернию был выслан на один год, подвергшись административной высылке. С 1876 г. служил в Костроме частным и присяжным поверенным Костромского окруж-

ного суда. В 1886 г. был избран гласным Костромской городской думы. В 1902–1912 гг. был почетным мировым судьей Костромской губернии [Государственная Дума России: 589]. Депутатом Государственной думы стал в 61 год. В этот период он занимался активной общественной деятельностью, публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и ряде костромских газет. В.С. Соколов имел дом в Костроме и был землевладельцем в Костромском уезде (имел 600 десятин земли).

Его коллегу, Г.Н. Ботникова, избрали депутатом Государственной думы от съезда городских избирателей. В личном деле депутата указано: «Возраст – 47 лет, звание – потомственный почетный гражданин, вероисповедание – православный, степень образования – среднее, род занятия – Костромской городской голова»¹. Г.Н. Ботников постоянно проживал в Костроме и состоял выборщиком по городу Костроме от 1-го избирательного съезда. Его участие в выборах определялось цензом в виде недвижимого имущества в размере 20 тысяч рублей. Ботников прошел в депутаты III Государственной думы при баллотировке кандидатов из общего состава избирательного собрания. Для избрания использовался жребий, при котором он получил 44 избирательных голоса и 41 неизбирательный.

В.С. Соколов и Г.Н. Ботников принимали участие в избирательной кампании еще в I Государственную думу по Костромской губернии. В ходе предвыборной борьбы имела место конкуренция партийных программ. Костромская администрация активно вмешивалась в эту борьбу. Среди крестьянских и рабочих избирателей губернии ощущалось отсутствие надежд на созываемую Думу. Наблюдая за противостоянием партийных программ, избиратели могли выбрать ту, которая действительно будет обеспечивать их интересы. «Союз 17 октября» воспринимался обывателями как партия правого либерализма, стремящаяся укрепить позиции русской буржуазии и ее господство над миллионами крестьян и рабочих. Костромские октябристы наметили кандидатов в выборщики губернского избирательного собрания. Первым кандидатом «Союза 17 октября» стал председатель костромской уездной земской управы В.С. Соколов. В газетах писали о резко отрицательном отношении крестьян Костромского уезда к уездной управе: «Пренебрежение нуждами крестьян, расходование больших крестьянских денег на нужды высших сословий – на это указывает длинный ряд корреспонденций из всех волостей Костромского уезда»². В.С. Соколов много раз выступал в Костроме, но его речи воспринимались как речи «политического маятника» между правительством и капиталом. В своих выступлениях Соколов касался злоупотреблений правительственных чиновников и подверг яростной

критике «анархию» и «крамолу». В.С. Соколов ратовал за полную поддержку деятельности будущей Думы. В стане костромских октябристов не было единства: «Для вождя костромских октябристов характерно, что даже единомышленники его составили себе о нем такое мнение: он “проведет” не только избирателей, но и нас»³. Критически отзывалась газета и о другом кандидате октябристов – городском голове Г.Н. Ботникове: «Ботников в рекомендациях не нуждается. Для него все общественные дела разрешаются младенчески просто: “город – это я”, “городское хозяйство – это интересы десятка купцов”, “государство – это группа солидных капиталистов”, “законы – это правила поощрения людей с капиталом и укрощения непокорных рабочих”. Для Ботникова гражданин начинается с 10 тысяч годового дохода»⁴. Третьего кандидата октябристов – купца и городского гласного А.Д. Рассадина – в печати описали «деловитым, грубоватым, хорошо понимающим хозяйские порядки, готовым побраниться за прибыль и господствующее положение, стоящего за экономию и пренебрегающего интересами населения». Врач Л.П. Скворцов получил оценку «бесцветного обывателя, с ученым видом толкующего о мелочах, не сходя с хозяйской половицы»⁵.

В III Государственной думе В.С. Соколов входил во фракцию прогрессистов, а Г.Н. Ботников был членом «Союза 17 октября». Костромские депутаты приняли участие в работе различных думских комиссий. Ботников работал в комиссии по народному образованию, о путях сообщения, по городским делам, а также в бюджетной комиссии. В.С. Соколов стал членом комиссий по местному самоуправлению, по делам православной церкви, о неприкосновенности личности, а также в комиссии об уставе и штатах императорских российских университетов⁶. Одновременно В.С. Соколов занимал должность товарища секретаря Государственной думы (с 1-й сессии).

В актуальном для тогдашней России аграрном вопросе думские октябристы придерживались курса столыпинской аграрной политики. Октябристы в своей программе делали акцент не на земельном, а на хозяйственно-правовом вопросе. Они предлагали уравнять крестьян в правах с остальными гражданами, разрушить общину и осуществить ряд мер для улучшения экономического положения крестьян (развитие сельскохозяйственного кредита, широкое внедрение агрономических знаний, распространение кустарных промыслов). Расчет октябристов строился на создании в короткий срок широкого слоя зажиточного крестьянства, которое и должно было стать массовой опорой конституционного режима [Ерофеев: 340]. В.С. Соколов и Г.Н. Ботников не только выступали с думской трибуны по аграрному вопросу, но и предпринимали конкретные шаги в этом направлении в Костром-

ской губернии. Так, 15 декабря 1911 г. в костромском губернском земском собрании слушались доклады комиссии по кустарному отделению о ремесленных учебных мастерских: о пособии в 750 рублей на содержание работной мастерской в селе Красном, о кустарном складе и о кустарном отделении губернского земства. Соколов активно поддержал все предлагаемые решения. Далее депутат выступил по вопросам страхования, предложив увеличить оклады страховым агентам. Народный избранник заметил, что «страховые доклады всегда почему-то ставятся в последние дни собрания и принимаются обычно слишком быстро»⁷. В.С. Соколов согласился с предложением о совместной закупке губернскими земствами пожарных машин и портландского цемента. На последующих собраниях В.С. Соколов добился выделения постоянного пособия Костромской общественной гимназии, а также за решение вопроса снабжения населения кровельным железом. Депутат уделял внимание и развитию ветеринарного, медицинского и агрономического движения в Костромской губернии. Он предлагал активизировать работу уездных земств в деле организации съездов специалистов этих отраслей, а также упорядочить сроки работы съездов на предстоящий период. На первое место Соколов выдвигал популяризацию агрономического дела в губернии, подчеркивал значение съездов для обмена опытом и внедрения новой техники и передовых методов ведения сельского хозяйства. В октябре 1910 г. Г.Н. Ботников и В.С. Соколов с костромскими земцами приняли решение о выработке и утверждении обязательных норм по содержанию ветеринарных пунктов и расширению здания скотолечебницы. Депутаты также настояли на удовлетворении ходатайства крестьян Черной Заводи об открытии в их селе постоянного фельдшерского пункта. Народные избранники полагали, что необходимо расширять материальную поддержку служащих костромских земств: было решено открыть ссудную кассу Костромского губернского земства.

Депутаты бывали в Костроме наездами и участвовали в разрешении самых разных проблем общественно-политической, экономической и культурной жизни Костромской губернии. 8 апреля 1912 г. Г.Н. Ботников прибыл в Кострому, а 10 апреля уже отбыл в Петербург. В родном городе депутат выступил в городской думе. В центре внимания собравшихся было несколько вопросов. Г.Н. Ботникову задали вопрос о переустройстве «Старого двора» в Костроме. Проблема была в том, что ремонт старого здания обошелся бы в 30 тысяч рублей, а за постройку нового здания подрядчик запросил 160 тысяч рублей, хотя архитектор и комиссия оценили работы в 90 тысяч рублей. Подрядчики прибавили цену, но снизили объем проводимых работ. Обыватели ждали от Ботникова конкретных действий по этому вопросу в Петербур-

ге. Депутата спрашивали о том, как решается вопрос с проведением электрического освещения в Костроме. Ответы народного избранника не удовлетворили собравшихся, не услышавших от Г.Н. Ботникова четкого и уверенного ответа. В зале говорили: «Наш депутат в Государственной Думе безгласен»⁸. Костромичи были возмущены, узнав о том, что Г.Н. Ботников в Государственной думе не выступает в защиту интересов Костромы по вопросу о благоустройстве города. В начале апреля 1912 г. в Таврическом дворце обсуждался вопрос, затрагивающий интересы Костромы, но Г.Н. Ботников молчал. За него выступали другие депутаты. Однако охарактеризовать депутатскую работу Г.Н. Ботникова как вялую и безынициативную, не отвечающую интересам костромичей было бы несправедливо. Еще 2 июня 1909 г. с думской трибуны Ботников как представитель Костромской губернии горячо отстаивал идею строительства железнодорожного моста в Костроме, аргументируя это наибольшим сокращением направления из Сибири на Москву. Ему парировал депутат от Ярославской губернии князь И.А. Куракин, доказывая «преимущества географического положения Ярославля и необходимость с государственной точки зрения скорейшей постройки железнодорожного моста именно у Ярославля»⁹. На заседании Костромской городской думы Г.Н. Ботников председательствовал как городской голова. 30 января 1910 г. в думе слушались доклады о строительстве здания гимназии на углу Троицкой и Сергиевской улиц и открытии в Костроме второй правительственной гимназии. Ботников ознакомил собравшихся с положением дел, с предлагаемыми решениями, а также раскритиковал многих гласных за неявку на заседание думы¹⁰.

В.С. Соколов 21 января 1909 г. в условиях подготовки юбилея династии на собрании костромских губернских земцев выступил с пространной речью, ратуя за сооружение в Костроме памятника к 300-летию Дома Романовых. Депутат неоднократно обращался к историческим примерам, говоря о заслугах царствующей династии перед Россией. Соколов не сомневался в твердости курса Николая II в деле приверженности к положениям Манифеста 17 октября 1905 г.

Депутаты-костромичи на заседаниях Государственной думы не только стремились отстаивать интересы Костромской губернии, но и участвовали в обсуждении текущих думских дел и предлагали пути решения общероссийских проблем. 10 февраля 1910 г. в Таврическом дворце активно проявил себя Г.Н. Ботников. На заседании председательствовал князь Волконский. Костромич выступил с докладом об утверждении временных правил о нормальных ценах для строительных операций по водным и шоссейным сообщениям. Все предложения Ботникова были приняты¹¹.

В.С. Соколов неоднократно высказывался на заседаниях Думы по самым разным вопросам. Так, 3 июня 1908 г. депутаты обсуждали доклад комиссии по народному образованию по законопроекту об учреждении положения о московском городском народном университете имени Шанявского. Покойный Шанявский завещал сумму на открытие университета при условии полной академической свободы в преподавании в новом учебном заведении. Университет был открыт, но министерство народного просвещения внесло в положение изменения реакционного характера. Вводились ограничения академической свободы, под строгий контроль правительства ставились не только учебная деятельность, но и руководство и преподавательский состав университета. Многие депутаты выступили против изменений, высказав свои соображения присутствовавшему на заседании министру народного просвещения. Выступил и костромской депутат В.С. Соколов: «Министерство путем внесенных изменений извратило волю жертвователя. Дума должна встать на защиту первого положения, должна отвергнуть все изменения, разрушающие дело, на которое покойный Шанявский оставил свой капитал»¹². В итоге депутаты добились отмены изменений.

В июне 1908 г. В.С. Соколов в пространном докладе охарактеризовал текущее делопроизводство парламента. В нем костромич разграничил законодательную деятельность Думы, допускающую свободу суждений, и распорядительную деятельность, в которой сама Дума является подзаконным учреждением. В сфере распорядительных дел В.С. Соколов выделил вопросы, по которым Дума должна подчиняться императивным велениям закона, и дела, в которых закон допускает свободное усмотрение Думы. В целом депутат оценивал редакционное положение Думы как далеко не безупречное.

23 февраля 1909 г. в Таврическом дворце обсуждался законопроект об ассигновании чрезвычайного кредита на неотложные надобности Балтийского флота. Присутствовали министр финансов, военный и морской министры. Депутаты называли конкретные цифры: комиссия по государственной обороне признала обоснованными запросы Морского министерства и предложила Думе разрешить отчисление 7 485 000 рублей в течение двух лет. Ряд депутатов упрекал флот в запоздалом решении обновить оснащение боевых кораблей. Трудовики III Думы на данном заседании выступили против выделения денег. Социал-демократы разделяли позицию трудовиков. Костромской депутат В.С. Соколов, выслушав разные точки зрения, заметил, что «неправильно превращать думскую трибуну в ристалище патриотических чувств»¹³. Соколов раскритиковал трудовиков и социал-демократов, высказавшись за недопущение

представителей оппозиции на заседания комиссии по обороне. Костромич полагал, что в России найдется немало людей, готовых встать на защиту Родины.

В то же время депутат В.С. Соколов выступал против необоснованных расходов. Так, на заседании Думы 19 февраля 1908 г. он опротестовал выделение 1 900 000 рублей кавказскому наместничеству. Депутат объяснял свою позицию отсутствием каких-либо документальных подтверждений действительных нужд региона, за исключением телеграммы наместника. Решение Министерства внутренних дел о выделении указанной суммы он считал незаконным и неконституционным, поскольку «ассигнование денег есть дело законодательных учреждений»¹⁴. Работая в Думе, В.С. Соколов примкнул к мирнообновленцам. Правые недолго любили костромского представителя, дав ему прозвище «колченогий» за хромоту.

Василий Семенович Соколов скоропостижно скончался 7 января 1912 г. Сочувственные телеграммы его семье направили новый костромской губернатор П.П. Шиловский и многие коллеги-депутаты. Соколова похоронили на Федоровском кладбище в Костроме. На похороны в квартиру депутата съехались его друзья, сослуживцы и почитатели. На кладбище с речью выступил народный учитель Е.Н. Васильев. Он отметил большую потерю для костромских педагогов в лице В.С. Соколова как своего заступника, хорошо понимавшего «горе учительское». Е.Н. Васильев подчеркнул умение депутата вселять уверенность в людей и преодолевать трудности. В Петербурге 9 января 1912 г. в помещении группы прогрессистов была отслужена панихида по В.С. Соколову. Его коллега депутат Ефремов вспоминал юношескую горячность умершего, свойственную ему со студенческих 1860-х годов, а также заслуги в области народного образования: «Он стремился обеспечить человеческое существование учителям, вступая нередко в борьбу с администрацией. Знание жизни и практическая опытность сделали В.С. Соколова ценным работником в комиссиях Государственной думы. К его мнению прислушивались. Будучи человеком умеренного образа мыслей, он стремился к эволюционному прогрессу и осуждал резкости и крайности. Он был незаменим в комиссии по земскому самоуправлению своим знанием земской жизни и народного быта»¹⁵.

В целом за время работы III Государственной думы, которая отработала весь положенный срок (1 ноября 1907 – 30 августа 1912), костромские депутаты вместе со своими коллегами со всей России внесли 51 законодательное предположение, рассмотрели с учетом работы различных комиссий 204 законопроекта, одобрили и препроводили в Государственный совет 241 законопроект, отклонили 7 законопроектов (всего было рассмотрено 620 законопроектов) [Демин: 160].

Депутаты от Костромской губернии Василий Семенович Соколов и Геннадий Николаевич Ботников в III Государственной Думе активно представляли свой регион. Народные избранники не только работали в думских комиссиях, выступали с трибуны Таврического дворца, участвовали в обсуждении законопроектов, но и много сделали для продвижения интересов Костромской земли на общероссийском уровне. Будучи порой критикуемы своими избирателями в провинции, Г.Н. Ботников и В.С. Соколов немало способствовали развитию медицинского, ветеринарного, аграрного дела в Костромской губернии, а также трудились на ниве народного просвещения. В целом октябристы в III Государственной думе поддерживали правительственный курс на обновление России. В последующих Думах представительства от октябристов Костромской губернии не было.

Примечания

- ¹ РГИА.Ф. 1278. Оп. 9. Д. 99. Л. 2.
- ² Костромской голос. № 29. 1906. 26 февраля.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908. 632 с.
- ⁷ Поволжский вестник. № 1633. 1911. 18 декабря.
- ⁸ Костромские новости. № 17. 1912. 22 апреля.
- ⁹ Поволжский вестник. № 906. 1909. 3 июня.
- ¹⁰ Поволжский вестник. № 1815. 1910. 1 февраля.
- ¹¹ Поволжский вестник. № 822. 1910. 12 февраля.
- ¹² Поволжский вестник. № 626. 1908. 5 июня.
- ¹³ Поволжский вестник. № 833. 1909. 25 февраля.
- ¹⁴ Поволжский вестник. № 41. 1908. 21 февраля.
- ¹⁵ Поволжский вестник. № 1653. 1912. 11 января.

Список литературы

- Волбуев О.В.* Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. Москва: РОССПЭН, 1996. 408 с.
- Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917). Москва: Российская политическая энциклопедия, 2006. 768 с.
- Демин В.А.* Государственная Дума России: механизм функционирования. Москва: РОССПЭН, 1996. 216 с.
- Ерофеев Н.Д.* Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. Москва: РОССПЭН, 1995. 464 с.
- Черкашин Г.А.* Первый штурм. Москва: Молодая гвардия, 1990. 652 с.
- Шелохаев В.В.* Политическая история России в партиях и лицах. Москва: ТЕРРА, 1993. 364 с.

References

Cherkashin G.A. *Pervyi shturm* [The first assault]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990, 652 p. (In Russ.)

Demin V.A. *Gosudarstvennaia Duma Rossii: mekhanizm funktsionirovaniia* [The State Duma of Russia: the mechanism of functioning]. Moscow, Rosspen Publ., 1996, 216 p. (In Russ.)

Gosudarstvennaia Duma Rossii: entsiklopediia: v 2 t. T. 1. Gosudarstvennaia Duma Rossiiskoi imperii (1906-1917) [The State Duma of Russia: encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1. The State Duma of the Russian Empire (1906-1917)]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2006, 768 p. (In Russ.)

Erofeev N.D. *Programmy politicheskikh partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX vv.* [Programs of political parties in Russia. Late XIX – early XX centuries]. Moscow, Rosspen Publ., 1995, 464 p. (In Russ.)

Shelokhaev V.V. *Politicheskaiia istoriia Rossii v partiakh i litsakh* [The political history of Russia in parties and persons]. Moscow, TERRA Publ., 1993, 364 p. (In Russ.)

Volobuev O.V. *Partiia "Soiuz 17 oktiabria". Protokoly s"ezdov, konferentsii i zasedanii TsK* [The party "Union of October 17". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee], vol. 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 408 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 03.11.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 03.11.2022.

**«НОЧНЫЕ ГРОМИЛЫ ВНОВЬ ЗАСТАВЛЯЮТ ГОВОРИТЬ О СЕБЕ»:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В Г. ЯРОСЛАВЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(по материалам периодической печати)**

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. В работе освещаются социокультурные аспекты профессиональной преступности, отраженные в региональной печати конца XIX – начала XX вв. Автор рассматривает различные формы криминальной активности и правонарушений на территории г. Ярославля. Основным видом преступлений того времени были преступления против собственности. В Ярославле действовали четыре категории профессиональных преступников: грабители, профессиональные воры, мошенники и бродяги – профессиональные нищие. Наиболее распространены были кражи из домовладений и торговых заведений. Несмотря на святотатство, регулярным местом совершения хищений становились церкви. Усложнялись мошеннические операции. Возросло количество преступлений с ценными бумагами. Настоящей проблемой города стало значительное скопление нищих, в том числе профессиональных, которые активно вовлекали в противоправную деятельность несовершеннолетних. Случаи открытых грабежей и разбоя случались реже, но представляли наибольшую опасность. Ярославские ночные сторожа действовали неэффективно, а полицейских постов в темное время суток не хватало. В статье делается вывод о том, что вместе с модернизацией общества и урбанизацией изменялась, в частности, профессиональная преступность. В период социально-экономических и политических потрясений возрастало разнообразие криминальных деяний и их количество.

Ключевые слова: Ярославль, периодическая печать, девиантное поведение, профессиональная преступность, воровство, нищенство, мошенничество, пьянство.

Для цитирования: Карандашев Г.В. «Ночные громилы вновь заставляют говорить о себе»: социокультурные особенности профессиональной преступности в г. Ярославле в конце XIX – начале XX вв. (по материалам периодической печати) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 27–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-27-33>

Research Article

**“NIGHT THUGS MAKE YOU TALK ABOUT YOURSELF AGAIN”:
SOCIO-CULTURAL FEATURES OF PROFESSIONAL CRIME
IN YAROSLAVL IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES
(based on the materials of the periodical press)**

Gleb V. Karandashev, candidate of Historical Sciences, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Annotation. The paper highlights the socio-cultural aspects of professional crime reflected in the regional press of the late XIX - early XX centuries. The author examines various forms of criminal activity and offenses on the territory of Yaroslavl. The main type of crimes of that time were crimes against property. There were four categories of professional criminals in Yaroslavl: robbers, professional thieves, swindlers, and vagrants - professional beggars. The most common were thefts from households and commercial establishments. Despite the sacrilege, churches became a regular place of embezzlement. Fraudulent operations became more complicated. The number of securities crimes has increased. The real problem of the city was a significant accumulation of beggars, including professional ones, who actively involved minors in illegal activities. Cases of open robberies and robberies occurred less frequently, but posed the greatest danger. Yaroslavl night watchmen acted ineffectively, and there were not enough police posts at night. The article concludes that along with the modernization of society and urbanization, professional crime has also changed. During the period of socio-economic and political upheavals, the variety and number of criminal acts increased.

Keywords: Yaroslavl, periodical press, deviant behavior, professional crime, theft, begging, fraud, drunkenness.

For citation: Karandashev G.V. “Night thugs make us talk about ourselves again”: Socio-cultural features of professional crime in Yaroslavl in the late XIX - early XX centuries (based on the materials of the periodical press). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, No. 4, pp. 27–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-27-33>

Период модернизации и трансформации российского общества конца XIX – начала XX вв. стал временем всплеска самых различных проявлений отклоняющегося поведения, в том числе его крайних форм: преступности, алкоголизма, проституции, самоубийств, из которых преступность являлась одним из самых опасных видов девиаций [Безгин, Жребчиков: 94–95]. Исследователи отмечали такие факторы, влиявшие на характер преступности, как возраст нарушителя [Неклюдов], половая принадлежность (выделялись типичные мужские и женские преступления) [Гернет; Давыдов; Тарновская], условия жизни населения [Гернет].

Официальная печать в царской России не отражала полной картины преступлений. Реальное число злоумышленников было в несколько раз выше указанного в сводках [Неклюдов; Остроумов]. В 1884–1893 гг. среднегодовое число наиболее важных зафиксированных полицией преступлений составляло 89,7 тыс., а в 1909–1913 гг. – 450,1 тыс. [Мионов: 90].

На сегодняшний день существует ряд исследований, посвященных преступности и борьбе с ней в отдельных губерниях пореформенной России [Данчевская]. Ярославский регион в этом отношении остаётся малоизученным [Попов]. Данное исследование базируется на материалах первой частной ярославской ежедневной газеты «Северный край» (1898–1905 гг.), а также ее продолжателей – газет «Северная речь» (1907 г.) и «Северный курьер» (1908 г.). Негосударственный статус издания позволял более критично, в отличие от казенных хроник, передавать отношение к сложившейся ситуации, транслировать мнение очевидцев и участников событий, что является особенно актуальным в случае исследования социокультурных проблем преступности¹.

В криминологии под профессиональной преступностью понимается совокупность преступлений, совершаемых преступниками особого типа, для которых преступление выступает в качестве основного или одного из основных видов деятельности и источника средств к существованию. Такие преступники обычно специализируются на совершении определенных видов преступлений, обладают достаточной квалификацией и криминальным опытом, а также поддерживают связь с криминальной средой [Фарышев: 92]. В дореволюционной России выделялось пять профессиональных категорий преступников: грабители, профессиональные воры, мошенники, фальшивомонетчики и бродяги – профессиональные нищие [Гуров].

Основным видом преступлений, которые совершались в Ярославле в конце XIX – начале XX вв., были кражи. Значительная доля корыстных преступлений против собственности имела признаки профессиональной преступной деятельности. Наиболее часто в городе воровали из домовладений, квартир, а также торговых заведений – это действовали так называемые «домушники», квартирные воры. Добычей становились деньги, драгоценности, одежда и предметы самого различного назначения. Например, в ночь на 31 июля 1902 г. в центре города на Стрелецкой улице был обворован магазин Васильева «Восток». Злоумышленники проникли туда со двора, взломав ставни и форточку. Были похищены различные ценные галантерейные товары на 600 р. и 40 р. наличными деньгами. В помещении была оставлена фомка. Рядом с местом происшествия находилась дворницкая, а вокруг здания «почти безотлучно расхаживали с трещотками бдительные сторожа»².

Воры орудовали дерзко, бравировали своей безнаказанностью. Кражи со взломом в Ярославле случались с регулярной периодичностью в течение всего периода конца XIX – начала XX вв. Злоумышленников, организовывавших подобные хищения, также называли громилами. Они имели специальные воровские инструменты, а некоторые были вооружены огнестрельным оружием. В большинстве случаев ночные сторожа не могли эффективно противостоять подобной преступной деятельности, а полицейские посты даже в центральных частях города отсутствовали³.

Церковные кражи, в том числе крупные, несмотря на то, что данное деяние признавалось святотатством, совершались регулярно. В частности, в ночь на 30 апреля 1904 г. из церкви Чудотворцев в Спасском монастыре злоумышленники похитили бриллианты, украшавшие иконы Спасителя, Толгской и Печерской икон Божией Матери. Иконы были вынуты из иконостаса и брошены на пол алтаря. Ценность украденных бриллиантов определялась в 20 тыс. р. Воры оставили шило и обломок железного лома. В монастырь они проникли через водоотводную трубу, затем через окно попали в церковный коридор и далее, взломав несколько дверных замков, очутились в храме⁴.

Далеко не все преступники после успешных краж долго задерживались на свободе. Слова из знаменитого советского фильма: «Украл, выпил – в тюрьму! Романтика!» – достаточно точно описывают типичную ситуацию. К примеру, в августе 1902 г. в районе

3-го участка г. Ярославля был найден мертвецки пьяный человек, при котором оказались всевозможные орудия для совершения замысловатых краж: фомка, веревочная лестница, отвертки, долото, а также мука в пакете для создания накладываемой на стекло специальной клейкой массы. Задержанный оказался профессиональным церковным вором и уже два раза отбывал срок в арестантских ротах⁵. Иногда преступников удавалось арестовать с помощью сведений, полученных на допросах от продавцов краденного. 21 сентября 1908 г. сыскальной полицией были собраны данные, что в доме Баушевой по Любимской улице продавались подозрительные вещи: белье, одежда и т. п. Продащицей оказалась крестьянка Н. Соколова деревни Ясенево Романово-Борисоглебского уезда. Вещи она брала у крестьян той же деревни братьев Сыромятниковых. Таким образом была раскрыта воровская шайка из трех братьев и еще двух жителей деревни Ясенево⁶.

Отдельно можно выделить так называемых железнодорожных и пароходных воров. Река Волга была важнейшей транспортной артерией в регионе, и речное пароходство играло существенную роль в пассажирских и грузовых перевозках губернии. Воры регулярно оперировали на палубах пароходов. Так, в 12-м часу в ночь на 16 июля 1900 г. во время стоянки у ярославской пристани парохода «Князь Михаил Тверской» в открытое окно каюты 2-го класса пробрался «любитель легкой наживы» ярославский мещанин И. Крылов, не имевший определенных занятий. Он похитил вещи кинешемской мещанки Е.В. Бочкаревой, стоившие более 300 р. Тем же путем Крылов выбрался назад. Эту проделку видел пассажир «Михаила Тверского». Он задержал Крылова и передал полиции⁷.

В Ярославле находился важный железнодорожный узел, и кражи багажа были систематическим явлением. Например, в ночь на 3 января 1900 г. на станции «Ярославль» во время стоянки пассажирского поезда у пассажира г. Арберг был похищен чемодан, в котором находились фракная пара и крахмальная сорочка с двумя манжетными запонками из чистого золота – всего на сумму 110 р. Утром чемодан был найден вскрытым на Нагорной улице. Все вещи, кроме крахмальной сорочки, оставленной без запонок, были похищены⁸.

Карманные кражи совершались в основном в местах скопления людей: на рынках, во время церковной службы, на прогулках, театрах и т. п. Карманники относились к высококвалифицированным уголовникам, отличались значительным числом узких специальностей, стойкостью преступного поведения, жаргоном и традициями. В подобных преступлениях принимали участие женщины и подростки. В ряде источников отмечены исключительное мастерство

и ловкость русских воров, а также высокий процент групповых карманных краж [Гуров].

В основном карманники охотились за кошельками или карманными часами. Так, 28 апреля 1899 г. жена псаломщика Леонтьевского кладбища М.Н. Виноградова заявила, что у нее в магазине Титова в гостином ряду был похищен из кармана платья кошелек с 5 р. 55 к. и украшениями: золотыми серьгами, серебряными запонками, кольцом на сумму 8 р. Подозрение в краже она заявила на троих крестьянок Курбской волости, скрывшихся из магазина⁹. В июле 1902 г. пожилой пассажир, познакомившись на пароходе в Костроме с понравившейся ему миловидной блондинкой, по прибытию в Ярославль хватился своего бумажника, который исчез у него из кармана вместе с процентными бумагами на общую сумму около 2 тыс. р. Исчезла и блондинка¹⁰. В январе 1906 г. в городском театре во время антракта крестьянин Жильцов похитил из кармана А.А. Яковлева золотые часы с цепочкой и медальоном на сумму 300 р. Жильцов был задержан и приговорен к годичному заключению в тюрьму¹¹.

Действовали в Ярославле и так называемые «хипесные воровки» – проститутки, обиравшие, как правило, состоятельного гостя, с которыми знакомились в общественных местах. Одной из таких барышень оказалась Наталья Гуниани, которая также занималась карманными кражами, на чем и попала, неосторожно вытаскивая в отделении государственного банка 375 р. из кармана у одного из приказчиков. На вид это была элегантно одетая солидная дама лет 35, а на самом деле она приехала из Москвы в составе преступной шайки, остальным участникам которой удалось скрыться¹².

Периодически в городе воровали лошадей. Этим промышляли конокрады – одна из наиболее значимых категорий воров того времени с вековыми уголовными традициями, специальным жаргоном, межгубернскими преступными связями и отработанными приемами конспирации [Гуров]. Только с января по март 1904 года газеты сообщили о пяти угонах лошадей вместе с упряжью и дровнями¹³. Задерживать конокрадов удавалось крайне редко¹⁴.

В начале XX в. под мошенничеством понималось хищение, совершенное с помощью обмана и присвоения имущества, в том числе посредством обвеса, обмера или иного обмана в процессе купли-продажи или других возмездных сделок. Мошенники совершали аферы с ценными бумагами, занимались подделкой драгоценностей, совершали обман при размене денежных сумм; существовали брачные аферисты, лжеблаготворители и т. д. и т. п. [Гуров].

Ярославские мошенники весьма активно проявляли преступную смекалку и обманывали доверчивую публику. Весной 1902 г. среди «толкучников»

появились продавцы подозрительных купонов от облигаций прогоревшего Ревельского коммерческого банка, которые пытались продать неграмотному населению. В июле 1902 г. некую странницу уверили, что она может доехать до города Петровска в вагоне трамвая и продали ей вместе со спутницей два 7-копеечных билета трамвая по 1 р. Путешественницы, приехав к вокзалу, очень долго ждали отправки дальше, пока их не убедили, что они сделались жертвами обманщиков. На Мытном дворе в течение длительного времени оперировал «плутоватый мужичок по фамилии Туркин, от деятельности которого страдали крестьяне», прибывавшие с целью продать мясо. Туркин сторговывался, а его жена с сыном моментально увозили куда-то купленное мясо. Сам Туркин отправлялся с приезжим в ближайший трактир для завершения сделки, где опаивал контрагента или скрывался от него по дороге. В ноябре 1902 г., совершив подобную проделку, Туркин был задержан разыскавшим его крестьянином, который доставил мошенника в полицию. Туркин уже отбывал наказание за подобное преступление. Крестьянин ярославского уезда Василий Жаткин неоднократно являлся в какую-нибудь лавку или на завод и предъявлял собственноручно написанное им требование от имени купца В.Г. Кашина оплатить определенный товар или услугу. 8 ноября 1902 г. он зашел в лавку купца Кирпичева, где предъявил положенное требование от пароходства Кашина, рассчитывая получить несколько железных печей и другие товары. Приказчик был готов отпустить требуемое, как вдруг увидел проезжавшего мимо лавки В. Кашина, которого пригласил зайти внутрь. В. Жаткина задержали и нашли при нем другие подложные конверты с документами. Ранее крестьянин уже отбывал заключение в тюрьме за дорожную кражу¹⁵.

Приезжие аферисты подкарауливали своих жертв у банковских отделений, особенно они активизировались зимой 1904 г. 19 января крестьянка Евдокия Полушкина получила 150 р. и, выйдя из банка, разговорилась с неизвестным, который указал на мужчину, шедшего впереди, якобы только что снявшего в банке 2 800 р. Неожиданно этот субъект, доставая платок, что-то обронил. Человек, шедший вместе с Полушкиной, поднял деньги и пригласил женщину разделить находку. На бульваре их нагнал «потерпевший» и потребовал вернуть деньги. Полушкина чужих денег не трогала и поэтому предъявила свой кошелек: 150 р. были незаметно заменены мелкой банкнотой, а преступники скрылись. Данные проделки практиковались у здания отделения ярославского государственного банка «слишком уж часто и безнаказанно для дерзких хищников». В конечном итоге ярославская полиция основательно занялась так называемыми «подкидчиками», периодически при-

бывавшими в Ярославль в составе организованных групп. Облачившись в гражданскую одежду, блюстители правопорядка сумели взять с поличным несколькими аферистов¹⁶.

Совершенно особой категорией мошенников того времени были лица, выдававшие себя за паломников, старцев, богомольцев и т. п. В 1902 г. в Ярославль прибыл «старец Авраам», паломничавший в городе уже три года. Старцу отводили лучшую комнату, а в распоряжение предоставляли служанку. Принимающие горожане старались угождать ему во всем: особенно он любил пить хороший чай с вареньем и кушать свежую или паюсную икру. «Старец Авраам» выдавал себя за сподвижника легендарного старца Фёдора Кузьмича. Некоторые признавали в нем денщика покойного императора Александра Павловича. Несмотря на явный абсурд, «старец Авраам» собирал «обильную денежную дань с невежества». В действительности «старец Авраам» оказался ссыльным поселенцем Абрамом Логиновым, неоднократно судимым за кражи¹⁷.

Грабители составляли самую опасную группу преступников, специализировавшихся на открытом завладении имуществом, в том числе с помощью насилия, когда грабеж перерастал в разбой и мог доходить до убийства. Вот примеры подобных происшествий: 7 июня 1899 г. крестьянин Вологодской губернии Иван Куршин, проживавший на Голубятной улице заявил, что 5 июня он шел около церкви Благовещения, и два неизвестных сняли с него пиджак. Когда Куршин закричал, прося о помощи, то его толкнули на землю, а затем сняли сапоги; студент 4-го курса Демидовского юридического лицея А. Соснин 19 декабря около 10 часов вечера на верхнем конце волжской набережной, недалеко от гостиницы «Любим», стал жертвой нападения группы грабителей, один из которых ударил Соснина, а другой, схватив за горло, отнял у него около 10 рублей, серебряные часы, золотую цепочку и ценные бумаги; утром 3-го августа на Московском шоссе в 15 верстах от Ярославля, около деревни Кормилицыно, был найден труп крестьянина И. Воронина с признаками насильственной смерти. Целью убийства было ограбление¹⁸.

Под профессиональными нищими подразумевались лица, которые имели возможность по состоянию здоровья добывать средства к существованию собственным трудом, но в виде промысла занимались прошением милостыни. Это была самая многочисленная и наиболее социально деградировавшая категория правонарушителей, которая прибегала ко всякого рода психологическим уловкам, чтобы получить подаяние. Они имитировали болезни, вызывавшие сострадание у окружающих; выдавали себя за пострадавших на войне или пожаре [Гуров].

В соответствии с христианской традицией в России раздача милостыни считалась важной формой благотворительности. Этим активно пользовались бродяги. Периодическая печать достаточно часто обращалась к данному сюжету. Это явление рассматривалось как одна из негативных черт Ярославля. Самая многочисленная категория просила милостыню на улицах города. Особенно много нищих наблюдалось на Казанском бульваре, среди них было много детей. На улицах города попрошайничали не только дети и калеки, но и здоровые с виду молодые люди. Они с монотонным «подай копейку» обращались к прохожим¹⁹. Особой категорией профессиональных нищих были погорельцы. Многие им легко верили, поскольку пожары были явлением частым. Однако не все попрошайки, несмотря на лохмотья, не имели при себе денег. Например, 11 февраля 1907 г. полицией был задержан нищий, при котором было найдено 140 р.²⁰

Корреспонденты сообщали, что в Ярославле нищенство разрослось до ужасающих размеров. Нельзя было «сделать десяти – двадцати шагов чтобы к вам не пристали выпрашивающие то на хлеб, то на дорогу, то на ночлег. Всего печальнее то обстоятельство, что среди нищенствующих очень много детей, толкаемых на этот промысел родителями...»²¹ Следует отметить, что данные лица были относительно безопасны для населения по сравнению с другими категориями преступников.

Есть мнение, что важное место в деятельности профессиональных преступников занимало поддержание связи с криминальной средой. В этом смысле сама пенитенциарная система способствовал этому [Фарышев]. Кроме того, в Ярославле существовали свои неблагополучные районы и притоны, где представители криминального мира при желании могли общаться между собой. На Мологской улице, недалеко от Никитской, располагалось недостроенное здание одного из местных жителей, которое с наступлением весны вплоть до осени служило «приютом бездомной голытьбе». Злополучные обыватели по соседству почти каждую ночь были настороже: «...То и дело оттуда несутся крики, брань, женский визг, а иногда мелькают огоньки от цыгарок. Здесь что-то вроде пресловутой Хитровки или Вяземской лавры»²².

Таким образом, местная периодическая печать дает возможность на региональном уровне расширить представление о социальных и культурных аспектах такого явления, как профессиональная преступность. В конце XIX – начале XX вв. в Ярославле действовали как местные преступники, так и приезжие – гастролеры. Из пяти категорий профессиональных преступников в Ярославле присутствовали четыре: грабители, профессиональные воры, мошенники и бродяги – про-

фессиональные нищие. Данные о ярославских фальшивомонетчиках в используемых источниках не обнаружены.

Можно выделить несколько основных типов профессиональных воров, орудовавших в Ярославле в конце XIX–XX вв. Домушники в основном делились на громил, которые осуществляли кражи со взломом и использовали специальные инструменты, а также форточников – преступников, проникавших в помещения через окна. Помимо домовладений и торговых лавок относительно регулярным местом совершения хищений выступали церкви. Обращает на себя внимание тот факт, что преступники часто оставляли орудия преступления на месте злодеяния, что также является подтверждением профессиональных навыков злоумышленников. К отдельной категории можно отнести воров, промышлявших на железнодорожном и речном транспорте. Также следует отметить карманников, среди которых встречались представительницы женского пола и несовершеннолетние. Кроме того, в городе время от времени появлялись конокрады. Часть менее искусных злоумышленников специализировалась на кражах белья и одежды. Отдельную группу составляли обиратели пьяных, которые обладали самыми низкими криминальными навыками, что не делало их менее безобидными для общества.

В рассматриваемый период в Ярославле также активизировались мошенники. Возросло количество преступлений, связанных с ценными бумагами. Своеобразной приметой времени были проходимцы, прикидывавшиеся паломниками и богомольцами. Грабители действовали реже, но эта категория преступников была наиболее опасной с точки зрения личной безопасности горожан. Нищие, в том числе профессиональные, демонстрировали еще одну из нелюбимых сторон жизни города Ярославля. К сбору милостыни активно привлекали детей всех возрастов, приучали их к противоправной деятельности и втягивали в криминальный мир.

В конце XIX – начале XX вв. разнообразие криминальных деяний в городе расширялось. Можно говорить о разных факторах разрастания преступных явлений, но важными из них являлись социально-экономические и политические потрясения, модернизация общества.

Примечания

¹ Северный край: сайт. Ярославская областная ежедневная газета. URL: <http://www.sevkray.ru/page/show/5/> (дата обращения: 26.05.2022).

² Северный край. 1902. № 202. 2 авг.

³ Там же. 1900. № 294. 6 ноября; 1904. № 86. 3 апр.

⁴ Там же. 1904. № 115. 2 мая.

⁵ Там же. 1902. № 217. 19 авг.; № 218. 20 авг.

⁶ Северный Курьер. 1908. № 94. 30 дек.

- ⁷ Северный край. 1900. № 189. 18 июля.
⁸ Там же. 1900. № 13. 15 янв.
⁹ Там же. 1899. № 140. 30 апр.
¹⁰ Там же. 1902. № 185. 16 мая.
¹¹ Северная речь. 1907. № 10. 13 янв.
¹² Северный край. 1904. № 58. 3 мар.
¹³ Северный край. 1904. № 19. 21 янв.; № 31. 2 фев.; № 32. 4 фев.; № 62. 7 мар.; № 64. 9 мар.
¹⁴ Северный курьер. 1908. № 66. 16 ноября.
¹⁵ Северный край. 1902. № 113. 2 мая; № 190. 23 июля; № 296. 10 ноября; № 291. 5 ноября.
¹⁶ Там же. 1904. № 17. 19 янв.; № 44. 18 фев.; № 58. 3 марта.
¹⁷ Там же. № 220. 22 авг.
¹⁸ Там же. 1899. № 177. 9 июн.; 1902. № 336. 22 дек.; 1899. № 233. 4 авг.
¹⁹ Там же. 1902. № 75. 21 марта.
²⁰ Северная речь. 1907. № 35. 13 февраля.
²¹ Северный край. 1902. № 279. 24 октября.
²² Там же. № 79. 26 марта.

Список литературы

Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журнал. 2015. № 5. С. 190–206.

Гернет М.Н. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование. Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 322 с.

Гуров А.И. Профессиональная преступность. URL: https://thelib.ru/books/gurov_aleksandr/professionalnaya_prestupnost-read.html (дата обращения: 17.05.2022).

Давыдов Н.В. Женщина перед уголовным судом. Москва: Т-во И.Д. Сытина, 1906. 132 с.

Данчевская А.В. К вопросу об историографии уголовной преступности в России в конце XIX – начале XX веков: советский и постсоветский периоды // Baikal research journal. 2016. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoriografii-ugolovnoy-prestupnosti-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-hh-vekov-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody> (дата обращения: 17.05.2022).

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 583 с.

Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. Москва: ИНФРА-М, 2009. 195 с.

Остроумов С.С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. Москва, 1961. 185 с.

Попов А.С. К вопросу о преступности в Ярославской губернии в пореформенное время. URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/65.html> (дата обращения: 25.04.2022).

Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Санкт-Петербург: Т-во худож. печати, 1902. 510 с.

Фарышев Е.В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 90–93.

References

Bezgin V.B., Zherebchikov D.P. *Sotsial'nye deviasii perioda rossiiskoi modernizatsii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniakh* [Social deviations of the Period of Russian Modernization in modern historical research]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)], 2015, № 5, pp. 190–206. (In Russ.)

Gernet M.N. *Detoubiistvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-iuridicheskoe issledovanie* [Infanticide. Sociological and comparative legal research]. Moscow, Tip. Imp. Mosk. un-ta Publ., 1911, 322 p. (In Russ.)

Gurov A.I. *Professional'naiia prestupnost'* [Professional crime]. URL: https://thelib.ru/books/gurov_aleksandr/professionalnaya_prestupnost-read.html (access date: 17.05.2022). (In Russ.)

Davydov N.V. *Zhenshchina pered ugolovnym sudom* [A woman before a criminal court]. Moscow, T-vo I.D. Sytina Publ., 1906, 132 p. (In Russ.)

Danchevskaya A.V. *K voprosu ob istoriografii ugolovnoi prestupnosti v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: sovetskii i postsovetskii periody* [On the Historiography of Criminal Crime in Russia in the Late XIX – early XX Centuries: Soviet and Post-Soviet Periods]. *Baikal research journal*, 2016, № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoriografii-ugolovnoy-prestupnosti-v-rossii-v-kontse-xix-nachale-hh-vekov-sovetskiy-i-postsovetskiy-periody> (access date: 17.05.2022). (In Russ.)

Mironov B.N. *Sotsial'naiia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, vol. 2, 583 p. (In Russ.)

Nekliudov N.A. *Ugolovno-statisticheskie etiudy. Statisticheskii opyt issledovaniia fiziologicheskogo znacheniia razlichnykh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniiu k prestupleniiu* [Criminal statistical studies. Statistical experience of the study of the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009, 195 p. (In Russ.)

Ostroumov S.S. *Ocherki po istorii ugolovnoi statistiki dorevoliutsionnoi Rossii* [Essays on the history of

criminal statistics of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1961, 185 p. (In Russ.)

Popov A.S. *K voprosu o prestupnosti v Iaroslavskoi gubernii v poreformennoe vremia* [On the issue of crime in the Yaroslavl province in the post-reform period]. URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/65.html> (access date: 17.05.2022). (In Russ.)

Tarnovskaia P.N. *Zhenshchiny-ubiitsy* [Women are murderers]. Saint Petersburg, T-vo khudozh. pechati Publ., 1902, 510 p. (In Russ.)

Faryshev E.V. *Sovremennoe poniatie i sodержanie professional'noi prestupnosti* [Modern concept and con-

tent of professional crime]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, № 3 (33), pp. 90–93. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 34–39. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 34–39. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 281.2

EDN OWJEXT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-34-39>

**АРХИМАНДРИТ АНТОНИН (КАПУСТИН)
КАК СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ
(по материалам Иерусалимского дневника)**

Стерликова Софьянина Анатольевна, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, nabortk@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе дневников арх. Антонина (Капустина) представлена его активная деятельность по созданию Русской Палестины. Являясь пятым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, арх. Антонин продолжил дело первых русских миссионеров, укрепил присутствие России на Святой Земле и возвысил ее авторитет. Как ученый, археолог, археограф, историк, арх. Антонин внес бесценный вклад в дело изучения библейской истории и сохранения святынь Христианского Востока. Одна из основных заслуг арх. Антонина заключается в приобретении земельных участков на Святой Земле, которые имели особую историческую значимость и в дальнейшем позволяли поддерживать авторитет России и Русской духовной миссии на Святой Земле.

Ключевые слова: архимандрит Антонин (Капустин), Святая Земля, Русская Палестина, Русская духовная миссия, Иерусалим, Хеврон, Яффа, Елеон, Вифлеем.

Для цитирования: Стерликова С.А. Архимандрит Антонин (Капустин) как создатель Русской Палестины (по материалам Иерусалимского Дневника) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 34–39. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-34-39>

Research Article

**ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN)
AS CREATOR RUSSIAN PALESTINE
(According to the materials of the Jerusalem Diary)**

Sofianina A. Sterlikova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nabortk@yandex.ru

Abstract. In an article based on the diaries of arch. Antonin (Kapustin) presents his active work in the creation of Russian Palestine. As the fifth head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, arch. Antonin continued the work of the first Russian missionaries, strengthened Russia's presence in the Holy Land and raised its authority. As a learned archaeologist, archeographer, historian, arch. Antonin made an invaluable contribution to the study of biblical history and the preservation of the shrines of the Christian East. One of the main achievements of arch. Antonina consists in acquiring land plots in the Holy Land, which had a special historical significance and in the future allowed maintaining the authority of Russia and the Russian Ecclesiastical Mission in the Holy Land.

Keywords: Archimandrite Antonin (Kapustin), Holy Land, Russian Palestine, Russian Spiritual Mission, Jerusalem, Hebron, Jaffa, Eleon, Bethlehem.

For citation: Archimandrite Antonin (Kapustin) as creator Russian Palestine (According to the materials of the Jerusalem Diary). Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 34–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-34-39>

Архимандрит Антонин, в миру Андрей Иванович Капустин, родился 12 (24) августа 1817 г. в селе Батурино Батуринской волости Шадринского уезда Пермской губернии. С 1826 по 1831 гг. учился в Долматовском духовном училище при Долматовском Успенско-Исетском мужском монастыре; в 1831 г. поступил в Пермскую духовную семинарию; в 1836 г. был переведен в Екатеринбургскую духовную семинарию.

В 1839 г. Андрей Капустин получил назначение в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1843 г. со степенью магистра богословия. В 1845 г. будущий архимандрит Антонин стал бакалавром Академии и 7 ноября этого же года принял монашеский постриг с именем Антонина – в честь мученика Антонина Анкирского. Позднее рукоположен в иеродьяконы, потом в иеромонахи.

С 1845 по 1850 гг. занимался исправлением русского перевода гомилий (форма христианской проповеди) святителя Иоанна Златоуста, преподавал в Киевской духовной академии на кафедрах нравственного богословия, библейской герменевтики, обличительного (сравнительного) богословия, писал статьи и проповеди.

15 мая 1850 г. о. Антонин был назначен настоятелем церкви при русском посольстве в Афинах. Одним из важнейших его дел стало восстановление из руин древней церкви святителя Никодима (начало XI в.), начатое с декабря 1851 г. и завершённое в 1855 г.

В период с 1850 по 1865 гг. о. Антонином (в награду за труды 5 апреля 1853 г. он был возведен в сан архимандрита) велась плодотворная научная работа. Им было собрано, изучено и опубликовано более 200 христианских надписей Афин VI–XII вв., была начата опись древних рукописей. Побывав в Риме, Иерусалиме и Египте, арх. Антонин познакомился с некоторыми рукописными собраниями. За время, проведенное на Афоне, им были исследованы древние рукописи и книги, а также составлено описание нескольких монастырских книжных хранилищ. Являясь настоятелем посольской церкви в Константинополе в 1860–1865 гг., арх. Антонин составил каталог 624 рукописей находящейся там библиотеки иерусалимского Святогробского подворья. Им была совершена поездка по балканским провинциям Османской империи (Македония, Фессалия, Эпир), в которой арх. Антонин собрал богатейший археологический материал по церковной истории.

В 1865 г. арх. Антонин был назначен временно ведущим делами Русской духовной миссии в Иерусалиме, а 5 июня 1869 г. – утвержден в должности ее начальника. Иерусалимский период жизни арх. Антонина длился неполных 30 лет; он умер на посту начальника Миссии 24 марта 1894 г. и похоронен

в построенном им Вознесенском соборе у подножия Елеонской горы [Рафиенко: 150].

За годы служения арх. Антонина в Иерусалиме сменилось пять иерусалимских патриархов, тринадцать турецких губернаторов и десять русских консулов. И сам Иерусалим менялся с каждым годом. Из Европы и Америки съезжались археологи. «Палестина становилась страной-музеем, страной археологии и археологов. И научная работа Антонина – его раскопки, занятия нумизматикой, моавитскими древностями, исторические и агиологические публикации, активное членство в международных научных обществах – способствовала авторитету русской науки. Словом, это была настоящая “конкуренция народов на Ближнем Востоке”, в которую архимандрит был вынужден включиться – и выиграл, создав Русскую Палестину» [Архимандрит: 112].

Чтобы полностью увидеть картину служения архимандрита Антонина, необходимо вернуться почти на 20 лет назад, когда была учреждена Русская духовная миссия в Иерусалиме и утвержден первый ее состав. В него вошли: первый начальник миссии архимандрит Порфирий (Успенский), бакалавр Санкт-Петербургской духовной академии иеромонах Феофан (Говоров) и студенты Санкт-Петербургской духовной семинарии Петр Соловьев и Николай Крылов. «Для учреждения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии была... немаловажная причина. К святыням Палестины издавна устремлялись русские православные паломники. Преодолевая долгий путь, сопряженный с дорожными трудностями и нередко даже опасностями, они, хотя и непритязательные к бытовым условиям, все же нуждались, когда достигали своей цели, в определенной помощи и надзоре. Поэтому заботу о них должно было взять на себя официальное русское учреждение в Палестине, а такого не было» [В преддверии: 15].

В мае 1854 г. первый состав Русской духовной миссии покинул Иерусалим; причиной тому стала Крымская (Восточная) война. Архимандрит Порфирий вывез с Ближнего Востока в Россию большую коллекцию древних рукописей и книг. «Результаты самоотверженных трудов первого состава Русской духовной миссии в Иерусалиме часто недооцениваются, сводятся к необоснованному и краткому выводу: *Миссия не удалась*. Опровержение этого поспешного суждения – в летописном своде документов, относящихся к началу истории русского присутствия на Святой Земле. В них ясно звучит глубокое уважение восточного мира к северной православной державе, посланцы которой являли собой пример высокого служения вере, образец благочестия и учености, деятельной помощи христианам в устройении и украшении храмов, в организации училищ, устройстве больниц. Первые русские миссионеры не жалели

сил, чтобы по мере возможности доводить начатые дела до конца. <...> Были предприняты первые практические шаги к улучшению на Святой Земле быта русских паломников и их безопасности» [В преддверии: 26].

Формально в обязанности сотрудников Миссии входило духовное окормление паломников. Однако деятельность пятого начальника, арх. Антонина, «не укладывалась в рамки сложившейся практики дипломатических отношений между Турцией и Россией, нарушая рутинную систему» [Архимандрит: 323]. Время показало, что годы, когда Миссией руководил арх. Антонин, стали наиболее плодотворными в создании Русской Палестины.

Благодаря инициативе и старанию арх. Антонина, на пожертвования, полученные от частных лиц, были приобретены земельные участки, имеющие библейскую историю: земля вокруг Мамврийского дуба, земля на Елеонской горе, где по его проекту возведен русский монастырь Вознесения Господня. На купленных участках были проведены археологические раскопки, в ходе которых удалось обнаружить древние мозаики, погребальные пещеры, подземный некрополь, отождествленный с местом погребения праведной Тавифы. Во время проведения археологических раскопок рядом с храмом Воскресения Господня обнаружены *Судные врата*, а также остатки базилики, построенной в IV в. равноапостольным императором Константином Великим. Данные раскопки дали богатейший материал об истории земной жизни Иисуса Христа. Арх. Антонином также были приобретены земельные участки в Иерихоне, Тивериаде, Бейт-Джале, Вифлееме, Силоаме.

Арх. Антонин оказывал постоянную поддержку местному населению: строились школы в Бет-Джале и Бет-Сахуре, храмы снабжались богослужбной утварью, священники всегда могли рассчитывать на материальную поддержку. Покупка земельных участков, строительство школ для детей православных арабов, приютов для паломников, возведение храмов и монастырей – всему этому пятый начальник Русской миссии посвятил свои силы, знания и умения без остатка, заложив основы уникального явления – Русской Палестины.

Всю свою сознательную жизнь арх. Антонин вел дневник. Вел ежедневно, из года в год, начиная с 1817 г. Последняя запись была сделана им 5 января 1894 г. Дневники арх. Антонина представляют собой 15 томов: первые два охватывают юношеские годы Андрея Капустина, обучение его в семинариях [Николаева]; том третий – обучение в Киевской духовной академии; четвертый том – период преподавания в Киевской академии и постриг; пятый и шестой тома посвящены Греции и Афинскому периоду; седьмой – Константинополю и поездке домой; последние

восемь томов дневника арх. Антонина – записи Палестинского периода.

Ко времени прибытия арх. Антонина в Иерусалим Русская миссия обладала лишь одним участком на Старой Мейдамской площади, где располагались русские постройки; это владение увеличивалось за счет прилегающих к нему участков, приобретенных на пожертвования частных лиц. Здесь были построены церковь, приют, несколько домов, хозяйственные постройки – целый русский городок. В те годы русские постройки находились вне черты города, на отшибе. Арх. Антонин понимал острую необходимость в приобретении земельных участков вне Иерусалима и организации на этих землях центров будущей своей работы. Осуществить задуманное было совсем не просто. Все упиралось в деньги. Серьезным конкурентом выступал весь католический мир, славший огромные пожертвования и скупавший на Святой Земле все наиболее ценное. Русская духовная миссия имела более чем скудный бюджет. Начальник Миссии получал в год 5 000 руб., в эту сумму входили расходы по представительству и довольствию. Тарелочный сбор был запрещен консулом. Рассчитывать приходилось исключительно на частные пожертвования от паломников из России. Это была единственная возможность получать деньги для приобретения новых и новых участков.

Если обратиться к дневникам арх. Антонина, то можно увидеть чуть ли не ежедневные записи, говорящие об одном и том же: «Некий сермяжник, находящийся возле меня, сует мне тихонько в руку сверток с червонцами. Ревнуя ему, и другой некто тоже отсыпает мне горсточку монет, только уже древних»¹; «Тулячка Бунина еще с приношением. Другая поклонница, что навязывала кувшин с маслом, с требованием расписки в получении 29+20 рублей, не записанных у меня нигде и совершенно вышедших у меня из памяти»²; «Земляк еще раз с приношениями. Условия по 30 фр. той и другой в месяц и тем временем упрочение нашего бетджальского дела»³. Но при этом в дневнике есть и такие записи: «5 500 франков просят за одну постройку второго этажа в Иерихоне, со всем нашим материалом. Извольте отдуваться наша милость»⁴; «Заклучение договора с бетджальским мастером Исой на постройку 2-го этажа в Иерихоне по 15 пиастров от квадратного метра»⁵.

Еще одна трудность состояла в запрете турецкого законодательства на приобретение земельных угодий лицами, не являющимися турецкими подданными. Этот запрет начальнику Миссии удавалось обходить при помощи своего верного помощника, драгомана Якуба Халеби, который приобрел большинство участков на свое имя, а после смерти арх. Антонина перевел их на имя русских подставных лиц.

Одной из первых покупок арх. Антонина был знаменитый Мамврийский (Авраамов) дуб. После долгого изучения ситуации и положения арх. Антонин принял решение о приобретении дуба. Участок принадлежал некоему Ибрагиму Шаллуди, который, в свою очередь, получил его в наследство от отца. Ибрагим Шаллуди извлекал из дерева самую прямую выгоду, продавая туристам в качестве сувениров ветки, сучки, листья от священного дерева. Зимой 1868 г., имея при себе деньги и все необходимые документы, Якуб Халеби, переодетый купцом из Алеппо, прибыл в Хеврон. После долгих переговоров участок с дубом был куплен. Приобретенные позднее прилегающие участки позволили увеличить территорию Мамврийского участка, площадь которого составила 72 354, 74 м². 22 мая 1871 г. в палатке под дубом совершили первую Божественную Литургию. Со временем на этом участке были построены по проектам архимандрита Антонина приют для паломников, сторожевая башня, две цистерны для дождевой воды.

В 1870 г. удалось приобрести вершину Елеонской горы. Благодаря энергии и целеустремленности арх. Антонина постепенно приобретались и другие участки, в итоге Елеонское владение насчитывало 53 748, 54 м². Там были произведены археологические раскопки, построены церковь, колокольня, посажены кипарисы, сосны, масличные сады. В результате раскопок были обнаружены погребальные пещеры, различная утварь, мозаичные полы, бюст Ирода Великого. Был обретен камень, на котором, как гласит предание, стояла Богородица во время Вознесения Иисуса Христа. Сейчас на этом месте русский женский Вознесенский монастырь.

Самым большим участком, приобретенным арх. Антонином, стало владение у арабской деревни Айн-Карем, в 9 километрах от Иерусалима. Айн-Карем – название евангельской Горней, места встречи Божией Матери с праведной Елисаветой. Сюда после Благовещения Дева Мария пришла из Назарета, чтобы сообщить праведной Елисавете, уже носившей во чреве Иоанна Предтечу, о грядущем рождении Спасителя. С трудом удалось арх. Антонину купить эту землю. Латинский миссионер, крещеный еврей Ратисбонн, обладая немалыми материальными средствами, быстро скупал участки земли у арабского населения. Миссионеры построили на них католическую часовню, школу, монастырь в честь Рождества Предтечи. Осенью 1869 г. арх. Антонин, увлеченный идеей покупки участка восточной части холма, показал эту арабскую деревушку бывшему министру путей сообщения П.П. Мельникову, который оперативно организовал комитет по сбору денег. Средства на покупку нового участка прислали Путилов, Поляков, братья Елисеевы; немалую сумму собрали и обычные верующие.

В 1871 г. архимандрит Антонин купил на восточном склоне два дома и большую плантацию оливковых деревьев, чуть позже были куплены и смежные земли. Таким образом, общая площадь участка составила 228 776, 90 м². Арх. Антонин построил приют для русских паломников. Первый каменный храм – в честь встречи Божией Матери с праведной Елисаветой – был освящен в 1883 г.; по склону вырастали небольшие домики, в которых жили сельские жители. Горня – любимое детище арх. Антонина. Рядом с ней, на склонах, засаженных маслинами, смоковницами и кипарисами, расположились и три латинских обители.

В тот же период, а точнее в 1869 г., был приобретен участок около Яффы, по дороге в Иерусалим. Площадь территории составляла 34 000 м². На ней росли как плодовые, так и декоративные деревья: апельсины, лимоны, смоквы, гранаты, маслины, кипарисы, эвкалипты, сосны; были возведены дома, хозяйственные сооружения, выкопаны бассейн и колодец. Яффский участок стал одним из самых благоустроенных и красивых. Незадолго до кончины арх. Антонина им была освящена церковь св. ап. Петра и Павла и св. прав. Тавифы. Ценные результаты дали предпринятые на Яффском участке арх. Антонином раскопки. В ходе проведенных археологических работ было найдено большое количество ценных вещей, мозаика и, самое главное, подземный некрополь. Данные находки подтвердили, что место в саду и есть место погребения Тавифы, воскрешенной ап. Петром.

Также арх. Антонином был куплен участок в Иерихоне; в большей степени это приобретение было сделано ради русских паломников, посещавших излюбленную ими *Ердань-реку* – Иордан. Стараниями арх. Антонина Русская миссия обрела участок на Сорокадневной горе и ближайшие монастыри Иорданской пустыни: прп. Герасима, св. Иоанна Предтечи и др. Так в пыльном бедуинском Иерихоне – древнейшем городе на планете, расположенном на севере Иудейской пустыни, – появилось подворье площадью 15 127, 63 м², с часовней, большим садом, прекрасным двухэтажным домом для паломников, идущих на Иордан.

На берегу моря Галилейского, в Тавериаде, находится участок, предназначенный арх. Антонином для отдыха русских паломников.

В 1866 г. арх. Антонин приобрел два владения: на горе Рас-Она над селением Бет-Джала и в самом селении. Это была очень важная покупка, так как селение Бет-Джала выбрал своей резиденцией католический патриарх Валерга. Именно здесь арх. Антонин учредил школу для арабских девочек, ставшую со временем знаменитой женской учительской семинарией Палестинского общества.

За три десятилетия арх. Антонином было куплено 19 участков общей площадью 425 000 м² и стоимостью до миллиона золотых рублей:

1. Александровское подворье в Старом Городе, на улице Даббага (Дубильщиков кожи), с церковью во имя св. Александра Невского над порогом Судных врат. Участок приобретен в 1859–1861 гг. На участке были произведены раскопки, вскрывшие древнюю стену Иерусалима, Порог Судных врат и арку базилики Константина.

2. Гефсиманский участок – приобретен в 1882 г. В 1885–1888 гг. на участке под наблюдением арх. Антонина был сооружен храм во имя св. равноап. Марии Магдалины по проекту архитектора Д.И. Гримма.

3. Русский Вознесенский монастырь (на вершине Елеонской горы). На территории находятся: соборный храм во имя Вознесения Господня, храмотрапезная во имя Филарета Милостивого, часовня в честь Обретения главы св. Иоанна Предтечи, колокольня *Русская свеча*, гостиница для паломников и корпуса для сестер обители.

4. Участок под именем Карм уль-Газаль, или *место Каллистрата*, на юго-западном склоне Елеонской горы, напротив участка с Гробницами пророков. Приобретен арх. Антонином по частям в 1881–1884 гг.

5. Участок под названием Карм аль-Хараб, или *Гробница Пророков* (Кабур уль-Энбия), на склоне Елеонской горы. Приобретен арх. Антонином в 1882 г. По преданию, здесь находится гробница пророков Аггея, Захарии и Малахии.

6. Участок Хакурет уль-Баядер, или *Уллие*, в деревне Силоам в долине Кедрона. Владение состояло из двух участков. Первый был приобретен арх. Антонином в 1878–1882 гг., второй – генеральным консулом А.Г. Яковлевым в 1900 г.

7. Участок Уар ед-Дуббак с двумя пещерами, из которых большая называется Румманийе (Гранатовая), или Дейр Эссинийе, к юго-востоку от Иерусалима в той части Кедронской долины, которая называется Долина Суахре, в направлении к Лавре прп. Саввы Освященного. Участок представляет собой полосу земли в 100 м длины и 25 м ширины, в юго-западной части находится вход в погребальную пещеру. По мнению археологов, это гробница царя Иудейского Иосифа. Участок приобретен арх. Антонином 15 февраля 1866 г.

8. Русский Горненский монастырь в селении Айн-Карем (Горнее). Территория приобретена арх. Антонином в 1871–1889 гг. Монастырь основан в 1898 г. В пределах обители находятся: храм во имя Казанской Божией Матери (освящен в 1883 г.), пещерный храм в честь Рождества Иоанна Предтечи, два приюта для паломников и несколько десятков домиков. На участке возведен величественный храм во имя Всех Святых, в Земле Российской просиявших.

9. Участок Уара аль-Хас в селении Айн-Карем в соседстве с предыдущим. Дом и участок арх. Антонина. Приобретен в 1888 г.

10. Участок Аль-Уара в селении Айн-Карем, в соседстве с предыдущим. Приобретен арх. Антонином в 1890 г.

11. Участок Дахра в селении Бет-Джала (ныне в черте г. Вифлеема), с двухэтажными зданиями Женской учительской семинарии ИППО и образцового двухклассного училища при ней и отдельным зданием амбулатории.

12. Участок без названия в селении Бет-Джала. На нем находился дом арх. Антонина. Был приобретен в 1869 г. и объединен в одно владение с предыдущим участком.

13. Участок Рас-Она на вершине одноименной горы, по соседству с селением Бет-Джала. Приобретен арх. Антонином в 1873 г. Построен приют для паломников.

14. Участок Аль-Атн в Вифлееме, в конце *улицы Молочной пещеры*. Приобретен арх. Антонином в 1880-е гг.

15. Участок с Мамврийским Дубом в Хевроне, сложившийся из двенадцати одновременно приобретенных арх. Антонином участков. Приобретены в 1868–1889 гг.

16. Участок Баляд-ен-Насара (Христианское селение) в Хевроне. Приобретено по частям арх. Антонином. Первое упоминание об этом в дневнике от 26 февраля 1881 г. Использовался как масличная плантация.

17. Участок Бет-уль-Хараб к северо-востоку от Иерусалима. Приобретен арх. Антонином в 1879 г. На участке были обнаружены остатки древнего христианского храма, предположительно пророка Иеремии.

Участок Хакурет уль-Бурдж (Земля у башни) в Иерихоне. Приобретен в 1874 г.

18. Участок Дерба тин Дарбита (Яффский сад) на окраине Яффы. Приобретен арх. Антонином в 1868 г. На участке находится храм св. ап. Петра и праведной Тавифы.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1118–1132. Т. 12. Л. 223 об.

² Там же. Л. 224 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 231 об.

⁵ Там же. Л. 233.

Библиографический список

Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881 / изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова. Москва: Индик, 2011. 323 с.

В преддверии Русской Палестины. Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1847–1854 / сост., подг. текста, коммент. и вс. ст. М.И. Щербакковой. Иерусалим: Русская духовная миссия в Иерусалиме; Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 350 с.

Николаева Е.В. О стиле юношеского дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Русская речь. 2018. № 6. С. 95–100.

Рафиенко Л.С. Архимандрит Антонин Капустин – выдающийся деятель Иерусалимской русской духовной миссии, ученый и коллекционер // Традиции и современность. 2014. № 15. С. 146–151.

References

Arkhimandrit Antonin (Kapustin). *Dnevnik. God 1881* [A diary. Year 1881], ed. prepared by N.N. Lisova, R.V. Butov. Moscow, Indrik Publ., 2011, 323 p. (In Russ.)

V preddverii Russkoi Palestiny. Letopis' Russkoi Dухovnoi Missii v Ierusalime. 1847–1854 [On the eve of Russian Palestine. Chronicle of the Russian Spiritual Mission in Jerusalem. 1847–1854], compilation, text

preparation, commentary and enter art. M.I. Shcherbakova. Ierusalim, Russkaia dukhovnaia missiia v Ierusalime Publ.; Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, 350 p. (In Russ.)

Nikolaeva E.V. *O stile iunosheskogo dnevnika arkhimandrita Antonina (Kapustina)* [On the style of the youthful diary of Archimandrite Antonin (Kapustin)]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2018, № 6, pp. 95–100. (In Russ.)

Rafienko L.S. *Arkhimandrit Antonin Kapustin – vydaiushchiisia deiatel' Ierusalimskoi russkoi dukhovnoi missii, uchenyi i kollektzioner* [Archimandrite Antonin Kapustin – an outstanding figure of the Jerusalem Russian Ecclesiastical Mission, scientist and collector]. *Traditsii i sovremennost'* [Traditions and Modernity], 2014, № 15, pp. 146–151. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

«СВЕТИЛЬНИК РАЗМЫШЛЕНИЙ» КЕНСУР АГВАН НИМЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МОНАСТЫРЕЙ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

Хартаев Владимир Владиславович, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, buda2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>

Аннотация. В статье рассматривается часть сочинения «Светильник размышлений» подкласса тибетской исторической литературы чойчжун выдающегося бурятского буддийского деятеля Кенсур Агван Нимы (1907–1990), в котором излагается монастырская система Внутренней Монголии (Китай). Кенсур Агван Нима провел всю жизнь среди тибетцев. Сначала он обучился в Тибете, затем занимался преподавательской и научной деятельностью в Индии, Швейцарии и Голландии. Он является одним из немногих ученых лам из Бурятии, которому выпала большая честь занимать трон настоятеля крупного тибетского монастыря Дрепунг Гоман в Индии. Исследуемый трактат Агван Нимы по истории буддизма входит в состав его собрания сочинений в шести томах, которые посвящены разнообразным буддийским наукам. Его творчество малоизученно в современной науке. До настоящего времени часть сочинения «Светильник размышлений», посвященная монастырям Внутренней Монголии, прежде никем не была исследована. В ней дается информация о монастырях, их основателях, традиции в обучении и количестве монахов в данном регионе. При исследовании использовались методы сопоставления с похожими источниками, а также сравнения с современными исследованиями.

Ключевые слова: история, буддизм, чойчжун, монастыри, Внутренняя Монголия.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте междивизиационного взаимодействия, № 121031000302-9».

Для цитирования: Хартаев В.В. «Светильник размышлений» Кенсур Агван Нимы как источник по изучению монастырей Внутренней Монголии // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 40–46. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-40-46>

Research Article

“LAMP OF REFLECTIONS” BY KENSUR AGVAN NIMA AS A SOURCE ON THE CONGRESSES OF INNER MONGOLIA

Vladimir V. Khartaev, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia, buda2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5596-2416>

Abstract. The article is devoted to part outlines the monastic system of Inner Mongolia (China) of the essay “The Lamp of Reflections” by an outstanding Buryat Buddhist figure Kensur Agvan Nyima (1907-1990). He is one of the few learned lamas from Buryatia who had the honor to occupy the throne of the abbot of the large Tibetan monastery Drepung Gomang in India. The studied treatise of Agvan Nima on the history of Buddhism is part of his collected works in six volumes, which are devoted to various Buddhist sciences. His work is poorly studied in modern science. To date, the part of the essay “The Lamp of Reflection” dedicated to the monasteries of Inner Mongolia has not been studied by anyone before. It provides information about monasteries, their founders, traditions in training and the number of monks in the region. The study used methods of comparison with similar sources, as well as comparisons with modern studies.

Key words: history, Buddhism, choizhun, monasteries, Inner Mongolia.

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000302-9 ‘Oriental Language Written Monuments of Russia and Inner Asia’s Peoples and Archival Documents, 18th to Early 21st Centuries: A Perspective from Civilizational Interaction’.

For citation: Hartaev V.V. “Lamp of Reflections” by Kensur Agvan Nima as a source on the congresses of Inner Mongolia. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 40–46 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-40-46>

За тысячу лет развития буддийской литературы в Тибете и Монголии складываются различные формы исторических повествований. К одной из этих форм можно отнести так называемые чойчжуны (тиб. chos byung, букв. «возникновение учения»). Эти сочинения посвящались истории буддизма в различных буддийских странах, истории происхождения мистических культов, развитию тибетской медицины и т. п. (подробнее см.: [Хартаев: 2020]). Одно из таких сочинений написал известный буддийский монах Кенсур Агван Нима (1907–1990)¹, живший в XX веке. Это сочинение является практически единственным сочинением чойчжун, написанным на тибетском языке ламой бурятского происхождения. Впервые оно было опубликовано в 1965 г., в период его работы преподавателем в институте санскрита в индийском городе Варанаси. В своем исследовании мы пользовались изданием 2003 года. Данная работа состоит из 271 страниц обычного книжного формата, входит в состав шеститомного собрания сочинений Кенсур Агван Нимы. В своем сочинении «Светильник размышлений» Агван Нима пишет об истории буддизма в Индии, Тибете, Монголии и России. Основная часть произведения посвящена истории буддизма в Тибете, в частности жизнеописанию основателя традиции Гелук – Дже Цонкапа Лобсан Дакпе (1357–1419). Подробный анализ источника приведен в статье автора данной работы [Хартаев 2021a]. В настоящей статье анализируется фрагмент из этого сочинения, посвященный монастырям Внутренней Монголии² [Agvan Nyima: 275–278; перевод фрагмента выполнен нами. – В. Х.]. Актуальность этой работы связана с проблемой малой изученности истории монастырских структур Внутренней Монголии, а также фактическим отсутствием исследований в области исторического наследия выдающегося буддийского ученого Агван Нимы.

Сочинение Агван Нимы носит компилятивный характер. В качестве источника по монастырям Внутренней Монголии им было использовано сочинение монгольского автора Зава Дамдина (1867–1937) [Zava Damdin: 164a–165]. Однако Ш. Бира, исследователь сочинения Зава Дамдина, в своей работе не уделял внимания монастырям Внутренней Монголии. Из отечественных востоковедов исследованием по отдельным монастырям Внутренней Монголии занимались Ц.П. Ванчикова, М.В. Аюшеева, С.Б. Миягашева (их работы приведены в списке литературы). Из зарубежных исследователей нам известна работа Изабель Шарле. В ней она пишет, что в начале XX века в Южной Монголии, ныне автономном районе Внутренняя Монголия в Китае, действовало более тысячи буддийских монастырей тибето-монгольской традиции [Isabelle Charleux: 9].

Агван Нима переходит к монастырям Внутренней Монголии после изложения истории монастырей Внешней (Халха) Монголии [Agvan Nyima: 270–275]. Рассматривая способ изложения материала о монастырях Халха Монголии в сочинении Агван Нимы, мы разделили его на три формы: «подробное», «среднее» и «краткое» [Хартаев 2021б: 2629]. Агван Нима при описании монастырей Внутренней Монголии придерживается так называемой «средней» формы изложения, где автор пишет о монастырях, дацанах в них (тантрический, медицинский, астрологический и т. д.), учебной программе (Гоман, Лосалинг, Сера) и количестве монахов.

Для наглядности приведем таблицу монастырей Внутренней Монголии, основанную на сочинении Агван Нимы.

Изложение о монастырях Внутренней Монголии Агван Нима начинает с Чойдэ Ченбо Бадгар Чойлинг или Даши Пандэлинг³. Это один из крупнейших ре-

Таблица 1

Монастыри Внутренней Монголии (по сочинению Агван Нимы)

	Монастыри	Основатель	Факультеты	Традиция в образовании	Количество монахов
1	Бадгар (тиб. pad dkar chos gling)	Дуйнхор Пандита	Философии, калачакры, ламрим и медицины		Более 1 000
2	Баян Хошу (тиб. pa'yan ho shu)	Нейджи Тойн	Читали тексты на монгольском языке		500
3	Тулайта (тиб. thu las thu)		тантра	Сера	800
4	Моори (тиб. mu'u ri'i dgon)		4 дацана	Сера	1 000
5	Монжигин Цаган даянчи (тиб. mong go cin cha gang ta yan chi)		4 дацана	Гоман	5 000
6	Алтан ширээтэ (тиб. a'tan shi re thu'i dgon chen)		4 дацана	Гоман	1 000
7	Тумэд хошу (тиб. thu med ho sho'u chen)		4 дацана	Гоман	1 000
8	Ару сумэ (тиб. aru)				1 000
9	Хорчен (тиб. hor chen)				1 000

	Монастыри	Основатель	Факультеты	Традиция в образовании	Количество монахов
10	Ханана (тиб. ha na na'a su me)				1 000
11	Монастырь Арья Чанлун Пандиты (тиб. a' rya lcang lung paN-Di ta'a)		3 дацана	Сера	1 000
12	Дурбэд шара мурэн (тиб. dur bed shar mu ring)			Гоман	1 000
13	Дархан бээлийн бата халга (тиб. dar han beli'i pa tha h lak'a)			Гоман	1 000
14	В местности Ордос (тиб. or to su) Отогшогийн узита (тиб. o'o rhog shog gi ul chita)			Гоман	1 000
15	Также в Ордосе Талад шогийн Дашчойлин (тиб. ta lad shog go dgon chen bkra shis chos gling)			Гоман	Более 1 000
16	Квантун мянган ламын (тиб. kvan tung ming gan bla ma'l dgon)			Гоман	100
17	Найман Боди (тиб. na'i man po dhi'i dgon)				100
18	Найман бор хошу (тиб. na'i man pork ho shu'i dgon)			Гоман	100
19	Барин хилбер джово дже (тиб. pa's rin kil ber jo bo gyas)				
20	Барин хилбер джово джо (тиб. pa's rin kil ber jo bo gyon)				
21	Дархан улын (тиб. dar han o'u la'i dgon)			Гоман	1 000
22	Абахашанта дринкурлинг (тиб. a'a pa ka tshan thu drin bskur gling)		ламрим	Гоман	1 000
23	Узумчен хаалга (тиб. u cum chen ha'a ka lag dgon)			Гоман	1 000
24	Узумчен ламын хурэ (тиб. u cum chen bla ma'i hu re)			Сера	2 000
25	Холата (тиб. ho la tha)			Гоман	100
26	Булэн гэгэн ламын (тиб. pu len ke gen bla ma'i dgon)			Гоман	100
27	Чахар Хаягрива (тиб. cha khar ha yang gri va'i dgon bkra shis tshog 'phel gling)	Построен во времена V Далай-ламы, построен специально для его пребывания		Гоман	1 000
28	Чахар Бадмата (тиб. cha khar padma tha'i dgon)	Построен для пребывания Панчен-ламы (paN chen dpal ldan ye shes)		Гоман	1 000
29	Хубо шар хошу сумэ (тиб. khu po shark ho shu su me)			Гоман	100
30	Сонид Йонру сагаан ово (тиб. so'u nyid gyon ru cha rgan o' pa dgon)		4 дацана	Гоман	1 000
31	Гончен Тэгчэнчой-хорлин (тиб. dgon chen theg chen chos 'khor gling)	В области Кукунора в местности пребывания III Далай-ламы и на месте рождения IV Далай-ламы построил Алтан-хан	Храм эрдэни Джово (er de ni jo bo'l lha kang), храм ехэ бага Джово I he pa' ga jo bo, mkhar sngon dar rgyas sde sgrub gling? Dge ldan phun tshogs, Храм тысячи будд sang rgyas и другие		

лигиозных центров Внутренней Монголии, расположенный в Уратском хошуне, в 60 км к северо-востоку от города Баотоу. Строительство монастырского комплекса Бадгар началось с возведения Дуйнхор дугана в 1749–1750 годах [Ванчикова, Аюшеева: 149]. Этот монастырь был основан Дуйнхор Пантидой⁴.

Исходя из сочинения Агван Нимы, в монастыре Бадгар были «факультеты философии, калачакры, ламрим и медицины, итого четыре дацана, которые следовали традиции Гоман. Число лиц монастырской сангхи превышало тысячу» [Agvan Nyima: 275]. По сведениям Ванчиковой, «в храмовый комплекс входило 6 дуганов: цогчен дуган, чойра дуган, дуйнхор (Калачакра) дуган, догшидский дуган, ламрим дуган, ахуй дуган (тарнийн дуган), медитативный центр – гемпийн дуган, 3 жилых здания, в которых проживали перерожденцы (Дуйнхор-гэгэн, Ганчжурва-гэгэн, Чжанчжа-гэгэн)» [Ванчикова, Аюшеева: 150]. Как мы видим, сведения Агван Нимы совпадают с данными современных исследователей. Также данные совпадают и в количестве монашеской Сангхи: «...С момента основания монастырь развивался как центр буддийского образования, в годы наивысшего расцвета в его стенах проживало около 1 200 монахов» [Ванчикова, Аюшеева: 150]. Агван нима продолжает свое изложение: «...В монастыре ламы Нейжи Тойна⁵ “Баян Хошу” в местности Хочин Тушету вана численность монахов составляла около пятисот, декламировали священные тексты, основанные Богдо Цонкапой на монгольском языке» [Agvan Nyima: 276]. О монастыре Баян Хошу Аюшеева также пишет: «Нейджи-тойн заложил основы многих монастырей в хошуне туметов. Монгольские ваны, бэйлэ и бэйсэ, большие и малые нояны 10 хошунов воздвигли большой монастырь в местности Баян Хошуне для постоянного проживания в нем Нейджи-тойна, куда собрали хуvaraков со всех хошунов. Кроме этого монастыря, ему посвятили еще три монастыря: Чаган-Добун кийт в районе р. Нонни, в Далайте, Чаган-Чичикту кийт в местности Души, в Хорчине, кийт Дархан-бэйлэ в хошуне хорчинов. Данные монастыри наряду с монастырями Хухэ-хото являлись крупными религиозными центрами распространения буддизма» [Ванчикова, Аюшеева: 101–102]. Баян хошу, видимо, один из немногих монастырей, где читали молитвы на монгольском языке (во всех монастырях до настоящего времени, а также и в бурятских (кроме Хандагатайского (лама Иннокентий Сотников) дацанах все молитвы читают на тибетском языке).

Далее Агван Нима пишет о других 23 монастырях Внутренней Монголии (см. табл. 1, пункты с 3 по 26), на которых мы не будем останавливаться подробно [Agvan Nyima: 276–277]. Из последующих приведенных монастырей интересен монастырь, свя-

занный с Далай-ламой: «...В местности Чахар есть монастырь Хаягривы “Дашицогпэлинг”. В свое время в это место был приглашен V Далай-лама, и на том месте был основан данный монастырь. Монастырь следовал традиции Гоман, и численность монахов составляла тысячу с лишним» [Agvan Nyima: 277]. А следующий монастырь связан с VI Панчен-ламой (1738–1780): «Храм Чахар Бадматын был возведен на месте, которое посещал Панчен ринпоче Балдан Ешей. В этом монастыре следовали традиции Гоман и численность монахов составляла ближе к тысяче» [Agvan Nyima: 277]. На этом заканчивается так называемая «средняя» форма перечисления монастырей. Многие из них содержатся в списке, приведенном Изабель Шарле [Isabelle Charleux: 11–12].

Далее Агван Нима пишет о первом монгольском монастыре Эрдэни-дзу: «В местности Тумэд хар онгы есть места, где в свое время пребывали III Далай-лама Соднам Гьятцо, и место, где родился IV Далай-лама Ендан Гьятцо, есть место, где Алтан-хан основал огромный храм “Тегчен чойхорлинг”» [Agvan Nyima: 277]. Этот отрывок дает нам информацию о месте рождения IV Далай-ламы.

В следующей части Агван Нима пишет о великолепном изображении защитника учения Махакалы: «С восточной стороны монгольско-китайской границы по правую сторону находились Сербои дацан и Жед цалжи дацан. Внутри Сербои дацана было изображение защитника Гонбо, сделанное из тысячи золотых монет, которое было освящено Догон Чойжал пагпой, обладающее огромной энергией, проявляющее свет. В наше время оно известно как Защитник Махакала Мугдэна, о чем свидетельствуют заграничные архивы, и в ученом мире оно весьма прославлено» [Agvan Nyima: 278].

Заканчивает Агван Нима общим положением монастырей по регионам Внутренней Монголии: «В местности Алагша огромные храмы баруун и зуун. В местности Ганжоу находились два храма – большой и малый. На восточной стороне Уйгуре были храмы “Дашичойлинг” и т. д., также здесь было множество ритодов (ретритные домики). В местности Оолд дорвон хошуны находились бесчисленные большие и малые монастыри. В местности Уйранхай по аймакам имелись по дацану. В местности Барга в каждом из восьми районов (хошу) были большие и малые храмы, такие как “Цэпэлинг” и т. д. (подр. см.: [Миягашева]). Дацаны, такие как Хэшэгтэн “Мэлонг жамцо” и другие, входили в число сорока девяти крупных монастырей, которые в свою очередь являлись частью общего числа из семисот с лишним. Такая информация находится в архиве Японии, так я слышал» [Agvan Nyima: 278]. Из этого отрывка мы узнаем, что в местности Урянхай было много ретритных домиков, из чего следует, что ламы Внут-

ренной Монголии занимались не только философией, а также созерцательной практикой буддизма.

Отрывок из сочинения Агван Нимы «Светильник размышлений» охватывает множество монастырей Внутренней Монголии. Данные из этого отрывка в некоторых случаях совпадают с данными современных исследователей. Как уже было указано выше, изложение монастырской системы основано на работе монгольского ученого ламы Зава Дамдина. Агван Нима придерживается самой распространенной «средней» формы при изложении информации о монастырях, описывая дацаны в монастырях, традиции в обучении (Сера и Гоман) и количество монахов. Лишь в двух случаях Агван Нима пишет об основателях монастырей. Стоит отметить, что, в отличие от изложения Халха монгольских монастырей, при описании монастырей Внутренней Монголии мы не наблюдаем ни одного монастыря, который придерживался бы традиции Лосалинг. Из этого отрывка видно, что в основном монастыри Внутренней Монголии следовали традиции Гоман и лишь некоторые – традиции Сера. Самым многочисленным монастырем в 5 000 монахов был монастырь Монжигин Цаган даянчи. Лишь в некоторых состояло 100 монахов. В большинстве монастырей было по 1 000 монахов. Также из сочинения мы узнали о Баян-хошу – единственном монастыре, в котором декламировали тексты на монгольском языке.

При рассмотрении данного произведения необходимо учитывать специфику того периода (исторического развития тибетоязычной буддийской схоластики), в котором оно было написано. Это был период, когда авторы исторических сочинений не акцентировали внимание на исследовании новых фактов, а использовали данные из существующих сочинений. При изучении заинтересовавшего нас фрагмента мы выяснили, что Агван Нима не заострял внимание на расширении информации относительно исторических фактов. Это говорит о том, что его работа является схоластическим произведением, предназначенным для учащих монахов. Поэтому отрывок сочинения Агван Нимы является кратким изложением положения дел в монастырях Внутренней Монголии. Из них в данной статье рассмотрено лишь несколько монастырей. Используя данное сочинение, можно проводить дальнейшее подробное исследование по каждому из малоизученных или практически неизвестных в современной науке монастырях Внутренней Монголии.

Примечания

¹ Кенсур Агван Нима – один из выдающихся бурятских буддийских деятелей XX в. Родился в 1907 г. в с. Дабаты Заиграевского района Республики Бурятия. В семилетнем возрасте стал послуш-

ником в Шулутойском дацане. В 1923 году из-за известных событий на своей родине тайно покинул ее и через Монголию добрался до Тибета. Прошел полный курс обучения в Гоман дацане монастыря Дрепунг (тиб. 'bras sprungs) [1] 1924–1938. В возрасте 22 лет во дворце Ченсал Побран в парке Норбулингка Агван Нима получил от Его Святейшества Далай-ламы XIII полные обеты Гелонга. Раннее, в 1960–1967 гг., работал преподавателем в буддийском университете в Варанаси. В 1967 г. Агван Нима отправился в Европу для работы с профессором Д.С. Рюггом в Лейденском университете консультантом по буддийским текстам. Три года проработав с ним, он заменил его на должности. Затем последовало еще три года работы в университете, после этого он вышел на пенсию в 65 лет. Затем он переехал в Швейцарию и с 1972 по 1977 г. жил там и занимался написанием трудов по буддийской философии и обучением буддизму западных учеников. В 1978–1980 гг. по просьбе Далай-ламы XIV Агван Нима вернулся в Индию и возглавлял Гоман дацан, монастыря Дрепун. Именно после этого он получил приставку к своему имени Кенсур (тиб.), которое присваивается бывшим настоятелям Гоман дацана. После отставки Кенсур Агван Нима по мере своих возможностей занимался преподавательской деятельностью. Кенсур Агван Нима всю свою жизнь занимался обучением, преподаванием и написанием комментариев к буддийским сочинениям. Он умер в 24 января 1990 г.

² Внутренняя Монголия, или Южная Монголия, ныне является «автономным районом» Китайской народной республики.

³ Это было двухэтажное здание примерно в 20 м шириной на 25 м длиной, с 24 опорами. В данном дацане изучалась Калачакра, распространившаяся в Тибете с XI века из Индии, а также такие дисциплины, как арифметика и зурхай.

⁴ Первый Дуйнхор-гэгэн Агванчойдом (1696–1763) родился в местности Баян жирукэ, в тумэтских кочевьях близ Хухэ-хото в семье халхасца Дамбы. При рождении получил имя Соднамжамцо. В пятилетнем возрасте Соднамжамцо отвезли в ученики к созерцателю Чойжабу в крупный тумэтский монастырь (ныне Бичээчийн сум, по-кит. – Ла ма дунг). Получив начальное образование и проявив незаурядные способности к обучению, в 1704 году он был направлен в долоннорский монастырь Хухэ-сумэ к Ганчжурва-гэгэну Лубсанцультиму (приб. 1680–1755). Здесь Соднамжамцо получил духовное имя Агванчойдом. Ганчжурва-гэгэн в свою очередь отправил его для дальнейшего обучения в амдоский (кукунорский) монастырь Сэригун. На протяжении 10 лет Агванчойдом занимался изучением чойры. После обучения он сопровождал своего учителя Ганчжурва-гэгэна по туметским и уратским хошунам, где они занимались проповедью учения.

В возрасте 28 лет, в 1723 году, Агванчойдом по рекомендации учителя отправился для продолжения образования в Лхасу. После поклонения VII Далай-ламе был определён в крупный тибетский монастырь Брайбун. Монастырь Брайбун сыграл большую роль в становлении личности Дуйнхор-гэгэна. По окончании обучения в Брайбуне Агванчойдом победил в философском диспуте, получил звание рабжамба и прославился своей учёностью. К этому времени относится поднесение ему титула Дуйнхор-пандита VII Далай-ламой [Ванчикова, Аюшеева: 152–153].

⁵ М.В. Аюшеева пишет о ламе Нейджи-Тойн: «Ойратский лама Нейджи-тойн Далай Манджушри (1557–1653) был сыном Мэргэн Тэбэнэ, владетельного западно-монгольского князя олётвов и торговцев. Нейджи-тойн обучался в тибетском монастыре Дашилхунбо, выслушал наставления ученых лам, получил много тайных посвящений. Нейджи-тойн прибыл в Южную Монголию по непосредственному указанию Панчен-ламы и Далай-ламы. В 1638 г. отправился в Халха-Монголию, затем побывал в Хухэ-хото, а с 40-х гг. XVII в. проповедовал буддизм в кочевьях монгольских племен онгут, хорчин, узумчин, джалаир, харачин, горлос, дурбэт, баит, чахар, оннют. Нейджи-тойн поощрял чтение и заучивание молитв простолюдными на монгольском языке, разъяснял сокровенный смысл тантрийских сочинений, полагая, что для успешного распространения учения необходимо вначале вызвать у слушателей интерес, который впоследствии перерастет в веру. Нейджи-тойн немало усилий прилагал для перевода буддийских сочинений, для их копирования и распространения. Он собрал много переписчиков, которые переписали Ганджур 108 раз. Затем раздал по одному комплекту Ганджура ванам, княгиням и принцессам, большим и малым нойонам, тойнам, хувакакам и тушимэлам каждого хошуна с приказанием: “Ревностно их почитайте!” А также дал их амбаню и сайтам восьми хошунов Пекина с повелением: “Почитайте и читайте!”» [Аюшеева: 102].

Список литературы

- Аюшеева М.В. Распространение буддизма во Внутренней Монголии: деятельность Нейджи Тойна (1557–1653) и его учеников // Гуманитарный вектор. 2008. № 3. С. 100–107.
- Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор: Изд-во Академии наук МНР, 1964. 153 с.
- Ванчикова Ц.П., Аюшеева М.В. К истории монастыря Бадгар // Гуманитарный вектор. 2018. Т 3, № 4. С. 149–157.
- Миягашева С.Б. К истории буддийских монастырей Баргутов Хулун-Буира // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2017. Вып. 10. 222 с.

Хартаев В.В. Специфика тибетской исторической литературы жанра чойчжун // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. Вып. 13. С. 32–45.

Хартаев В.В. «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» в творчестве Кенсур Агван Нимы (1907–1990) // Вестник БНЦ СО РАН. 2021а. № 4. С. 143–148.

Хартаев В.В. «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» (тиб. chos 'byung lung rigs sgron me) Кенсур Агван Нимы (1907–1990) как источник по изучению монастырей Монголии // Манускрипт. 2021б. Т. 14, вып. 12. С. 2628–2632.

Agvan Nyima. Ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa rje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung 'bum bzhugs so. Mundgod, 2003a, 1-2 vols. (ka kha), 710 p. (На тиб. яз.)

Isabelle Charleux. “Buddhist monasteries in Southern Mongolia” - Author’s manuscript See the published version in The Buddhist Monastery. A cross-cultural Survey, Pierre Pichard & François Lagirarde (eds). Paris, École Française d’Extrême-Orient, 2003, pp. 351-390. Buddhist Monasteries in Southern Mongolia. URL: archives-ouvertes.fr (дата обращения: 20.10.2022).

Zava Damdin. Blo bzang rta dbyangs sam rtsa bar ta mgrin. 'Dzam gling byang phyogs chen po hor gyi rgyal khams kyi rtogs pa brjod pa'i bstan bcos chen po dpyod ldan mgu byed ngo mtshar gser gyi deb ther zhes bya ba. 1964. URL: <https://library.bdrc.io/show/bdr:MW1KG15408>. (На тиб. яз.)

References

- Ajusheeva M.V. *Rasprostranenie buddizma vo Vnutrennej Mongolii: dejatel'nost' Nejdzhi Tojna (1557–1653) i ego uchenikov* [Spread of Buddhism in Inner Mongolia: the activities of Neiji Toin (1557-1653) and his disciples]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 2008, № 3, pp. 100-107. (In Russ.)
- Bira Sh. O “Zolotoj knige” Sh. Damdina [About the “Golden Book” by Sh. Damdin]. Ulan-Bator, Akademii nauk MNR Publ., 1964, 153 p. (In Russ.)
- Mijagasheva S.B. *K istorii buddijskih monastyrej Bargutov Hulun-Buira* [On the history of the Buddhist monasteries of the Barguts of Hulun-Buir]. *Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki* [Culture of Central Asia: written sources]. Ulan-Udje, BGSXA im. V.R. Filippova” Publ., 2017, iss. 10, 222 p. (In Russ.)
- Hartaev V.V. *Specifika tibetskoj istoricheskoj literatury zhanra chojchzhun* [The Specificity of Tibetan Historical Literature of the Choizhong Genre]. *Kul'tura Central'noj Azii: pis'mennye istochniki* [Culture of Central Asia: written sources]. Ulan-Udje, BNC SO RAN Publ., 2020, iss. 13, pp. 32–45. (In Russ.)

Hartaev V.V. *Svetil'nik citat iz klassicheskikh trudov po istorii buddizma v tvorchestve Kensur Agvan Nyima (1907–1990)* [A lamp of quotes from classical works on the history of Buddhism in the work of Kensur Agvan Nyima]. *Vestnik BNC SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center], 2021, № 4, pp. 143-148. (In Russ.)

Hartaev V.V. *Svetil'nik citat iz klassicheskikh trudov po istorii buddizma (tib. chos 'byung lung rigs sgron me) Kensur Agvan Nyima (1907–1990) kak istochnik po izucheniju monastyrej Mongolii* [A Lamp of Quotations from Classical Works on the History of Buddhism" by Kensur Agvan Nyima (1907-1990) as a source for studying the monasteries of Mongolia]. *Manuskript*, 2021, vol. 14, iss. 12, pp. 2628-2632. (In Russ.)

Vanchikova C.P. Ajusheeva M.V. *K istorii monastyrja Badgar* [On the history of the Badgar monastery]. *Humanitarnyj vector* [Humanitarian vector], 2018, vol. 3, № 4, pp. 149-157. (In Russ.)

Agvan Nyima. Ngepa dongyi mkhas grub chen pod pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa rje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung

'bum bzhugs so. Mundgod, 2003a, 1-2 vols. (ka kha), 710 p. (In Tibetan.)

Isabelle Charleux. "Buddhist monasteries in Southern Mongolia" - Author's manuscript See the published version in *The Buddhist Monastery. A cross-cultural Survey*, Pierre Pichard & François Lagirarde (eds). Paris, École Française d'Extrême-Orient, 2003, pp. 351-390. Buddhist Monasteries in Southern Mongolia. URL: archives-ouvertes.fr (дата обращения: 20.10.2022).

Zava Damdin. Blo bzang rta dbyangs sam rtsa bar ta mgrin. 'Dzam gling byang phyogs chen po hor gyi rgyal khams kyi rtogs pa brjod pa'i bstan bcos chen po dpyod ldan mgu byed ngo mtshar gser gyi deb ther zhes bya ba. 1964. URL: <https://library.bdrclibrary.org/show/bdr:MW1KG15408>. (In Tibetan.)

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 47–53. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 47–53. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821(73).09"20"

EDN YBRBUG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-47-53>

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМА (на материале современной американской малой прозы)

Соколова Ирина Всеволодовна, кандидат филологических наук, Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия, sokolovai20@mail.ru

Шишкова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия, ishishkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>

Аннотация. Статья посвящена новейшим приемам построения художественного текста в американской малой прозе. Выделяются два основных типа нарратива: театральное представление и психологический этюд. Театрализованность находит выражение в элементах сюрреализма, магического реализма, абсурда, временами превращаясь в откровенный кукольный театр. В свою очередь психологический этюд предстает как рассказ-зарисовка, впечатление, чувство. Анализируются как трансформации фигуры автора, личность которого в процессе постоянной смены масок распадается на многосущностное «я» или вовсе уходит в тень, так и героя, представляющего собой безвольное, проблемное существо с болезненной психикой. Отмечается автономность современного художественного текста, когда читатель вовлекается в творческий процесс, «дописывает» портрет персонажа. В статье обосновывается необходимость изучения новых концепций построения художественного текста. Современные авторы создают «вспышки правды», чаще всего нелицеприятной, уходя от привычных канонов и изобретая гиперболизированные средства художественной выразительности. Устанавливается, что рассказ способен уловить и запечатлеть сиюминутное, едва заметное, находящееся в стадии формирования. Вышеобозначенные тенденции хорошо прослеживаются на материале сборника Фредерика Тутена «Автопортреты: фантазии/небылицы» (2010), который можно назвать ярким примером интертекстуальности, столь важного компонента эстетики постпостмодернизма.

Ключевые слова: композиционные приемы, театрализованность, психологический портрет, рассказ-впечатление, многосущностное «я», интертекстуальность, Фредерик Тутен.

Для цитирования: Соколова И.В., Шишкова И.А. Композиционные приемы постпостмодернизма (на материале современной американской малой прозы) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 47–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-47-53>

Research Article

COMPOSITIONAL TECHNIQUES OF POST-POSTMODERNISM (on the material of modern American short fiction)

Irina V. Sokolova, Candidate of Philological Sciences, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia, sokolovai20@mail.ru

Irina A. Shishkova, Doctor of Philological Sciences, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia, ishishkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>

Abstract. The article deals with the latest methods of constructing a literary text in American short fiction. There are two main types of narrative: theatrical performance and psychological sketch. Theatricality finds expression in the elements of surrealism, magical realism, absurdity. Sometimes it develops into an overt puppet theatre performance. The psychological sketch takes the form of an emotional monolog or an impression. The article analyses the transformations of the author – he constantly changes masks, breaks up into *plurality of self*; as well as of the protagonist, a passive, problem creature, often a person with damaged psyche. The article substantiates the need to study new concepts of constructing a literary text. Modern authors create “explosions of truth”, most often impartial, moving away from the usual canons and inventing new ones, sometimes taken to the extreme, exaggerated means of artistic expression. It is argued that a story is able to “capture” the momentary and barely noticeable. A striking sample of modern literary techniques is Frederic Tuten’s collection “Self-Portraits: Fictions” (2010), an example of intertextuality, essential for the aesthetics of post-postmodernism.

Keywords: compositional techniques, theatricality, psychological sketch, story-impression, plurality of self, intertextuality, Frederic Tuten.

For citation: Sokolova I.V., Shishkova I.A. Compositional techniques of post-postmodernism (on the material of modern American short fiction). *Vestnik of Kostroma State University* 2022, vol. 28, No. 4, pp. 47–53. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-47-53>

Проблема взаимоотношений автора и его героя/героев, степень зримого присутствия автора в повествовании всегда были в центре внимания критики и читательской аудитории. Не прошла мимо этой проблемы и современная литература, получившая разные терминологические обозначения в философии и литературоведении: постмодернизм, постпостмодернизм, метамодернизм, псевдомодернизм, «новая искренность» и др.

Представляется, что новые концепции построения художественного текста, а также попытки ответить на вопросы современности, связанные с “human condition” (человеческой природой/сутью человека), явственнее всего прослеживаются на примере малой прозы. В силу своей природы, краткости и динамичности рассказ способен уловить сиюминутное, лишь зарождающееся, отразить явление на стадии формирования.

Показательно в этом отношении суждение замечательного прозаика Уильяма Тревора (William Trevor), которого называют «ирландским Чеховым». Сравнивая роман и рассказ, он провел любопытную параллель: «Если роман похож на замысловатую картину эпохи Возрождения, то рассказ – это произведение импрессионизма. Он должен быть “вспышкой правды” (an explosion of truth). Его сила в деталях, как упомянутых в тексте, так и за его пределами. В рассказе все полно смысла, тогда как наша жизнь по большей части бессмысленна. Роман имитирует жизнь во всей ее противоречивости, а рассказ – суть, основа жизни, он не может бесцельно блуждать. Это основополагающее искусство» (курсив наш. – И. С., И. Ш.) [William Trevor].

Американская новеллистика XXI в. во многом соответствует определению Тревора. Современные авторы создают «вспышки правды», чаще всего нелюбимой, отходят от привычных канонов, изобретают новые приемы создания текста. С точки зрения организации нарратива представляется возможным разделить современную новеллу на две большие группы: театральное представление и психологический (часто «психопатический») портрет.

В этом разграничении нет ничего революционного: с появлением чеховского рассказа малая проза разделилась на занимательные, событийные рассказы и неприукрашенные срезы действительности / психологические этюды. Новизна современной американской новеллистики в том, что технические приемы организации текста доводятся порой до крайности,

утрируются. В рассказах первого плана (назовем их условно театрализованными) используются элементы сюрреализма, магического реализма, фэнтези, научной фантастики, даже абсурда. Так, в рассказе Эйми Бендер (Aimee Bender) «Помнить» (“Rememberer”, 1997) перед читателем выстраиваются необычные визуальные образы, возникает ассоциация с Францем Кафкой. Герой буквально проходит «эволюцию вспять»: превращается в подобие обезьяны, затем становится морской черепахой и, наконец, саламандрой. Причем эта метафора деградации рода человеческого преподносится вполне реалистично, создается атмосфера обыденности и легкой печали: возлюбленная держит «черепаху» в стеклянной форме для выпечки, заполненной солёной водой. Ее трогательная забота преподносится с оттенком мягкой иронии [Bender 1997].

Не менее рельефно проступают образы другого рассказа Бендер «Девушка в огнеопасной юбке» (“The Girl in the Flammable Skirt”, 1998): это и неподъемный рюкзак, наполненный камнями, который по настоянию отца должна носить в школу героиня; и ее друг, которого, спасая от родителей-алкоголиков, она селит в кладовке своего дома; и сцена забывшейся в танце девушки, не замечающей, что ее юбка охвачена пламенем. Рассказ нарочито сориентирован на эпатаж читателя, создание у него необыкновенного впечатления. Картины на грани абсурда, утрированные приемы построения фабулы в произведениях Бендер призваны подчеркнуть неустроенность, даже трагизм существования [Bender 2004].

Ярким примером театрализованного нарратива стала антология под редакцией Кейт Бернхаймер (Kate Bernheimer) с несколько шокирующим названием «Моя мать меня убила, а отец и вовсе съел» (“My Mother She Killed Me, My Father He Ate Me”, 2010), собравшая 40 рассказов-мифов, обыгрывающих сюжеты известных детских сказок. Многие из них напоминают кукольный театр со схематичными фигурами-силуэтами, как и сказки (fairy tales) самой Бернхаймер в сборнике «Лошадка, цветок, птичка» (“Horse, Flower, Bird”, 2010), в которых кукла заменяет девочке семью, друзей, вообще человеческое общение; мать семейства тайно держит в подвале зверинец; дочь рыбка находит родную душу в луковице тюльпана; а танцовщица ночного клуба живет в клетке, отождествляя себя с птицей [Bernheimer].

Не менее изобретательно применяет элемент игры и кукольной постановки и Аллегра Гудман (Allegra

Goodman) в рассказе «Новая жизнь» (“La Vita Nuova”, 2011). Чтобы выйти из психологического кризиса, забыть измену и предательство, героиня буквально возвращается в детство – нанимается няней к шестилетнему ребенку и самозабвенно погружается в мир мальчишеских игр. Однако этого оказывается недостаточно. Ей необходима профессиональная помощь. Забавно, что «психотерапевтом» в рассказе выступает матрешка (Russian doll). Героиня приобретает комплекты кукол и, будучи художницей по профессии, многократно разрисовывает их, разыгрывая сцены как грустные и унижительные из недавнего прошлого, так и более радужные из воображаемого будущего. Это театральное действие становится для нее выходом в la vita nuova (новую жизнь) [Goodman].

Подобные композиционные уловки заставляют согласиться с мнением критика: «Новелла – жанр парадоксальный, нередко основанный на совмещении несовместимого в одном сюжете: исключительного и обычного, реального и вымышленного, непосредственности и искусственности, и потому она обычно оживает и плодоносит в переходные эпохи» [Балдицын].

В рассказах второго типа (психологический портрет) перед читателем предстает бессобытийная канва, состоящая из перемежающихся внутренних монологов, потоков сознания и несобственно-прямой речи. Образец такого повествования – рассказ-исповедь С. Диксона (S. Dickson) «В пути» (“Down the Road”, 2004). Так до конца и не ясно, что это: разговор с мертвой/умирающей возлюбленной, самообман или бред человека на грани помешательства/смерти. Никаких бытовых деталей, лишь монолог (soliloquy) бесконечно одинокого, страдающего человека. Можно сказать, что автор создает *антиновеллу*: рассказ-зарисовку, впечатление, чувство, воображаемый разговор [Соколова].

Другим примером психологического этюда может служить рассказ канадской писательницы Алисии Эллиотт (Alicia Elliott) «Раскопки», (“Unearth”, 2020). Внутренний монолог, перемежающийся с обрывками смутных воспоминаний из детства, заставляет героиню из индейского племени пересмотреть свою жизнь, настоящую и прошлую, обратиться к истории своего народа и увидеть ее в новом ракурсе [Elliott].

Некоторые авторы, впрочем, объединяют выше-названные подходы и создают произведения неоднозначные по композиционному решению. В рассказе Джорджа Сондерса (George Saunders) «Десятое декабря» (“Tenth of December”, 2013), опубликованном в одноименном сборнике, переплетаются потоки сознания, диалоги и несобственно-прямая речь. При этом один из героев – подросток, живущий в вымышленном игровом мире, а второй – галлюцинирующий самоубийца. Прямая речь в тексте не выде-

лена, и разобраться, кому принадлежат хаотичные мысли и потоки слов, – задача не из легких. Однако, к изумлению даже опытного читателя, вся эта какофония в финале обретает смысл. Главное в рассказе – элемент игры: мальчик придумывает инопланетных человечков, спасает якобы похищенную одноклассницу, а автор играет с читателем. Неслучайно имя мальчика – Робин, явная ассоциация с героем английских баллад Робинот Гудом. Таким образом, текст, складываясь наподобие мозаики, обретает логичную композицию. Мнимое сумбурное повествование выстраивается в череду постановочных действий, театральное представление, где каждому актеру предписана четкая роль [Saunders].

Насколько очевидна роль автора в современном нарративе в целом, каким предстает он перед читателем? На этот вопрос дает подробный ответ выдающийся английский писатель и литературный критик Джулиан Барнс (Julian Barnes): «Писатели варьируются по разным аспектам. По стилю: диапазон очень широк – от самолюбования («я» центр Вселенной, и каждая фраза сверкает, как витиеватая монограмма); до тех, кто «невидим», действует осмотрительно, тихо и с осторожностью. По силе/степени авторского вмешательства: должны ли персонажи ожидать, что их «выпорют, как галерных рабов», как экстравагантно выразился Набоков, или что ими будут управлять сочувственно и внесут в их действия жизнеподобие» [Barnes].

Очевидно, что американская новелла отвергает самолюбование всемогущего автора и его откровенное вмешательство в действие (последний невидим и тонет в повествовании). Иногда, как в случае с известным американским постпостмодернистом Д.Ф. Уоллесом (D.F. Wallace), искусственно снимается ответственность за происходящее, и вымысел «прячется» за псевдодокументальностью, за многочисленными претендующими на научность сносками.

В этом смысле Уоллес следует постулатам французского философа Ролана Барта, изложенным в эссе «Смерть автора» (1967). После «рождения» текст приобретает полную автономность, начинает жить своей жизнью, а «миссия художника сводится к виртуозному жонглированию чужими текстами, к их бесконечному обыгрыванию». Барт даже отказался от классического обозначения «автор», предпочел тому термин «скриптор», то есть некто, напоминающий по функциям записывающее устройство [Шильке].

Примером читательской «самостоятельности» может служить рассказ Уильяма Гея (William Gay) «Обойщик» (“Paperhanger”, 2004), центральный персонаж которого напрямую обращается к читателю, предлагая тому решить, какие действия он совершал и можно ли найти им оправдание.

Однако не все критики были так «экстремальны» в определении роли автора в создании и продвижении текста, как Р. Барт. Французский постструктуралист Мишель Фуко (Michel Foucault), полемизируя с Р. Бартом, утверждал, что автор «не умер», хотя и признавал, что это может произойти в будущем. Литературный дискурс не полностью утратил авторский голос, он лишь распался на множество составляющих, обозначив процесс эго-плюрализма (ego pluralism / plurality of self) [Foucault]. Таким образом, и автор, и его текст имеют несколько сущностей, которые полемизируют или гармонично сосуществуют.

Неоднозначная формула Р. Барта о «смерти автора» повлекла за собой дискуссии и противоречивые оценки. Французская писательница и критик постструктуралистка Элен Сиксу (Hélène Cixous) пошла по стопам своего предшественника и провозгласила в современной литературе «смерть героя». Она утверждает, что читатель сегодня не видит персонажа, с которым мог бы себя идентифицировать. Ей вторит американский критик Бриан Филлипс (Brian Phillips): «В произведениях современных авторов не с кем говорить, не с кем почувствовать общность. Читатель не склонен погружаться в мир, где отсутствуют зеркала» [Phillips]. Буквальной иллюстрацией к этому высказыванию может служить рассказ Деборы Айзенберг (Deborah Eisenberg) «Не с кем поговорить» (“Someone to Talk to”, 2004), посвященный полной психологической изоляции, состоянию безысходного одиночества. Абсурд заключается в том, что единственным собеседником персонажа, журналиста по профессии, становится радио, предмет как бы приобретает одушевленность.

Героя в полном смысле этого слова в рассказе XXI в., действительно, не найти, довольно трудно встретить и пример для подражания. В этой связи показательным высказывание У. Тревора, утверждавшего, что для него «негероическая сторона жизни людей гораздо богаче и интереснее, чем их явный, бесспорный успех» [William Trevor]. Но многие сегодняшние прозаики идут дальше: незначительный “unheroic hero” превращается в «проблемного» героя, асоциальную или даже маргинальную личность, «деформированную сущность» – или в фигуру сюрреалистическую, плод богатого, возможно, больного воображения. Такими персонажи представителей американской «южной готики», Уильяма Гэя и Марка Ричарда (Mark Richard).

Если прежде герой совершал поступки (или преднамеренно бездействовал), то в современном рассказе он подчиняется каким-то неведомым силам, превращается в беспомощную жертву обстоятельств. Он не контролирует свою жизнь, и если в ней что-то происходит, то чаще всего неожиданно и для него, и для читателя, а иногда и автора. Современный рассказ не фиксирует важных моментов в становлении

и жизненном пути героя. В этом смысле читателя как бы приглашают к домысливанию, «сотворчеству». Конечно, это не новое явление в литературе: еще Э. Хемингуэй призывал оставлять на поверхности лишь самое необходимое – одну восьмую часть нарратива (знаменитая теория «айсберга», iceberg theory), однако очевидно, что в XXI в. этот принцип становится универсальным [Соколова, Шишкова].

Новый тип протагониста повлек за собой и новые методы характеристики: вслед за «многосущностным» автором (по концепции М. Фуко) появился и новый герой – неустоявшийся, противоречивый, на глазах формирующийся. Перед нами разноликая, изменчивая фигура. Читатель вновь вовлекается в творческий процесс, «дописывает» портрет персонажа, чему способствуют разбросанные по тексту подсказки – обрывки снов, диалогов, воспоминаний, мистификации, хитроумные трюки языкового плана (gimmickry). Герой превращается в условное «словесное творение» (word-being), изменчивое, иррациональное, непредсказуемое. Не случайно в современной критике вместо понятий «герой» или «характер» все чаще используются эвфемизмы: «субъект», «фигура», «шифр», «этюд/зарисовка» (“subjectivities”, “figure”, “cipher”, “cartoon”) [Fokkema].

Перед нами довольно необычное явление: в новеллистике XXI в. рождается эклектичный образ – сливаются воедино персонаж, автор и читатель, их не всегда можно отделить друг от друга.

Примечательным явлением в современной американской малой прозе стал сборник патриарха американской литературы Фредерика Тутена (Frederic Tuten) «Автопортреты: фантазии/небылицы» (“Self-Portraits: Fictions”, 2010). На примере этих рассказов явно прослеживаются современные композиционные приемы, трансформации героя и автора.

Заглавие сборника подчеркивает его многоплановость и в какой-то степени эклектичный характер. Перед нами нарочито условное сочетание реального и воображаемого. Как признался автор в одном из интервью, он ставил своеобразный эксперимент: «...Сделать что-то совершенно отличное от всего, чем до сих пор жил и что знал или предполагал, что знаю». При этом, продолжает Тутен, он хотел передать весь свой эмоциональный заряд, выплеснуть на страницы цикла неугасающие страсти и надежды, буквально «сгореть/воспламениться» (to burn on the page), повествуя о прожитом [Encyclopedia].

Автор появляется в разных уголках Земли и в самых причудливых ролях: как герой, свидетель, художник и даже призрак, таким образом создавая автобиографию воображения. Очевидно, что в сборнике автопортретов он выступает не как «скриптор» (термин Р. Барта), а, скорее, как многосущностное «я» (термин М. Фуко).

Автор виртуозно использует импрессионистический характер малой прозы: одним мазком/приемом соединить прошлое и будущее, то есть через блики воспоминаний, бессвязные картины, видения или даже галлюцинации персонажа представить процесс становления личности, ее трансформации, а иногда и распада. Эффект галлюцинации, ретроспекции (флешбеки) прозаики применяли и прежде, скажем Э.А. По или Ф. О' Коннор, однако в сборнике автопортретов Тутена этот прием приобретает всеобъемлющий характер.

Постановочный элемент повествования очевиден: Тутен создает гротескные визуальные образы. Так, Смерть появляется в виде добродушного официанта в кафе напротив Метрополитен-музея; говорящие цирковые слоны утешают директора манежа, который страдает от безответной любви, а он в свою очередь читает медведям лекцию по истории искусств.

Уже в первом рассказе «Путешественники» (“*Voyagers*”) Тутен создает картину одновременно реалистическую и иллюзорную. Перечисляя реки, по которым приходилось плыть его герою, автор начинает с хорошо известных названий и плавно переходит к вымышленным: «Мне приходилось на плотках спускаться по самым разным рекам: Миссисипи, Амазонке, Янцзы... *Реке Веселия, Разочарованной и Печали*» (курсив наш. – *И. С., И. Ш.*) [Tuten 2010a]. В оригинале текст ритмичен и отличается музыкальностью, а фабуляция, «двуплановые» топонимы, превращаясь в компонент художественного произведения, создают особую атмосферу условности, отказа от «жизнеподобия».

Самый любопытный рассказ сборника – «Автопортрет на фоне цирка» (“*Self Portrait with Circus*”) – буквально балансирует на грани абсурда. Перед нами зашифрованный мир, сюрреалистический «автопортрет»: мистификация, загадочность, псевдобиографичность [Tuten 2010b].

Этот рассказ наводит на размышления о взаимовлиянии культур, о переключке сюжетов и тем в разных национальных литературах. Дело в том, что «Автопортрет на фоне цирка» обращает нас к 4-актной пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощёчины», написанной в 1915 г. Пьеса, получившая довольно неоднозначную оценку критики в России, имела ошеломляющий успех в США. Очевидно, сыграла роль необычность этой драмы-маскарада, где маска каждого буквально срослась с кожей.

При чтении рассказа Тутена обнаруживаешь немало аналогий с пьесой русского драматурга. Это касается и сюжета, и обрисовки характеров. Если в рассказе Тутена действует очаровательная Мари (Marie), то ее прообраз в пьесе Л. Андреева – Консуэлла, к которой в цирке равнодушны все. Не становится исключением и Тот (англ. He), он так же меланхо-

личен, настойчив и безнадежно влюблен. В обоих произведениях полноправными персонажами становятся животные, которые, несомненно, превосходят по моральным качествам и интеллекту представителей рода человеческого. Пожалуй, единственное сюжетное отличие произведений – финальные сцены. В «Автопортрете» нейтральная развязка, что снижает пафос повествования, тогда как в пьесе Л. Андреева действие заканчивается трагически.

Как мы видим, сходство двух произведений несомненно: общность сюжета, композиции, характеров, даже атмосферы. Перед нами наглядный пример интертекстуальности. «Прецедентная» пьеса послужила американскому автору «строительным материалом» для создания нового мира, в котором переплетаются и переосмысливаются настоящее и прошлое и перестает действовать здравый смысл. Текст этого автопортрета превращается в абстрактное многомерное полотно (в отличие от импрессионистического, о котором говорил Тревор) или причудливый ковер, сотканный из правдоподобных и фантастических событий, которые фиксирует постоянно меняющийся маски рассказчик.

Повествование Тутена наполнено мягкой иронией. Поскольку самыми мудрыми и «человечными» в рассказе выступают животные, уже не представляется комичным обращенный к читателю риторический вопрос: «Кто хоть раз в жизни не мечтал быть слонем? (Who hasn't ever dreamed being an elephant?)». Таким образом Тутен как бы развивает знаменитую фразу Шекспира «весь мир – театр», подводя читателя к заключению: «весь мир – лишь цирк».

Цикл рассказов Тутена, как и другие упомянутые выше произведения малой прозы, демонстрируют движение к абстракции, гиперболизации, обращение к абсурду как неотъемлемой части развития ситуации. Налицо расслоение авторского «я», его распад на множество составляющих, необходимость читательского домысливания. Соотношение автор – героиня – читатель – постоянно меняющаяся сущность, от которой зависит вся конструкция, будь то выверенное сценическое действие или психологический этюд с размытыми контурами и «фигурами» вместо традиционных героев.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что современный американский рассказ XXI в. значительно отличается от своих предшественников XX и XIX вв., а его авторы, как заметил Б.М. Эйхенбаум о рассказах молодого Л.Н. Толстого, находятся в «периоде созревания, периоде искания новых форм» [Эйхенбаум].

Примечания

¹ В представленной статье цитаты зарубежных авторов приводятся в переводе И.В. Соколовой.

Список литературы

Балдицын П.В. Развитие американской новеллы. О'Генри. История литературы США. Т. 5. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-5/baldicyн-o-genri-1.htm> (дата обращения: 05.09.2022).

Соколова И.В. Американский рассказ XXI века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-rasskaz-xxi-veka> (дата обращения: 04.09.2022).

Соколова И.В., Шишкова И.А. Герой современной американской новеллистики. Сер.: Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021 (ноябрь). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-sovremennoy-amerikanskoj-novellistiki> (дата обращения: 05.09.2022).

Шильке В. «Теории»: А был ли автор? Концепция «смерти автора». 2016. URL: <https://concepture.club/post/obrazovanie/a-byli-li-avtor-konceptija-smerti-avtora> (дата обращения: 05.09.2022).

Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. URL: <https://needlewoman.ru/skazki/eyhenbaum-o-rasskaze-tolstogo-kavkazskiy-plennik-statya.html> (дата обращения: 05.09.2022).

Barnes J. Julian Barnes on William Trevor's final stories – a master of the short form, Saturday 19 May 2018. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/may/19/last-stories-william-trevor-review-julian-barnes> (access date: 05.09.2022).

Bender A. The Rememberer. URL: <https://www.missouriireview.com/article/the-rememberer> (access date: 18.09.2022).

Bender A. The Girl in the Flammable Skirt. The Anchor Book of New American Short Stories, ed. by Ben Marcus, Anchor Books, A Division of Random House, Inc. New York, 2004, pp. 87–94.

Bernheimer K. Horse, Flower, Bird. Minneapolis, Coffee House Press, 2010, 185 p.

Elliott A. Unearth. The Best American Short Stories. Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt, 2020, pp. 76–83.

Encyclopedia.com. Tuten, Frederic, 1936. URL: <https://www.encyclopedia.com/arts/educational-magazines/tuten-frederic-1936> (access date: 04.09.2022).

Fokkema D. The Semiotics of Literary Postmodernism. International Postmodernism: Theory and Literary Practice, ed. by Hans Bertens and Douwe Fokkema. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, 1997, pp. 15–42.

Foucault M. “What is an author?” Essay, 1969. URL: <https://wiki.brown.edu/confluence/download/attachments/74858352/FoucaultWhatIsAnAuthor.pdf> (access date: 05.09.2022).

Goodman A. La Vita Nuova. The Best American Short Stories, ed. by Heidi Pitlor. Boston, Massachusetts, 2011, pp. 87–96.

Phillips B. Character in Contemporary Fiction. The Hudson Review, 56, 4, 2004, pp. 629–642.

Saunders G. “Tenth of December.” Tenth of December. New York, Random House, 2013, 272 p.

Tuten F. Voyagers. Self-Portraits: Fictions. New York, W.W. Norton & Co. 2010a. URL: <https://www.kobo.com/ww/en/ebook/self-portraits-fictions> (access date: 05.09.2022).

Tuten F. Self Portrait with Circus. Self-Portraits: Fictions. New York, W.W. Norton & Co, 2010b. URL: <https://www.kobo.com/ww/en/ebook/self-portraits-fictions> (access date: 07.09.2022).

William Trevor. Interviewed by Mira Stout. The Art of Fiction, No. 108, 2013. URL: <https://www.walesartsreview.org/a-portrait-of-that-lonely-woman-william-trevors-the-ballroom-of-romance/> (date of access: 05.09.2022).

References

Baldicyн P.V. *Razvitie amerikanskoj novelly. O'Henry* [The Development of the American Novella. O. Henry]. *Istorija literatury SShA* [US Literary History], vol. 5. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-5/baldicyн-o-genri-1.htm> (access date: 05.09.2022). (In Russ.)

Eikhbaum B.M. *Molodoj Tolstoj* [Young Tolstoy]. URL: <https://needlewoman.ru/skazki/eyhenbaum-o-rasskaze-tolstogo-kavkazskiy-plennik-statya.html> (access date: 05.09.2022). (In Russ.)

Shil'ke V. «Teorii»: A byl li avtor? *Konceptija «smerti avtora»* [“Theories”: Was there an Author? The Concept of “the Author’s Death”], 2016. URL: <https://concepture.club/post/obrazovanie/a-byli-li-avtor-konceptija-smerti-avtora> (access date: 05.09.2022). (In Russ.)

Sokolova I.V. *Amerikanskiy rasskaz XXI veka* [The American Short Story of the 21st Century]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-rasskaz-xxi-veka> (access date: 04.09.2022). (In Russ.)

Sokolova I.V., Shishkova I.A. *Geroj sovremennoj amerikanskoj novellistiki* [The Hero of the Modern American Novel]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, nojabr' 2021* [Philological Sciences. Issues of theory and practice, November 2021]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geroy-sovremennoy-amerikanskoj-novellistiki> (access date: 05.09.2022). (In Russ.)

Barnes J. Julian Barnes on William Trevor's final stories – a master of the short form, Saturday 19 May 2018. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/may/19/last-stories-william-trevor-review-julian-barnes> (access date: 05.09.2022). (In Eng.)

Bender A. The Rememberer. URL: <https://www.missouriireview.com/article/the-rememberer> (access date: 18.09.2022). (In Eng.)

Bender A. The Girl in the Flammable Skirt. The Anchor Book of New American Short Stories, ed. by Ben Marcus, Anchor Books, A Division of Random House, Inc. New York, 2004, pp. 87–94. (In Eng.)

Bernheimer K. Horse, Flower, Bird. Minneapolis, Coffee House Press, 2010, 185 p. (In Eng.)

Elliott A. Unearth. The Best American Short Stories. Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt, 2020, pp. 76–83. (In Eng.)

Encyclopedia.com. Tuten, Frederic, 1936. URL: <https://www.encyclopedia.com/arts/educational-magazines/tuten-frederic-1936> (access date: 04.09.2022). (In Eng.)

Fokkema D. The Semiotics of Literary Postmodernism. International Postmodernism: Theory and Literary Practice, ed. by Hans Bertens and Douwe Fokkema. Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, 1997, pp. 15-42. (In Eng.)

Foucault M. "What is an author?" Essay, 1969. URL: <https://wiki.brown.edu/confluence/download/attachments/74858352/FoucaultWhatIsAnAuthor.pdf> (access date: 05.09.2022). (In Eng.)

Goodman A. La Vita Nuova. The Best American Short Stories, ed. by Heidi Pitlor. Boston, Massachusetts, 2011, pp. 87–96. (In Eng.)

Phillips B. Character in Contemporary Fiction. The Hudson Review, 56, 4, 2004, pp. 629-642. (In Eng.)

Saunders G. "Tenth of December." Tenth of December. New York, Random House, 2013, 272 p. (In Eng.)

Tuten F. Voyagers. Self-Portraits: Fictions. New York, W.W. Norton & Co. 2010a. URL: <https://www.kobo.com/ww/en/ebook/self-portraits-fictions> (access date: 05.09.2022). (In Eng.)

Tuten F. Self Portrait with Circus. Self-Portraits: Fictions. New York, W.W. Norton & Co, 2010b. URL: <https://www.kobo.com/ww/en/ebook/self-portraits-fictions> (access date: 07.09.2022). (In Eng.)

William Trevor. Interviewed by Mira Stout. The Art of Fiction, No. 108, 2013. URL: <https://www.walesartsreview.org/a-portrait-of-that-lonely-woman-william-trevors-the-ballroom-of-romance/> (date of access: 05.09.2022). (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 24.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 24.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.

ПОЭТИКА ЖИВОПИСНОГО ЭКФРАСИСА В ЛИРИКЕ СЕРГЕЯ ГАНДЛЕВСКОГО

Бокарев Алексей Сергеевич, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Кораблева Алена Владимировна, магистрант второго года обучения, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, korableva.alena.98@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4316-2240>

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению функционирования в поэтике С. Гандлевского экфрасиса, трактуемого как тип авторефлексивного текста, основанный на интерпретации произведений искусства невербальной природы. Значимое место среди медиа, к которым регулярно обращается автор, принадлежит живописи: в его стихах частотны как упоминания художников (В. Ван Гога, К. Коро, К. Брюллова, И. Репина, В. Сурикова), так и отсылки к известным полотнам («Бурлакам на Волге», «Оленьей охоте», «Охотникам на снегу», «Святой Инессе», «Спальне в Арле» и т. д.). Живописный экфрасис при этом выстраивается как интермедийный палимпсест, возникающий в результате «наслоения» вербальных и визуальных цитаций: реальность предстает как существующая до творческого акта «картина», «поверх» которой пишется стихотворение. Закономерно, что повышенное внимание к «чужому» (слову, образам, сюжетам) актуализирует метапоэтическую функцию экфрасиса: он не только обнажает вторичность эмпирической реальности по отношению к искусству, но и «высвечивает» способность последнего противостоять времени. Выступая инструментом самоидентификации героя, экфрасис выдвигает на передний план фигуру «другого», служащего той «точкой отсчета», с опорой на которую (или в отталкивании от которой) протагонист оценивает себя и свой опыт. Таким образом, живописный экфрасис в лирике Гандлевского репрезентирует проблематику, обусловленную корреляцией реальности и вымысла, времени и вечности, жизни и смерти, участвуя тем самым в авторской ревизии познавательных возможностей человека.

Ключевые слова: С. Гандлевский, интермедийность, экфрасис, интертекстуальность, метапоэтика, субъектная структура, диалогические отношения в лирике.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта в форме субсидии из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ, в рамках государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

Для цитирования: Бокарев А.С., Кораблева А.В. Поэтика живописного экфрасиса в лирике Сергея Гандлевского // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 54–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-54-62>

Research Article

POETICS OF EKPHRISIS OF PAINTINGS IN LYRIC POETRY BY SERGEY GANDLEVSKIY

Aleksei S. Bokarev, Doctor of Philological Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Alena V. Korableva, 2nd year master's student, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, korableva.alena.98@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4316-2240>

Abstract. The article considers the functioning of ekphrasis, which is understood as a kind of self-reflexive text based on interpreting non-verbal works of art, in poetry by Sergey Gandlevskiy. Painting plays a significant part among the media the author refers to: in his poems, frequent are both mentions of artists (Vincent Willem van Gogh, Jean-Baptiste-Camille Corot, Karl Bryullov, Ilya Repin, Vasily Surikov) and references to well-known paintings (*Barge Haulers on the Volga*, *Stag Hunt*, *The Hunters in the Snow*, *Saint Agnes*, *Bedroom in Arles*, etc.). The ekphrasis is built as an inter-media palimpsest resulting from “layering” of verbal and visual quotations: reality is represented as a “picture” that existed before the creative act, “on top” of which a poem is being written. It is natural that an increased focus on the “alien’s” (word, images, scenes) actualises the meta-poetic function of ekphrasis – it not just reveals the fact that empirical reality is secondary to art, but also “highlights” the ability of

the latter to resist the course of time. As a tool for the hero's self-identification, ekphrasis brings to the fore the figure of an "alien", serving as a "reference point", relying on (or building on) which the protagonist evaluates himself and his experience. Thus, the ekphrasis in Sergey Gandlevskiy's lyrics represents the meanings related to the problems of reality and fiction, time and eternity, life and death, thereby contributing to the author's revision of human cognitive abilities.

Keywords: Sergey Gandlevskiy, intermediality, ekphrasis, intertextuality, metapoetics, subject structure, dialogical relations in lyric poetry.

Acknowledgments. The study was carried out at the expense of a grant in the form of a subsidy from the federal budget to educational organisations of higher education for the implementation of activities aimed at supporting student scientific communities within the framework of the state programme of the Russian Federation "Scientific and technological development of the Russian Federation".

For citation: Bokarev A.S., Korableva A.V. Poetics of ekphrasis of paintings in lyric poetry by Sergey Gandlevskiy. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 54–62 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-54-62>

Художественный процесс второй половины XX – начала XXI в. отличается высокой степенью включенности литературных произведений в национальный и мировой культурные контексты, что проявляется в обилии интертекстуальных и интермедиальных отсылок. Апелляция авторов к живописи, театру, кино и т. д. расширяет семантический потенциал текста, вовлекая его в диалог с разнообразными артефактами культуры. В науке подобная обращенность писателей к несловесным продуктам творческой деятельности фиксируется термином «интермедиальность», понимаемым как тип внутритекстовых связей, основанный на взаимодействии языков разных видов искусства [Тишунина: 101].

Обособление интермедиальности в качестве самостоятельной сферы исследований завершилось в 1980–90-е гг., однако термин, означающий взаимодействие искусств в пределах одного семантического поля, существовал ещё в Древней Греции и именовался «экфрасисом». В литературоведческих работах последних лет данный термин толкуется двояко: в широком смысле – как всякое воспроизведение одного искусства средствами другого, и в узком – как риторическая фигура, основанная на описании визуального произведения, «встроенном» в какой-либо жанр [Ситникова: 12]. Поскольку в первом значении «экфрасис» синонимичен «интермедиальности» и отличается от нее лишь исторической памятью, в настоящем исследовании мы придерживаемся второго значения (с поправкой на то, что объектом экфрасиса может быть любой творческий продукт невербальной природы), разумея под ним способ интермедиального взаимодействия, реализованный и как «текст в тексте», и как «экфрастический жест» (отсылка к произведению другого искусства), и как отдельное высказывание, посвященное «описанию артефакта» [Автухович: 6]. В случаях «пересечения» литературы и смежных искусств на уровне художественных приемов, композиции, в плане субъектно-речевой организации и т. д. используется термин «интермедиальность».

Общим местом в теории экфрасиса стало представление о двух авторских интенциях, стимулирующих его возникновение: репродукции артефакта, с одной стороны, и рефлексии по поводу этого артефакта – с другой. Можно согласиться с Б.П. Ивановым в том, что репродукция, являющаяся «объектной основой» образа, выступает и «тематической грунтовкой» рефлексии, однако выведение из зоны рассмотрения «сугубо рефлексивных» текстов [Иванюк: 394] все же чересчур радикально. По мнению А.А. Житенева, первичной для экфрасиса является ситуация не воспроизведения, но рецепции как интерпретации, выдвигающая на передний план фигуру субъекта, вступающего в отношения с «другим» – чужим по отношению к его собственному сознанием. Закономерно, что в культурном поле «другого» могут оказаться самые разные феномены, «инаковые» по отношению к слову, – но отнюдь не обязательно визуальные [Житенев: 32]. Рассмотрением экфрасиса как системы когнитивных операций объясняются его ключевые особенности: нетождественность экфрастического образа объекту воспроизведения, одни признаки которого опускаются, а другие, наоборот, «высвечиваются»; разнящаяся мера конкретизации и детализации этого объекта; многообразие медиа, демонстрирующее авторские предпочтения, – и их совмещение в пределах одного текста, приводящее к возникновению «сложного» экфрасиса [Житенев: 32–33]. Обрисованные таким образом качества экфрастического текста зачастую и являются предметом интереса исследователей; их анализу в лирике современного поэта Сергея Гандлевского посвящена и настоящая работа.

Среди искусств, к которым регулярно обращается автор (а перечень их широк и включает театр, фотографию, кино, музыку и т. д.), значимое место принадлежит живописи. В стихах поэта частотны упоминания художников (В. Ван Гога, К. Коро, К. Брюллова, И. Репина, В. Сурикова) и отсылки к известным полотнам («Бурлакам на Волге», «Оленьей охоте», «Охотникам на снегу», «Святой Инессе», «Спальне в Арле», «Переходу Суворова через Альпы», «Последнему дню

Помпеи»). В поле зрения лирического субъекта попадают атрибуты занятий живописью (ватман, этюдник, тушь), а эмпирический мир неизменно увиден в оптической «рамке»: отсюда сравнение природы с натурщицей в одном из стихотворений или заглавие микроцикла – «Портрет художника в отрочестве» (отсылающее, впрочем, и к литературному источнику – роману Дж. Джойса «Портрет художника в юности»). До сих пор в научно-критической литературе о С. Гандлевском речь шла исключительно о брейгелевских сюжетах, действительно широко востребованных автором; вместе с тем апелляциями к творчеству нидерландского живописца экфрасисы в его стихах отнюдь не исчерпываются.

Впервые целенаправленному анализу они подверглись в статье Г. Шульпякова «Сюжет Питера Брейгеля»: критик указывает на неоднократное воспроизведение поэтом образного ряда «Охотников на снегу», однако не останавливается на интерпретации конкретных текстов, ограничиваясь общими суждениями о работе автора с метрическими схемами, хронопом, жанрами, а также зимним – «брейгелевским» – пейзажем [Шульпяков]. В исследованиях Г. Киришбаума и И.В. Романовой интермедийные связи стихотворений Гандлевского с картиной изучаются уже более детально: выделяются семантические доминанты «брейгелевской» сюжетики (меланхоличность, мнемопоэтичность, авторефлексивность) [Киришбаум] и делается вывод о том, что полотно «играет роль некоего архетипа», который автор осознанно или бессознательно «повторяет в своей жизни» [Романова: 257]. Обзор этих немногочисленных источников показывает, что дальнейшее изучение экфрасиса в лирике Гандлевского должно идти по пути расширения материала и концептуализации суждений: именно накопление частных наблюдений (а их пока явно недостаточно) позволит обнаружить инвариантные в творчестве поэта особенности экфрасического описания (очевидно, что работа в этом направлении даже не начиналась). Задача настоящей статьи как раз и состоит в выявлении таких особенностей на основании анализа целого ряда текстов, в избранном ракурсе прежде не исследованных.

Экфрасис как интермедийный палимпсест

Выше уже шла речь о том, что лирика Гандлевского отличается особым характером визуализации реальности, изображенной как существующая до творческого акта «картина», «поверх» которой пишется стихотворение. Подобное явление соотносимо с литературоведческими представлениями о палимпсесте – тексте, созданном на основе готового произведения и вобравшем в себя важнейшие его приметы [Пьеге-Гро: 164–165]. Специфика интермедийного палимпсеста состоит в обращенности литературы к артефактам иных по отношению к словесному искусству, позволяющей

автору расширить контекст произведения, увеличить его смысловой объем, вписав в рамки традиции, а также выразить отношение к культурному пространству, в котором существует лирический субъект.

В качестве интермедийного палимпсеста в лирике Гандлевского прочитывается стихотворение «Лунный налет – посмотри вокруг...», уже с первых строк задающее тему «действительность – репродукция действительности»: «Азия вдруг / Этикеткой чайной, переводной / Картинкою всплывает со дна / Блюдца» [Гандлевский 2019: 52]. Сугубо экфрасическое, на первый взгляд, описание, отсылающее к стандартным пейзажам, размещенным на чайной упаковке или декали, оказывается полигенетическим, вызывая в памяти сходный по проблематике и образному строю текст М. Кузмина «Фузий в блюдечке»: «Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий, / На желтом небе золотой вулкан. / Как блюдечко природу странно узит! / Но новый трепет мелкой рябью дан» [Кузмин: 418]. Стихи же Кузмина, в свою очередь, соотносятся с работами К. Хокуса, посвятившего более ста полотен видам на гору Фудзияма, и трактуются как «программное оформление принципа “двойного отражения”», как эстетизация природы через культуру с приоритетным вниманием к живописи и рисунку [Цивьян: 43]. Иными словами, стихотворение Гандлевского апеллирует не столько к эмпирической реальности, сколько к ее живописным и литературным «репродукциям» (отметим также аллюзии на «Книгу тысячи и одной ночи» и сказку О. Уайльда «Соловей и роза»).

Сходный случай – стихотворение «Поездка: автобус, безбожно кренясь...», с той разницей, что объектом экфрасиса становится уже конкретный артефакт: «Встречь ветру прохажая тащит ведро / Брусники и всякую всячину в торбе. / Есть сходство с известной картиной Коро, / Но больше знакомых деталей и скорби» [Гандлевский 2019: 115]. «Порыв ветра» К. Коро представляет собой уникальное в творчестве художника произведение – типичное для его полотен настроение безмятежности и спокойствия сменяется тревогой: сильнейший ветер готов сбить женщину с ног и мешает ей двигаться дальше. Нетрудно заметить, что тем же мотивом преодоления пути организовано и стихотворение Гандлевского: лирический субъект совершает поездку в автобусе, причем инициатива путешествия принадлежит явно не ему – он не знает ни начальной, ни конечной точки маршрута. Наречие «здесь» фиксируется место действия – «непарадная» (вероятно, провинциальная) Россия, поэтому попутчики протагониста если не «навеселе», то «с похмелья», у подростков – «острожная улыбка», а к лобовому стеклу приклеен портрет Натальи Гундаревой, секс-символа позднесоветской эпохи. По мере разворачивания сюжета становится ясно, что от увиден-

ной таким образом России герой неотделим – и вместе с ней движется навстречу апокалипсису, ср.: «Все это, родное само по себе, / Тем втрое родней, что озвучено соло / На третьей, обещанной грозной трубе, / Той самой. И снова деревни и села. / И надо б, как сказано, в горы бежать, / Коль скоро вода от полни прогоркла» [Гандлевский 2019: 115] – «10. Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. 11. Имя сей звезде “полнь”; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8: 10–11). Романтический мотив беззащитности человека перед Вселенной, характерный для Коро, Гандлевским не просто поддерживается, но интенсифицируется благодаря евангельскому претексту. Тем самым утверждается как иллюзорность спасения, так и невозможность сойти с пути, даже если этот путь ведет к смерти. Визуальный код Коро, следовательно, встраивается в мотивную структуру стихотворения, тесно связывая реальность и ее экфрастический образ. При этом картина не только влияет на эмоциональное восприятие высказывания, но и визуализирует описываемый мир, определяя как его скудную хроматику (примечательно, что в самом тексте цветообозначения отсутствуют), так и – в некоторой степени – перспективу (преобладание в «пейзажной» части общего плана).

Разбор последнего стихотворения свидетельствует, что в поэтике Гандлевского интермедиаальный палимпсест предстает одним из способов историзации травмы – написания ее «истории», которая, становясь словесно выраженной, оказывается доступна чужому восприятию. Уже само построение стихотворений по принципу взаимного наложения разноприродных «цитаций» указывает на соотношенность личного опыта с опытом «другого» – и оборачивается проблематизацией границы между литературой и реальностью, а в экфрасисе актуализируется его метапоэтическая функция.

Экфрасис как средство

метапоэтической рефлексии

Согласно К.Э. Штайн, любая поэтическая система включает в себя размышления художника о творчестве в целом и о литературе в частности. Метапоэтикой как раз и принято называть рефлексию автора по поводу своего или чужого произведения, служащую самопознанию и принимающую вид «текста в тексте», который исследователю еще предстоит выделить, автономного высказывания или маргиналий – писем, заметок на полях и т. п. [Штайн, Петренко: 9–10]. Экфрасис является благодатной почвой для метапоэтического, поскольку неизбежно отсылает к произведениям других авторов, а также дает анализ изобразительных возможностей литера-

туры в сравнении с живописью, фотографией, кино и т. д. Становясь средством метапоэтической рефлексии в лирике Гандлевского, он, с одной стороны, обнажает вторичность эмпирической реальности по отношению к искусству, с другой – «высвечивает» способность последнего противостоять времени.

Так, стихотворение «Когда волнуется желтеющее пиво...» начинается лишь слегка измененной цитатой из М.Ю. Лермонтова, причем пафос текста-оригинала снимается заменой «нивы» на «пиво» – продукт, являющийся непосредственным результатом переработки пшеницы. Так уже с первой строки Гандлевским задается тема переосмысления классического наследия и необходимости существования поэта в постнеклассическую эпоху. Несмотря на изменение лексического состава, значимость лермонтовского высказывания не отменяется: лебеда, полынь и крапива, к «шуму» которых «прислушивается» субъект, связываются с нивой Лермонтова, а персональный опыт героя, таким образом, опосредуется чужим переживанием («Но шумом лебеды, полни и крапивы / Слух полон изнутри, и мысли в западне» [Гандлевский 2019: 49]). Закономерно, что невозможностью сугубо личного, свободного от акцентов и оценок «другого», познания мира мотивировано и то, что окружающее героя пространство видится сквозь призму уже существующих артефактов культуры. Строка «Вот белое окно, кровать и стул Ван Гога» интерпретируется как экфрастическое описание любой из трех картин художника, составивших серию «Спальня в Арле» и изображающих окно, кровать и стулья. Небольшое пространство комнаты корреспондирует с сосредоточенностью протагониста на собственных мыслях, а изображенные предметы быта приводят его к неутешительному итогу: «Причин для торжества сравнительно немного. / Категоричен быт и прост, как дважды два» [Гандлевский 2019: 49]. Иными словами, искусство в стихотворении органично вписывается в пространство обыденной жизни, и если Л. Геллер трактует экфрасис как выход «в иное» [Геллер: 154], то у Гандлевского творчество по отношению к жизни «иным» быть перестает.

Интерпретационно значимой особенностью серии «Спальня в Арле» является то, что Ван Гог запечатлевает на полотнах, развешенных по стенам, другие свои работы, тем самым превращая картину в подобие метатекста. «Автоцитацией» у художника создается иллюзия его присутствия в изображенном хронотопе, подчеркивается гемютность домашнего пространства; Гандлевскому же образ «вангоговского» «полотна-комнаты» служит эмблемой сознания творца, не способного освободиться от предназначенных представлений. Поэтому строка, следующая за упоминанием художника – «От-

крытая тетрадь: слова, слова, слова» [Гандлевский 2019: 49], – отсылает как минимум к двум каноническим текстам – «Гамлету» У. Шекспира и «Из Пиндемонти» А.С. Пушкина.

Шекспировским интертекстом поддерживается идея о том, что слова являются отражением не столько реальности, сколько других, уже кем-то произнесенных слов. А поскольку интермедийные связи образуют у автора единый смысловой ряд с интертекстуальными, то и визуальное искусство, и литература мыслятся равно непригодными для мимесиса. Кроме того, анализируемые произведения связывает мотив безумия – болезни, которую одинаково подозревали у Гамлета и у Ван Гога. Реальность, таким образом, сопротивляется фиксации в силу не только ограниченности инструментария художника, но и его неспособности адекватно воспринимать мир (он скомпрометирован собственным сознанием, зависимым от чужих нарративов). Пушкинский же реминисцентный слой выступает антитезой настоящему протагониста: принципиально свободный герой Пушкина является полной противоположностью лирическому субъекту Гандлевского, ср.: «Мне б летчиком летать и китобоем плавать, / А я по грудь в беде, обиде, лебедо...» [Гандлевский 2019: 49] – «По прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам...» [Пушкин: 584]. При этом несвобода у младшего поэта во многом объясняется именно невозможностью воспринять себя и мир вне существующего культурного опыта, о чем в приведенной цитате сигнализирует третий однородный член – лебеда, связанный, как уже отмечалось, с нивой Лермонтова (а заодно и с «лебедой» из одноименного рассказа В. Набокова). В финале стихотворения беспомощность в создании собственных смыслов выговаривается прямо, но опять-таки с помощью чужих слов – на сей раз мандельштамовских (см. стихотворение «Ласточка»): «Я снова позабыл, что я хотел сказать» [Гандлевский 2019: 49].

Что же касается Ван Гога, то упоминание о нем в пятом стихе подготовлено ближайшим контекстом, актуализирующим важную для художника библейскую проблематику. Сын пастора, проповедник и знаток Евангелия, Ван Гог известен как автор серии картин, изображающих пшеничные поля и земледельческий труд. Закономерно, что образ пшеницы связался в его сознании с идеей цикличности жизни, оправданности и продуманности Божественного порядка вещей. Акт сеяния (см. многочисленные картины, названные «Сеятель») также наделяется библейской семантикой, вызывая в памяти притчу Иисуса о сеятеле (Мф. 13: 3–23; Мк. 4: 3–20; Лк. 8: 5–15), интерпретируемой применительно к Гандлевскому как аллегория творчества, результат которого непредсказуем, а успех зависим от множества

факторов. Через посредство Ван Гога поэт не просто отсылает к Библии как к первой книге, первоисточнику любого заимствования, но и снимает пафос оригинала за счет нарочито обыденных сюжетных подробностей и «заземленной» поэтической лексики («Храни меня, Господь, в родительской квартире, / Пока не пробил час примерно наказать» [Гандлевский 2019: 49]). Тем самым метапоэтические проблемы, поднимаемые в стихотворении, переводятся в разряд вечных, а искусство, будучи вовлеченным в повседневность, сохраняет связь со своими авторитетными «образцами».

К теме «искусство и время» обращено и стихотворение «Обычно мне хватает трех ударов», описывающее опыт восприятия работы П. Брейгеля «Охотники на снегу». Принадлежностью картины к пейзажному циклу «Времена года» «подсказан» центральный у Гандлевского образ – повешенный на стене дачного дома календарь, репродукция классического полотна. Пришедший в негодность от сырости и солнечных лучей, уже через год он должен отправиться «на растопку» – чего, однако, не происходит именно в силу культурной значимости изображения. В финале же действие переносится в «две тысячи веселый», когда осматривающий музейную экспозицию «здешний внук» вдруг замечает уже знакомую ему картину. Изложенный сюжет, следовательно, не просто вписывает искусство в сферу обыденной жизни, но и делает его сосуществование с человеком постоянным и обязательным. Даже «обытовленные» своей утилитарной функцией, «Охотники на снегу» оцениваются как нечто сакральное, поэтому столкновение «внука» с реальной картиной приводит к едва ли не катарсическому эффекту, основанному на совмещении разных временных планов: «А старое приспособление для / учета дней себя еще покажет / и время уместит на острие / мгновения» [Гандлевский 2019: 180]. Календарь, утративший возможность служить по назначению, должен прочитываться как знак ушедшего прошлого, объективированное воплощение смерти; однако благодаря репродукции брейгелевской картины он (а вместе с ним и память о детстве) не уничтожается, а превращается в свою противоположность – символ победы над временем.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что экфрасис в лирике Гандлевского выявляет ключевую в его метапоэтике проблему – зыбкость границ реальности и искусства. Представления об эмпирическом мире оборачиваются репродукцией известных полотен, а лирический субъект, попавший в «западню» интертекста, лишается возможности генерировать незаемные смыслы. Искусство при этом трактуется как неотъемлемая часть жизни, наделенная способностью к «консервации» времени и амбивалентно совмещающая в себе мгновение и вечность.

«Я» и «другой»

в субъектной структуре экфрасиса

В специальной литературе субъект в стихах Гандлевского квалифицируется как лирический герой, наделенный устойчивыми чертами и являющийся носителем центральной точки зрения, определяющей авторскую художественную систему [Скворцов: 149–157]. Ощущением неаутентичности «я», чреватых самобичеванием и брезгливостью, объясняется востребованность у поэта косвенных форм высказывания, при которых говорящий смотрит на себя со стороны – как на «ты», «он», неопределенное лицо, выраженное инфинитивом, отделенные от него состояния или субституты и т. д. [Бройтман: 85–86]. Использование экфрасиса в субъектной структуре текста позволяет Гандлевскому не просто увидеть героя в качестве «другого», но и включить его в ряд определенного типа персонажей, уже отрефлектированных в культуре. Путем соотношения индивидуального «я» с «другим» протагонист стремится обрести себя, попутно демонстрируя предпочтения автора в области искусства.

Характерный случай – стихотворение «Найти охотника. Головоломка», в основе которого – ситуация взглядывания в картинку-«загадку» с целью отыскать «спрятанную» художником человеческую фигуру. Открывается текст инфинитивной конструкцией, в которой говорящий заведомо «неотделим от “я” и “каждого”» [Бройтман: 230], чем уже с первых строк проблематизируются субъектные границы. Форма повелительного наклонения глаголов во второй строфе – «направь» («лампу на рисунок») и «измени» («угол зрения») – также служит объединению сознаний: императив может быть адресован и самому субъекту, видящему себя как «ты», и любому действительному «другому». Возникающий же в третьей строфе персонаж, изображенный на рисунке и служащий объектом экфрасиса, эксплицируется личным местоимением «его» и оказывается, с одной стороны, максимально отдаленным от протагониста, а с другой – максимально к нему приближенным, так как следующая далее характеристика может быть отнесена к обоим: «Его на миг придумала бумага – / Чуть-чуть безумец, несколько эстет, / Преступник на свободе, симпатяга – / Сходи на нет, теперь сходи на нет» [Гандлевский 2019: 135]. Наконец, в четвертой строфе происходит окончательное слияние (но не отождествление!) двух сознаний – охотника на картинке и лирического героя, – когда вернувшаяся неясность рисунка и противопоставляется реальности (отсюда союз «но» в начале предложения), и сближается с ней за счет изображения последней в «мягком фокусе» (мотивированном, вероятно, слезами протагониста): «Но вновь рисунок как впервой неясен. / Но было что-то – перестук ко-

лес / Из пригорода, вяз, не помню, осень – / Безмерное, ослепшее от слез, / Блистающее в поселковой луже, / Под стариковский гомон воронья... / И жизнь моя была б ничуть не хуже, / не будь она моя!» [Гандлевский 2019: 135]. Таким образом, взглядывание в рисунок и поиск охотника сюжетно обуславливают череду воспоминаний, данных в реальной модальности и непосредственно соотносенных с опытом субъекта. Подобному пониманию стихотворения способствует и высказывание самого Гандлевского в интервью И. Головинской: «Я люблю этот оптический аттракцион – “найди охотника”: картинка, где в хитросплетении штриховки вдруг замечаешь человека. Я думаю, что талантливый человек отличается от неталантливому тем, что талантливый в конце концов различает “охотника”, а остальные – нет» [Сергей Гандлевский]. Приведенные слова (произнесенные, правда, по поводу совсем другого произведения – повести «Трепанация черепа») заставляют воспринимать поиск охотника как процесс самоидентификации, как попытку «настигнуть» подлинное «я» героя, открывающееся ему лишь на миг – а затем неизменно ускользающее. Охотник в такой системе координат оказывается и искомым (его еще нужно «разглядеть»), и искателем (тем, кто «разглядывает»).

Сходным примером взаимодействия «я» и «другого» выступает и стихотворение, отсылающее заглавием к широко известной картине И. Репина «Бурлаки на Волге». Искусство, как это нередко бывает у Гандлевского, становится здесь фрагментом персонального опыта человека – лирического субъекта. Воспринимая полотно как эмблему преодоленного времени (глядя на него, он успел состариться – а бурлаки «бредут» вот уже «сто тридцать лет»), герой ассоциирует себя с репинскими персонажами, приравнивая труд поэта к «нечеловеческому» труду рабочих: «Теперь и мне бы, перестарку / И межеумку, в самый раз / “Эй, ухнем!” – затянуть подчас, / Тащить вверх по течению барку, / Сверкая стеклами очков / В толпе угрюмых бурлаков» [Гандлевский]. Подобно работе последних, которая в конечном счете себя оправдывает (их путь ведет в вечность), усилие поэта значительно и целесообразно – но только сопротивление всеобщей некоммуникабельности (неслучайно при переводе на иностранный язык онегинская строфа оборачивается верлибром) позволяет герою «присоединиться» к шествию. Творчество, таким образом, трактуется лирическим субъектом как «поденщина», как постоянное преодоление себя, сколь трудное, столь и необходимое. Отметим попутно, что сюжет разворачивается у Гандлевского на музыкальном фоне бурлацкой песни «Эй, ухнем», благодаря которой тяжесть, сопровождающая творческий процесс, становится не только «видимой», но и «слышимой», а стихотворение начинает прочитываться как «сложный» экфрасис.

Итак, в субъектной структуре экфрасических текстов в лирике Гандлевского отчетливо выделяется как «я» – локализованный в реальности лирический герой, – так и «другой», соотносимый с персонажами конкретных (реальных или вымышленных) произведений искусства. Последний неизменно оказывается той «реперной точкой», с опорой на которую (или в отталкивании от которой) субъект оценивает себя и свой опыт; экфрасис же выстраивается в таких случаях как диалог поэта и художника, преодолевающий пространство и время.

Отмеченные особенности живописного экфрасиса присущи целому ряду стихотворений С. Гандлевского – и некоторые из них лишь по необходимости остались за пределами рассмотрения. Однако и уже введенный в оборот материал позволяет говорить об экфрасичности как о ключевой особенности мировосприятия автора. Взаимоналожением отсылок к литературе и живописи обусловлено возникновение в его стихах интермедийного палимпсеста, где во взаимодействие вступают образы разных видов искусства, семантически дублируя, дополняя или уточняя друг друга. Экфрасис при этом функционирует как средство метапоэтической рефлексии: визуализируя пространство и время, он «высвечивает» подвижность их границ – и лирический субъект ощущает себя частью не столько реальности, сколько уже существующего чужого произведения. Подобное видение хоть и делает его жизнь предзаданной, лишая возможности подлинно личного высказывания, но оправдывается способностью искусства противостоять энтропийному воздействию времени. Вопреки тому, что ни литература, ни живопись не могут служить надежным средством познания действительности, экфрасический текст становится для автора инструментом самоидентификации: «другой», выступающий «проекцией» живописного образа, оказывается той «точкой отсчета», в соотносении с которой протагонист оценивает себя и свой опыт. В целом живописный экфрасис репрезентирует у Гандлевского проблематику, обусловленную корреляцией реальности и вымысла, времени и вечности, жизни и смерти, участвуя тем самым в авторской ревизии познавательных возможностей человека.

Список литературы

Автухович Т.Е. Экфрасис как метатекст в контексте металингвистической теории М.М. Бахтина // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 5–10.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура). Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. 307 с.

Гандлевский С.М. Бурлаки на Волге («Чтоб к социальному протесту...»). URL: https://vk.com/wall-33436259_1202 (дата обращения: 26.10.2022).

Гандлевский С.М. Счастливая ошибка: стихи и эссе о стихах. Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019. 256 с.

Геллер Л. На подступах к жанру экфрасиса. Русский фон для нерусских картин (и наоборот) // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 44. München: Institut für Slavische Philologie, 1997. S. 151–173.

Житенев А.А. Современные концепции экфрасиса и гносеологическая модель экфрасического текста // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 28–34.

Иванюк Б.П. Стихотворный экфрасис: словарная версия // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. S. 383–396.

Кирибаум Г. Охотники на снегу: элегическая поэтология Сергея Гандлевского // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. С. 278–292.

Кузмин М. Стихотворения. Санкт-Петербург: Академический проект, 1996. 832 с.

Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила: поэма. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1985. 735 с.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. 2-е изд. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

Романова И. Охотники на снегу П. Брейгеля в современной поэзии // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения / под ред. Т. Автухович. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL: Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. S. 252–261.

Сергей Гандлевский: найти охотника: [Беседу ведет Ирина Головинская] // ЛЕХАИМ. 2011. № 3 (227). URL: <https://old.lechaim.ru/ARHIV/227/golovinskaya.htm> (дата обращения: 26.10.2022).

Ситникова А.А. Смыслообразующая функция песни в структуре литературного текста: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 241 с.

Скворцов А.Э. Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. Москва: ОГИ, 2013. 222 с.

Тишунина Н.В. Проблема взаимодействия искусств в литературе западноевропейского символизма // Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы II науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.Ф. Лосева. Москва: МПГУ. С. 100–101.

Цивьян Т.В. К анализу цикла Кузмина «Фузий в блюдецке» // Михаил Кузмин и русская культура XX века: тезисы и материалы конф. 15–17 мая 1990 г.; под ред. Г.А. Моревой. Ленинград: Совет по истории мировой культуры АН СССР; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1990. С. 43–46.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Метапоэтика: размытая парадигма // Русская метапоэтика: учебный словарь; под. ред. доктора социологических наук профессора В.А. Шаповалова. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006. С. 17–36.

Шульпяков Г. Сюжет Питера Брейгеля // Арион. 1997. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1997/3/syuzhet-pitera-brejgelya.html> (дата обращения: 26.10.2022).

References

- Avtukhovich T.E. *Ekfrasis kak metatekst v kontekste metalingvisticheskoj teorii M.M. Bakhtina* [Ekphrasis as a metatext in the context of Mikhail Bakhtin]. *Tsentr i periferiia* [Centre and periphery], 2021, № 3, pp. 5–10. (In Russ.)
- Broitman S.N. *Russkaia lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki (sub"ektno-obraznaia struktura)* [Russian lyrics of the 19th – the early 20th centuries in the light of historical poetics (subject-shaped structure)]. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t Publ., 1997, 307 p. (In Russ.)
- Gandlevskii S.M. *Burlaki na Volge («Chtob k sotsial'nomu protestu...»)* [Barge Haulers on the Volga (“So that to social protest...”)]. URL: https://vk.com/wall-33436259_1202 (access date: 26.10.2022). (In Russ.)
- Gandlevskii S.M. *Schastlivaia oshibka: stikhi i esse o stikhakh* [Good fortune mistake: poems and essays on poetry]. Moscow, Izd-vo AST Publ., CORPUS Publ., 2019, 256 p. (In Russ.)
- Geller L. *Na podstupakh k zhanru ekfrasisa. Russkii fon dlia nerusskikh kartin (i naoborot)* [On the approaches to the ekphrasis genre. Russian background for non-Russian paintings (and vice versa)]. *Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 44*. München, Institut für Slavische Philologie Publ., 1997, S. 151–173. (In Russ.)
- Zhiteniov A.A. *Sovremennye kontseptsii ekfrasisa i gnoseologicheskaja model' ekfrasticheskogo teksta* [Modern concepts of ekphrasis and epistemological model of ekphrastic text]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistskaia* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism], 2021, № 2, pp. 28–34. (In Russ.)
- Ivaniuk B.P. *Stikhovornyi ekfrasis: slovarnaia versia* [Poetic ekphrasis: dictionary version]. *Teoriia i istoriia ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniia* [Theory and History of Ekphrasis: Results and Perspectives of Study], ed. by T. Awtuchowicz. Siedlce, Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL Publ., Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego Publ., 2018, s. 383–396. (In Russ.)
- Kirshbaum G. *Okhotniki na snegu: elegicheskaia poetologija Sergeia Gandlevskogo* [Hunters in the Snow: Elegiac Poetry by Sergey Gandlevskiy]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, № 6, pp. 278–292. (In Russ.)
- Kuzmin M. *Stikhovoreniia* [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996, 832 p. (In Russ.)
- Pushkin A.S. *Sochineniia: v 3 t. Stikhovoreniia. Skazki. Ruslan i Liudmila: Poema. T. 1* [Works: in 3 vols. Poems. Fairy tales. Ruslan and Ludmila: poem. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, 735 p. (In Russ.)
- Piegay-Gros N. *Vvedenie v teoriuu intertekstual'nosti* [Introduction to the intertextuality theory], translation from French, editing and introductory article by G.K. Kosikov, edition 2. Moscow, LENAND Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)
- Romanova I. *Okhotniki na snegu P. Breigelia v sovremennoj poezii* [Hunters in the Snow by Pieter Bruegel the Elder in modern poetry]. *Teoriia i istoriia ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniia* [Theory and History of Ekphrasis: Results and Perspectives of Study], ed. by T. Awtuchowicz. Siedlce, Wydawnictwo Naukowe IKR[i]BL Publ., Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego Publ., 2018, s. 252–261. (In Russ.)
- Sergei Gandlevskii: naiti okhotnika (Besedu vediot Irina Golovinskaia) [Sergey Gandlevskiy: find a hunter. (Interviewed by Irina Golovinskaya)]. *LEKAIM* [LECHAIM], 2011, № 3 (227). URL: <https://old.lechaim.ru/ARHIV/227/golovinskaya.htm> (access date: 26.10.2022). (In Russ.)
- Sitnikova A.A. *Smysloobrazuiushchaia funktsiia pesni v strukture literaturnogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk.* [The meaning-forming function of a song in the structure of a literary text: Philological sciences candidate's thesis]. Tver, 2016, 241 p. (In Russ.)
- Skvortsov A.E. *Samosud nezhidannoi zrelosti. Tvorchestvo Sergeia Gandlevskogo v kontekste russkoj poeticheskoi traditsii* [Lynching of unexpected maturity. Creative work of Sergey Gandlevskiy in the context of the Russian poetic tradition]. Moscow, OGI Publ., 2013, 222 p. (In Russ.)
- Tishunina N.V. *Problema vzaimodeistviia iskusstv v literature zapadnoevropeiskogo simvolizma* [The problem of the interaction of arts in the literature of Western European symbolism]. *Sintez v russkoi i mirovoi khudozhestvennoi kul'ture: materialy II nauch.-prakt. konf., posviash. pamiati A.F. Loseva* [Synthesis in Russian and World Artistic Culture: materials of the scientific and practical conference dedicated to the memory of Aleksei Losev]. Moscow, MPGU Publ., pp. 100–101. (In Russ.)
- Tsiv'ian T.V. *K analizu tsikla Kuzmina «Fuzii v bliudechke»* [To the analysis of Kuzmin's cycle “Fusions in a saucer”]. *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura XX veka: tezisy i materialy konferentsii. 15–17 maia 1990 g.* [Mikhail Kuzmin and Russian culture of the 20th century: abstracts and materials of the conference. May

15–17, 1990], ed. by G.A. Moreva. Leningrad, Sovet po istorii mirovoi kul'tury AN SSSR Publ., Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom dome Publ., 1990, pp. 43–46. (In Russ.)

Shtain K.E., Petrenko D.I. *Metapoetika: razmytaia paradigma* [Metapoetics: a fuzzy paradigm]. *Ruskaia metapoetika: uchebnyi slovar'* [Russian metapoetics: educational dictionary], ed. by V.A. Shapovalov, Doctor of Sociological Sciences, Professor. Stavropol, Izd-vo Stavropol'skogo gos. un-ta Publ., 2006, pp. 17–36. (In Russ.)

Shul'piakov G. *Siuzhet Pitera Breigelia* [Plot of Pieter Bruegel the Elder]. *Arion*, 1997, № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1997/3/syuzhet-pitera-breigelya.html> (access date: 26.10.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ «ИСТОРИЙ РАБОВ» В РОМАНЕ КОЛСОНА УАЙТХЕДА «ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

Сапожникова Юлия Львовна, доктор филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Аннотация. Роман «Подземная железная дорога» Колсона Уайтхеда повествует о временах рабства. С одной стороны, автор пытается придерживаться известных фактов, для чего опирается на проверенные источники (архивы) и прецедентные тексты (истории рабов). В статье проводится сопоставительный анализ данного произведения и самых известных историй рабов (повествований Фредерика Дугласа и Гарриет Джейкобс). В результате анализа между ними выявляются параллели не только на уровне определенных сюжетных элементов, но и на уровне лексических средств. Кроме того, демонстрируется, как Колсон Уайтхед использует типичные для классического жанра метафоры из животного мира и слова из тематического поля «Вещи» для достоверного показа рабства и его разрушительного воздействия на невольников. Но, с другой стороны, в рассматриваемом романе обнаруживаются элементы фантастики и нарушения хронологии, что не соответствует особенностям построения классических повествований. В статье также анализируются те темы, которые становятся центральными для романа К. Уайтхеда и которые первые темнокожие писатели в силу многих причин не могли ввести в свои тексты – в первую очередь это относится к проблеме апроприации идентичности этноса и широкой трактовке понятия «свобода». Через рассмотрение названной проблематики и опору на коллективный опыт афроамериканцев писатель создает взаимосвязь описываемых событий далекого прошлого и ситуации в современной Америке. Он напоминает о необходимости диалога и поиска общего пути к Америке, описанной отцами-основателями в Декларации Независимости.

Ключевые слова: афро-американская литература, «Подземная железная дорога» Колсона Уайтхеда, рабство, истории рабов, Фредерик Дуглас, Гарриет Джейкобс, идентичность, понятие «свобода».

Для цитирования: Сапожникова Ю.Л. Развитие традиций «историй рабов» в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 63–69. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-63-69>

Research Article

THE DEVELOPMENT OF TRADITIONS OF SLAVE NARRATIVES IN THE NOVEL “THE UNDERGROUND RAILROAD” BY COLSON WHITEHEAD

Yulia L. Sapozhnikova, Doctorate degree in Philology, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Abstract. The novel “The Underground Railroad” by Colson Whitehead relates about the times of slavery. On the one hand, the author tries to be faithful to known facts, relying for this on verified sources (archives) and precedent texts (slave narratives). The article provides a comparative analysis of this work and the most famous slave narratives (those by Frederick Douglass and Harriet Ann Jacobs). As a result of the analysis, parallels between them are revealed not only at the level of certain plot elements, but also at the level of lexical means. In addition, it demonstrates how Colson Whitehead uses metaphors from the animal world typical of the classical genre and words from the thematic field “Things” to plausibly show slavery and its destructive impact on slaves. But, on the other hand, the novel under consideration reveals elements of fiction and violations of chronology, what does not correspond to the peculiarities of the narrative structure of classical texts. The article also analyzes those topics that become central to Colson Whitehead’s novel and that the first black writers, for many reasons, could not introduce into their texts – first of all, this refers to the problem of appropriating the identity of the ethnic group and a broad interpretation of the concept of “freedom”. Through the consideration of these issues and reliance on the collective experience of African Americans, the writer creates undoubted links between the described events of the distant past and the situation in modern America. He reminds of the need for dialogue and the search for a common path to the America described by the Founding Fathers in the Declaration of Independence.

Keywords: African American literature, novel “Underground Railroad” by Colson Whitehead, slavery, slave narratives, Frederick Douglass, Harriet Jacobs, identity, notion of “freedom”.

For citation: Sapozhnikova Y.L. The development of traditions of slave narratives in the novel “The Underground Railroad” by Colson Whitehead. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 63–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-63-69>

В 2016 году был опубликован новый роман американского писателя Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» (*The Underground Railroad*), который получил множество престижных премий – он стал лауреатом Национальной книжной и Пулитцеровской премий [Морозова]. В этом произведении в центре внимания оказывается история жизни молодой рабыни Кору, которая бежит с плантации с помощью подземной железной дороги и пытается обрести свободу. Роман опирается на традиции жанра «истории рабов», использует его символику, затрагивает его проблематику, но все эти аспекты по-своему интерпретируются автором для того, чтобы представить современный взгляд на знаковый момент исторического прошлого страны. Сопоставительный анализ данного романа и отдельных произведений жанра «истории рабов» становится задачей нашей работы.

Первоначальная задумка, по признанию Колсона Уайтхеда, появилась у него в 2000 году, он захотел написать о тех каналах, благодаря которым рабам удавалось бежать с плантаций, уже тогда он планировал ввести элементы магического реализма в свой роман, превратив реально существовавшую на довоенном Юге систему организации побегов невольников и переброски этих беглецов на Север (известную как «Подземная железная дорога») в вымышленную подземную железную дорогу. Однако в то время К. Уайтхед считал, что у него недостаточно опыта, чтобы взяться за такую серьезную тему, поэтому он отложил свой замысел на неопределенное время и вернулся к этой идее более 10 лет спустя [Brookes]. Писатель рассказывал в интервью, что для подготовки к работе он долго изучал архивные материалы, так, введенные в текст объявления о награде за поимку беглых рабов являются реальными историческими документами.

Помимо исторических документов писатель в своей работе опирался на базовый для афро-американской литературы жанр – истории рабов, в первую очередь на такие его эталонные образцы, как «Повесть о жизни Фредерика Дугласа, американского раба» Ф. Дугласа (1845) и «Случай из жизни девушки-рабыни, написанные ею самой» Гарриет Джейкобс (1861). Истории рабов – это автобиографические повествования, которые были рассказаны темнокожими невольниками белому переписчику-редактору или были написаны самими беглыми или освобожденными рабами [Сапожникова; The Oxford Companion].

Американский исследователь подобных повествований Джеймс Олни выделил ряд признаков текстов данного жанра. К тем, которые можно найти и в романе К. Уайтхеда, относятся следующие: 1) описание препятствий на пути к грамотности, которые специально создаются рабовладельцами; 2) перечисление обязанностей рабов, характеристика того, как проходит их день, а также особенностей быта и обычаев; 3) рассказ о торгах, где продаются рабы, о том, как разделяют семьи и детей отрывают от матерей; 4) описание работы патрулей, неудачных попыток побега, погони за рабами с помощью собак; 5) упоминание удачных попыток побега, необходимости укрываться днем и бежать по ночам; 6) размышления о рабстве [Olney: 152–153].

Если говорить о двух вышеназванных шедеврах данного жанра, то переклички с ними в романе «Подземная железная дорога» очевидны не только на уровне перечисленных сюжетных элементов, но и на уровне мелких подробностей и даже выбора лексических средств.

И в повествовании Ф. Дугласа, и в романе К. Уайтхеда говорится о том, что 1) большинство рабов ничего не знали о дне своего рождения и/или о своих семьях: «По большей части рабы знали о своих именах так же мало, как лошади знают о своих... Я не помню, чтобы когда-либо встречал раба, который мог бы рассказать о своем дне рождения...» (перевод наш. – Ю. С.) [Douglass: 17]; «Они даже дней рождения своих не знают, поэтому должны их себе придумывать. Половина вообще не знает ни отца, ни матери» [Уайтхед: 312];

2) дети-рабы ходили полуголыми, так как хозяева экономили на их одежде: «...Их одежда (детская) состояла из двух грубых льняных рубашек в год. Когда они изнашивались, дети ходили голыми до следующего дня выдачи годового довольствия» (перевод наш. – Ю. С.) [Douglass: 23]; «Милашка попала на плантацию в пятилетнем возрасте. Только тут она узнала, что такое одежда, потому что предыдущий хозяин, продавший ее Рэндаллам в придачу к матери, полагал, что негрятяткам должно разгуливать нагишом» [Уайтхед: 83];

3) за малейшей провинностью следовало суровое наказание: «Простой взгляд, слово или движение – ошибка, несчастный случай или недостаток силы – за все это раба могли выпороть в любое время» (перевод наш. – Ю. С.) [Douglass: 73]; «...На манжете его тонкой белой рубашки алело крохотное винное

пятнышко. Расплясавшийся Честер толкнул хозяйна. С причитаниями мальчик упал Терренсу в ноги: – А-а-а, простите, масса, простите! Трость с размаху опускалась на его голову и плечи, снова и снова, снова и снова» [Уайтхед: 50];

4) обучение рабов грамоте было под строгим запретом, так как белые хозяева считали, что знания могут зародить в головах темнокожих опасные мысли, а значит, сделать их непригодными для услужения: «“Ну, – сказал он, – если ты научишь этого черномазого (говоря обо мне) читать, его не удержишь. Это навсегда сделало бы его непригодным рабом. Он сразу же стал бы неуправляемым и не представлял бы никакой ценности для своего хозяина...”» (перевод наш. – Ю. С.) [Douglass: 41]; «–Хозяин мой как-то сказал, что есть только одна штука пострашнее ниггера с ружьем: это ниггер с книжкой...”» [Уайтхед: 368].

Если говорить о параллелях с повествованием Гарриет Джейкобс, то самой очевидной является та, которая связана с описанием времени, когда обе героини вынуждены прятаться от своих преследователей на чердаке – Линда в доме своей бабушки, а Кора – у одного из белых участников подземной железной дороги в Северной Каролине. В «Случаях из жизни девушки-рабыни, написанных ею самой» дается четкое представление об условиях, в которых Линда была вынуждена провести целых 7 лет: чердак был крохотным (9 футов длиной (274,32 см), 7 футов шириной (213,36 см) и в самой высокой части в 3 фута высотой (91,44 см)). В этом убежище она была лишена возможности встать в полный рост или походить; в жару помещение прогревалось так, что Линда задыхалась, так как доступа свежего воздуха там не было [Jacobs]. Сходное описание, также с указанием ряда точных размеров чердака, можно найти в романе К. Уайтхеда: «Она чуть не ударилась макушкой в потолок тесной душной каморки... Коре отвели тесный закуток между потолком и кровлей: меньше ярда в высоту (91,4 см. – Ю. С.) и четыре с небольшим ярда в длину (365,7 см. – Ю. С.)... Единственным источником воздуха и света было отверстие в стене...» [Уайтхед: 208–209]. Кроме того, как в повествовании Гарриет Джейкобс, так и в романе К. Уайтхеда особый акцент делается на опыте женщин-рабынь, на тех испытаниях, которые выпадают исключительно на их долю – в первую очередь речь идет о сексуальном насилии со стороны белых хозяев и высокой вероятности разлуки с детьми или их смерти.

Мысль о том, что подобные условия существования ожесточали рабов и часто совершенно лишали их человечности, роднит «Подземную железную дорогу» со всеми историями рабов. К. Уайтхед считал, что, если с людьми постоянно жестоко обраща-

ются, над ними измываются и лишают возможности вести достойную жизнь, то они не смогут проявлять доброту и сострадание по отношению друг к другу, а скорее будут пытаться отнять друг у друга хоть то небольшое, что им доставалось [Brockes]. Благодаря такому подходу описание повседневной жизни рабов, действительно, заставляет читателя почувствовать все ужасы рабовладельческой системы, когда опасность исходила не только от белых мучителей, но и от собственных соплеменников. Достаточно вспомнить лишь один эпизод из книги, когда четверо рабов с плантации насилуют Кору.

В произведениях классического жанра утрата рабами человечности показывалась, в частности, и через использование для их описания метафор из животного мира и слов из тематического поля «Вещи». Первоначально эти языковые средства выступали как оружие в дискурсе белых, низводивших негров до уровня зверей или приравнивавших их к собственности, чтобы оправдать их статус рабов. Затем подобная символика вошла в арсенал стилистических средств темнокожих авторов, с их помощью они прежде всего показывали отношение белых к себе.

К. Уайтхед также использует несколько из названных лексических средств, в первую очередь слова «*property*» (собственность) и «*thing*» (вещь): «Суть Америки в том, что люди в ней – это *вещи*... Если ты *вещь* – телега, лошадь, раб – твоя цена определяет твои шансы» [Уайтхед: 16]; «Плантация и невольники пойдут с молотка, их выставят на аукцион, а покупатели найдутся... И я, пусть даже здесь, в Индиане, до сих пор чья-то *собственность*» (выделено нами. – Ю. С.) [Уайтхед: 366]. Кроме того, в одном из эпизодов охотник за беглыми рабами описывает одного из них через местоимение «it».

Наиболее частотными метафорами из животного мира, которые встречаются в классических историях рабов для описания невольников, становятся слова: *beasts, dogs, ox, hogs/pigs, asses* [Сапожникова]. К. Уайтхед также вкладывает в уста белых такие зооморфные характеристики невольников, как *pig, dog, rabbit, donkey, hog*. В «Случаях из жизни девушки-рабыни, написанных ею самой» Гарриет Джейкобс подчеркивает, что хозяева использовали глагол «*to break in*» в значении «дрессировать, объезжать (лошадей), укрощать», когда размышляли о необходимости усмирить строптивых рабов: «...Ему давно следовало бы ее выдрессировать (приструнить)» (перевод наш. – Ю. С.) [Jacobs: 98]; «...Я еще увижу, как она будет укрощена» (перевод наш. – Ю. С.) [Jacobs: 115]. К. Уайтхед повторяет эту единицу для описания практики усмирения сопротивлявшихся системе: «“Что баба, что лошадь, ее надо разок переломить” – это его слова. Так со сломанным хребтом и останет-

ся» [Уайтхед: 394]. Он также прибегает к дополнительным лексическим средствам, которые передают сходное значение – процесс превращения темнокожих в стадо послушных животных, судьбы которых в руках белых «пастухов»: «...Они были *скотиной*, которую одомашнивали и пасли. Они по-прежнему оставались живым товаром, *подрощенным и холощеным*» (выделено нами. – Ю. С.) [Уайтхед: 171].

Надо отметить, однако, что авторы историй рабов иногда подчеркивали в этих сравнениях с животными другую сторону, например выделяли какую-то черту, которая помогала животным выживать. К. Уайтхед тоже применяет эту стратегию и вкладывает в уста одного из персонажей восхищенный отзыв о главной героине как о стервятнике: «Мои радости, моя грядка и тот кленовый чурбачок, на котором восседала, словно хищная птица» (в оригинале: *like a vulture*. – Ю. С.) [Уайтхед: 312]. Такая характеристика показывает готовность Кору биться за то, что она считает своим, до конца, отстаивать это даже ценой жизни. Речь, в первую очередь, шла о маленьком кусочке земли между хижинами, где она что-то выращивала для себя, этот огород был для нее символом власти над своей судьбой (ведь она им владела), а значит, подобное сравнение со стервятником означало ее отказ признавать свою зависимость от кого бы то ни было.

Как отмечали все авторы классических историй рабов, система рабовладения оказывала разрушительное с моральной точки зрения влияние не только на рабов, но и на их владельцев. Последние, даже женщины, проявляли ужасную жестокость и аморальность: они могли сами зверски истязать невольников или смотреть, как это делают другие, подвергать приглянувшихся им темнокожих сексуальному насилию. К. Уайтхед дает примеры подобного поведения, например он описывает, как целая компания белых, включая и женщин, пирует, в то время как прямо перед ними заживо сжигают беглого негра. Но писатель также отмечает и другую особенность, которая роднила невольников и их хозяев, – и та и другая группы испытывали страх по отношению друг к другу: первые боялись пыток и смерти, а вторые – расплаты. Это сходство К. Уайтхед подчеркивает через использование для описания белых слова «*slave*» (раб), официального названия угнетенной социальной группы: «– Она до смерти напугана! Мы же тут буквально висим на волоске. Мы себе не хозяева. – То есть вы живете как рабы?» [Уайтхед: 228]. Кроме того, писатель дает понять, что рабовладельцы и их сторонники, по сути, тоже являются зависимыми, несвободными в рамках этой системы, для выражения этой идеи он снова прибегает к слову «*slave*»: «...Он уходил рано, и окна его кабинета в Гриффине всегда гасли последними. Он тоже был рабом хлопка» [Уайтхед: 148]. Эта мысль о несво-

боде белых, несмотря на кажущуюся абсолютной властью, появляется только в произведениях о рабстве, написанных в XX–XXI вв.

Кроме того, в романе «Подземная железная дорога» есть еще ряд особенностей, которые позволяют говорить о новой и более полной трактовке рабства по сравнению с классическими историями рабов. Во-первых, К. Уайтхед прослеживает весь процесс превращения свободных африканцев в зависимых американских рабов. Через достаточно краткое и практически лишенное эмоций описание жизни Аджарри, бабушки Кору, читатели получают представление о том, как это происходило: ее выкрали из родной деревни, продали за ром, затем погрузили на корабль, где смешивали представителей разных племен, и разделили с семьей, во время путешествия ее неоднократно насиловали, но не дали покончить с собой. В Новом Свете она переходила от одного хозяина к другому, но при этом условия жизни практически не менялись – жизнь впроголодь, тяжелый труд с утра до ночи, физическое и психологическое насилие, смерть детей и близких и/или разлука с ними. Отдельные моменты истории Аджарри подкрепляются схожими эпизодами из опыта других рабов, что помогает представить масштабность происходивших процессов.

Во-вторых, К. Уайтхед прямо называет истинную причину рабства – необходимость бесплатной рабочей силы для обработки хлопка (и другой тяжелой работы): «Безжалостная машина по сбору хлопка требовала топлива – африканских рабов. Корабли бороздили океан и привозили чернокожих, чтобы было кому работать на полях и производить на свет новых рабов» [Уайтхед: 218].

Кроме того, писатель демонстрирует, как белые оправдывали такое обращение с себе подобными, поднимая тему создания особой рабовладельческой идеологии, которая охватывала все аспекты жизни и заключалась в искусном манипулировании правдой и текстами. По понятным причинам (в первую очередь из-за необходимости работать с белыми редакторами и адресовать свои тексты белой читающей публике) авторы классических историй рабов не могли затрагивать данные вопросы. Так, К. Уайтхед демонстрирует, что сначала белые стали приписывать темнокожим врожденные пороки и объявили их низшей расой («представители низшей расы», «черные орды» [Уайтхед: 216]).

Для закрепления этой мысли в сознании белого большинства стали использовать Библию, в которой находили именно те куски, которые соответствовали выбранной идеологии, либо трактовали ее в нужном им ключе: «В Исходе сказано, что сынам Израилевым не должно поработать друг друга. Но к потомкам Хама это не относится, они другого роду-племе-

ни. На них лежит проклятие, отсюда и черная кожа, и хвост. Когда в Писании осуждается рабство, речь идет совсем не о рабах-неграх» [Уайтхед: 247]. Постоянно слыша подобные трактовки Священного текста, белые поверили, что Бог одобряет рабство: «Моральная сторона рабства Этель никогда не волновала, ведь если бы Господь не уготовил африканцам участь невольников, не носить бы им кандалов» [Уайтхед: 264].

Для облегчения совести особо чувствительных был придуман миф о том, что негры были неспособны сами позаботиться о себе, как дети, а потому они нуждались в отеческой заботе белого хозяина, который просто следил за тем, чтобы темнокожие не попали в беду – вместе они были как настоящая семья. Эта трактовка распространялась через газеты и книги: «Газеты любят сказки про счастливую жизнь на плантации, где довольные рабы поют и пляшут, а добрый белый масса радуется. Людям подобные вещи по вкусу, да и с политической точки зрения польза, учитывая борьбу между Севером и Югом и аболиционизм. Риджуэй прекрасно знал цену подобным вкрам...» [Уайтхед: 282].

Традиционным развлечением для белых становились так называемые «coon/minstrel shows», когда белые актеры чернили себе лица жженой пробкой и изображали темнокожих, цель таких скетчей была сходной – либо показать недоразвитость этой расы (для чего актеры коверкали их диалект или демонстрировали, что не могут справиться с простейшими задачами, например пересчитать пальцы на ноге), либо доказать благожелательность белых южан-рабовладельцев в сравнении с северянами (для чего разыгрывалась сценка про побег на Север, где беглый раб не видел ничего, кроме жестокости, обмана и унижений, после чего он возвращался к доброму хозяину с просьбой взять его обратно). По мнению К. Фейн, во время таких представлений для развлечения публики «идентичность черных крали, искажали и высмеивали» («For their entertainment, the identity of black people is stolen, misused, and mocked» [Fain]). То же самое происходит и в описанном в романе Музее чудес природы, где несколько экспозиций в разделе живой истории изображали сцены из жизни Черной Африки, жизнь на невольничьем корабле и обычный день на плантации в ложном свете. Как отмечает Х.Г. Васкес, «Подземная железная дорога» повествует о миллионах способов, с помощью которых белые рассказчики крали историю африканцев («“The Underground Railroad” is also about the myriad ways in which black history has too often been stolen by white narrators» [Vásquez]).

Наконец, самой важной особенностью романа К. Уайтхеда можно назвать многогранное рассмотрение проблемы свободы. Во многих повествованиях первых темнокожих писателей приводится из-

вестный лозунг Патрика Генри «...Дайте мне свободу или смерть!» («...Give me liberty or give me death!») применительно к положению рабов, одновременно эта оппозиция становится и географическим противопоставлением Севера Югу [Сапожникова]. К. Уайтхед озвучивает этот вариант в размышлениях Кору по поводу бегства: «...Она представляла только два исхода: либо сытая, привольная, трудно доставшаяся жизнь на Севере, либо смерть» [Уайтхед: 232].

Однако по мере продвижения дальше на Север беглянка начинает понимать, что и в штатах, где номинально рабство было отменено, темнокожих все равно преследуют и эксплуатируют. Особенно показательным в этом аспекте становится для Кору жуткое зрелище так называемой «Тропы свободы» в Северной Каролине, это была дорога к городу, обсаженная деревьями, на каждом из которых висел труп схваченного и казненного беглого. Оставляя трупы у всех на виду, белые штата как бы отправляли миру свой посыл, что негры могут обрести свободу лишь в смерти. После всего увиденного и услышанного во время пути девушка все больше склоняется к мысли, что рабам некуда бежать: «Словно убежать в этом мире можно не куда-то, а только откуда-то» [Уайтхед: 347]. Однако жизнь на ферме Валентайнов (община темнокожих в Индиане), где помогали беглым рабам, поначалу заставила ее пересмотреть свои взгляды. Ее основатель и сочувствовавшие делу освобождения угнетаемой расы верили в необходимость совместной борьбы за независимость. Они не сомневались, что если они смогут объединиться, то им удастся отстаивать свои права и стать полноценными гражданами: «Кто же еще будет это делать? Белые? Дудки! Нам придется делать все самим» [Уайтхед: 375].

Но К. Уайтхед идет дальше этой озвученной многими авторами до него идеи. Он описывает разгром фермы Валентайнов, когда один из членов общины предаёт своих, и белые устраивают резню и уничтожают главных активистов. Благодаря этому эпизоду читатель осознает, что рабство – это не только социальный институт, но и образ мыслей и определенное восприятие представителей другой расы, а значит, оно внутри человека. Победить это зло можно, только если обе группы отбросят свои предубеждения и взглянут друг на друга как на равных, как на тех, с кем нужно идти вместе через темноту и испытания, чтобы выйти на свет (т. е. обрести истинную свободу): «Большая цветная семья будет жить рядом с большой белой семьей, и я абсолютно убежден, что взлеты и падения нам суждены общие. Пути сквозь дремучие дебри нам неведомы, но если кто-то упадет, другие его поднимут, и вместе мы дойдем до конца» [Уайтхед: 386].

Именно эта мысль зашифрована, по нашему мнению, и в центральном образе романа – Подземной

железной дороге. Когда Кора впервые спускается на одну из ее станций, белый зритель дает ей наказ – во время путешествия смотреть по сторонам, тогда она увидит истинную Америку. Поначалу ей кажется, что вокруг только тьма и страх, но в самом конце пути она вдруг осознает, то все, кто когда-либо приложил руку к созданию этой дороги – неважно, какого цвета была их кожа и какую роль они играли (кондукторы, зрители, строители и т. д.), – становились другими людьми, и это и было главной целью: «...О тех, кто построил подземную железную дорогу, о миллионах мужчин и женщин, которым пришлось продолбить миллионы тонн грунта и камня, копать во чреве земли ради того, чтобы вывести на свободу невольников вроде нее. Кто стоял в одном ряду с людьми, открывавшими перед беглыми двери своих домов, кормившими их, переправлявшими на Север на своем горбу и принимавшими за них смерть. Станционные зрители, проводники, сочувствующие. Кем вы становитесь по завершению столь величественного труда, ведь, строя эту дорогу, вы начинаете путешествие по ней из одного конца в другой. На одном конце – те, кем вы были, спускаясь под землю, а на другом на свет выходят уже новые люди...» [Уайтхед: 407].

Главным, что, на наш взгляд, делает посыл «Подземной железной дороги» очень актуальным и важным, является несомненная взаимосвязь описываемых событий далекого прошлого и ситуации в современной Америке (на что обращают внимание многие критики, писавшие о романе [Coats; Kakutani]). При этом писатель не стремится просто еще больше разбередить раны, связанные с противоборством двух расовых групп (к чему часто приводят общественные выступления, ставящие перед собой совершенно другие цели, например мероприятия движения «Black Lives Matter»), а, наоборот, напоминает о необходимости совместных усилий по созданию той Америки, которая была описана отцами-основателями в Декларации Независимости.

Таким образом, «Подземная железная дорога», как и многие современные художественные тексты, говорит об определенном историческом периоде и, с одной стороны, включает известные факты, которые автор черпает из проверенных источников (архивов) и прецедентных текстов (историй рабов). Обращение к последним неизбежно, ведь это – обращение к корням, к ключевой проблематике. Сохраняя традицию, К. Уайтхед оставляет единые с текстами историй рабов сюжет и проблематику: сюжет представляет собой «путешествие» из рабства на свободу, а в качестве основной проблематики выступает поиск себя, своей истинной идентичности. Эта проблема раскрывается через ряд мотивов, которые являются центральными как у Ф. Дугласа и Г. Джейкобс, так

и у К. Уайтхеда: 1) условия существования в рабстве, которые калечат душу; 2) мотив свободы.

Но, с другой стороны, роман включает элементы фантастики и нарушения хронологии – он описывает подземную железную дорогу как реальную систему железнодорожных путей под землей, медицинские эксперименты над темнокожими в XIX веке и т. д. Подобный подход, на наш взгляд, используется автором, чтобы поставить под сомнение традиционную веру в объективность восприятия, подорвать систему идеологических представлений, закрепленную в сознании многих людей, и заставить их пересмотреть свое отношение к трагическому прошлому страны.

Этот роман учит читателей не забывать о прошлом и в его осмыслении возвращаться к первоисточкам, он, как сказано в рецензии журнала «Esquire», «открывает нам глаза и заставляет сопереживать» [Уайтхед].

Список литературы

Морозова И.В. Коллективная память в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, № 5. С. 736–741.

Сапожникова Ю.Л. Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX–XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2015. 457 с.

Уайтхед К. Подземная железная дорога. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 416 с.

Brockes E. Interview. Colson Whitehead: “To deal with this subject with the gravity it deserved was scary”. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/jul/07/colson-whitehead-underground-railroad> (дата обращения: 20.01.22).

Coats A. “The Underground Railroad” breaks the chains of convention. URL: <https://chireviewofbooks.com/2016/09/29/the-underground-railroad-breaks-the-chains-of-convention/> (дата обращения: 20.01.22).

Douglass Fr. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave Written by Himself. NY: Barnes & Noble Classics, 2003, 126 p.

Fain K. Review. Colson Whitehead brilliantly reimagines the Underground Railroad. URL: <https://www.thenationalbookreview.com/features/2016/9/2/6bjk6o8d0t9zy85r13309ugsrqggjz> (дата обращения: 20.01.22).

Jacobs H. Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself. NY, Barnes & Noble Classics, 2005, 242 p.

Kakutani M. Review: “Underground Railroad” lays bare horrors of slavery and its toxic legacy. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/books/review-the-underground-railroad-colson-whitehead.html> (дата обращения: 20.01.22).

Olney J. “I was born”: Slave Narratives, Their Status as Autobiography and as Literature. The Slave’s

Narrative, ed. by Charles T. Davis, Henry L. Gates Jr. Oxford; NY: Oxford University Press, 1985, pp. 148–175.

The Oxford Companion to African American Literature, ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. NY, Oxford University Press, 1997, 866 p.

Vásquez J.G. In Colson Whitehead's latest, the Underground Railroad is more than a metaphor. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/14/books/review/colson-whitehead-underground-railroad.html> (дата обращения: 20.01.22).

References

Morozova I.V. *Kollektivnaya pamyat v romane Colson'a Whitehead'a «Podzemnaya zheleznyaya doroga»* [Collective memory in the novel “The Underground Railroad” by Colson Whitehead]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurtiya University. Series: History and Philology], 2018, vol. 28, № 5, pp. 736–741. (In Russ.)

Sapozhnikova Yu.L. *Kategoriya identichnosti kak khudozhestvennaya dominanta v afro-amerikanskikh klassicheskikh i novykh istoriyakh rabov (XIX–XXI vv.): dis. ... dokt. filol. nauk* [The category of identity as an artistic predominant element in African American slave and neoslave narratives (19th–21st centuries): DSc thesis]. Ivanovo, 2015, 457 p. (In Russ.).

Whitehead C. *Podzemnaya zheleznyaya doroga* [The Underground Railroad]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2019, 416 p. (In Russ.).

Brockes E. Interview. Colson Whitehead: “To deal with this subject with the gravity it deserved was scary”. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/jul/07/colson-whitehead-underground-railroad> (access date: 20.01.22). (In Eng.)

Coats A. “The Underground Railroad” breaks the chains of convention. URL: <https://chireviewofbooks.com/2016/09/29/the-underground-railroad-breaks-the-chains-of-convention/> (access date: 20.01.22). (In Eng.)

com/2016/09/29/the-underground-railroad-breaks-the-chains-of-convention/ (access date: 20.01.22). (In Eng.)

Douglass Fr. Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave Written by Himself. NY: Barnes & Noble Classics, 2003, 126 p. (In Eng.)

Fain K. Review. Colson Whitehead brilliantly reimagines the Underground Railroad. URL: <https://www.thenationalbookreview.com/features/2016/9/2/6bjk6o8d0t9zy85r13309ugsrqggjz> (access date: 20.01.22). (In Eng.)

Jacobs H. *Incidents in the Life of a Slave Girl* Written by Herself. NY, Barnes & Noble Classics, 2005, 242 p. (In Eng.)

Kakutani M. Review: “Underground Railroad” lays bare horrors of slavery and its toxic legacy. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/03/books/review-the-underground-railroad-colson-whitehead.html> (access date: 20.01.22). (In Eng.)

Olney J. “I was born”: Slave Narratives, Their Status as Autobiography and as Literature. The Slave's Narrative, ed. by Charles T. Davis, Henry L. Gates Jr. Oxford; NY: Oxford University Press, 1985, pp. 148–175. (In Eng.)

The Oxford Companion to African American Literature, ed. by William L. Andrews, Frances Smith Foster, Trudier Harris. NY, Oxford University Press, 1997, 866 p. (In Eng.)

Vásquez J.G. In Colson Whitehead's latest, the Underground Railroad is more than a metaphor. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/14/books/review/colson-whitehead-underground-railroad.html> (access date: 20.01.22). (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

**«СОН ФРАНСИОНА» В РОМАНЕ Ш. СОРЕЛЯ:
К ПРОБЛЕМЕ СУЖЕНИЯ ГРАНИЦ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦЕНЗУРЫ 1620–30-Х ГГ.**

Ермилова Кира Евгеньевна, младший научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, ermilova.kira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>

Аннотация. Статья посвящена анализу сновидения Франсиона с точки зрения его символической образности, а также проблеме существования романа «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля (1623–1633) в трех редакциях. Анализируются события рассказанного героем сна, а также изменения, внесенные в текст во второй и в третьей редакциях: удаление и перестановка некоторых эпизодов с целью адаптировать текст под требования цензуры вследствие громкого судебного процесса над идейно весьма близким Сорелю французским поэтом и представителем либертинажа XVII в. Теофилом де Вио; появившийся во второй редакции комментарий Ремона, представляющий собой условно «правильную» трактовку; морализаторский комментарий «автора», включенный в текст только в финальной редакции, как и указание во вступлении его имени – Никола Мулине сьера Дю Парка, умершего в 1625 г. В процессе анализа прослеживается изменение границ символической образности рассматриваемого эпизода под влиянием самоцензуры, которые ощутимо сужаются в третьей редакции, оставляя читателю значительно меньше пространства для критического восприятия и самостоятельной расшифровки заложенных в представленном сновидении смыслов.

Ключевые слова: Ш. Сорель, «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона», французская литература XVII в., роман, поэтика сновидения

Для цитирования: Ермилова К.Е. «Сон Франсиона» в романе Ш. Сореля: к проблеме сужения границ символической образности в условиях цензуры 1620–1630-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 70–75. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-70-75>

Research Article

**“FRANCION’S DREAM” IN THE NOVEL BY CHARLES SOREL:
ON THE PROBLEM OF NARROWING THE BOUNDARIES OF SYMBOLIC IMAGERY
IN CONDITIONS OF CENSORSHIP OF THE 1620–1630**

Kira E. Ermilova, Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ermilova.kira@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0537-8312>

Abstract. The article is devoted to the analysis of Francion’s dream from the point of view of the symbolic imagery, as well as to the problem of the existence of the novel “La Vraie Histoire comique de Francion” by Charles Sorel (1623–1633) in three editions. The events of the dream narrated by the main character are analysed, as well as the changes made to the text in the second and third editions – the removal and rearrangement of some episodes in order to adapt the text to the requirements of censorship due to the high-profile trial of the French poet and representative of the libertinage of the 17th century Théophile de Viau who was ideologically close to Sorel; the commentary of Raymond, which appeared in the second edition, which is a conditionally “correct” interpretation; the moralizing comment of “author”, embedded in the text only in the final version, as well as the indication in the introduction of his name – Nicolas De Moulinet sieur Du Parc, who died in 1625. In the process of analysis, we observe a change in the boundaries of the symbolic imagery of this episode under the influence of self-censorship, which are significantly narrowed in the third edition, leaving the reader much less space for critical examination and independent deciphering of the meanings inherent in the presented dream.

Keywords: Charles Sorel, La Vraie Histoire comique de Francion, 17th century French literature, novel, poetics of dream

For citation: Ermilova K.E. “Francion’s dream” in the novel by Charles Sorel: on the problem of narrowing the boundaries of symbolic imagery in conditions of censorship of the 1620–1630. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 70–75 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-70-75>

Сновидение Франсиона – один из самых сложных для восприятия современным читателем, не включенным в историко-литературный контекст, эпизодов романа «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» французского писателя Шарля Сореля (1602–1674), изданного в первой редакции в составе семи книг в 1623 г., во второй редакции в составе одиннадцати книг – в 1626 г. и в третьей редакции в составе двенадцати книг – в 1633 г. В третьей книге романа главный герой, обедневший дворянин по имени Франсион, чтобы скоротать время в дороге и объяснить случившуюся накануне комическую ситуацию с «поцелуем» старой сводни Агаты, пересказывает своему безымянному на тот момент попутчику (который затем в романе идентифицируется как бургундский дворянин по имени Ремон) свой сон.

Рассказанный героем сон представляет собой путешествие Франсиона (т. е. закономерно продолжает магистральную сюжетную линию романа, заключающуюся в странствиях главного героя по Франции и Италии в поисках любви) в причудливые места, наполненные фантазмагорическими образами, диалогами с воображаемыми существами (богами, монстрами, таинственными девушками, великаном и т. д.) и всякого рода непристойностями.

В первой редакции романа после того, как Франсион закончил рассказывать свой сон, Ремон предложил не принимать всерьез подобные фантазии и обсудить их после трапезы, после чего герои прибыли в замок, в который изначально направлялись, и больше сновидение Франсиона в романе не упоминалось, трактовать события сна читателям предлагалось самостоятельно. Вторая редакция романа вышла спустя три года после первой и заключала в себе не только четыре новые книги, продолжающие и заканчивающие приключения Франсиона его свадьбой с добродетельной Наис, но также имела в себе множество правок и изменений, сделанных как вследствие творческой эволюции писателя, так и под влиянием самоцензуры – наиболее смелые сцены и даже целые части были удалены, а сатирический настрой всего произведения был смягчен. Главным образом такие изменения связаны с политическими причинами, а в частности с тем, что в 1623 г. за публикацию вольнодумных стихотворений в сборнике «Сатирический Парнас» (1622) был арестован и приговорен к сожжению поэт и яркий представитель либертинажа XVII в. Теофиль де Вио (1590–1626), идейно близкий Сорелю (сходство их взглядов отчетливо прослеживается в тексте прозаического произведения Теофиля де Вио «Фрагмент комической истории» (1623) [Вио: 309–333]; подробнее о творческом взаимодействии Теофиля де Вио и Шарля Сореля см. исчерпывающее исследование А. Адана: [Adam]). В третьей ре-

дакции помимо трактовки Ремона добавился также комментарий от лица «автора», в котором тот подводит итоги этого эпизода и дает свое мнение по поводу рассказанного Франсионом сна. Исследователь М. Делон в монографии «Искусство жить либертена» также подчеркивает резко возросший в 1620–30-е гг. во Франции вследствие всеобщей атмосферы страха перед начавшейся «охотой на ведьм» уровень самоцензуры среди авторов и, опираясь на разницу между тремя редакциями романа Ш. Сореля как на показательный пример, делает вывод о том, что «государство Нового времени строилось на вытеснении всех центробежных тенденций и форм инакомыслия, на отрицании либертинажа» [Делон: 19].

Попробуем теперь разобраться в механизме авторской цензуры Ш. Сореля и логике удаления и добавления эпизодов по мере эволюции текста от первого извода к третьему. Для удобства анализа сновидения Франсиона мы обратимся к третьей редакции и проследим то, каким образом изменилась заложенная еще в первой редакции символическая образность данного эпизода. В финальной редакции весь сон можно логично разделить на три части в зависимости от места действия: первая часть – эпизод с великаном в неизвестном пространстве, вторая часть – все, что случилось на небесах, третья часть – события, происходящие в пещерах и храме. Отметим, что «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» – единственное произведение Сореля, переведенное на русский язык в 1935 г. Г.И. Ярхо, а затем переизданное в 1990 г.; важно заметить, что русский перевод был выполнен на основе третьей редакции, т. е. первые два извода романа русскому читателю, по сути, неизвестны.

В первой редакции сон Франсиона начинается с описания неизвестного озера и падающей с небес еды: огурцов, дынь, колбас и сосисок, которые плавающие в лодках обнаженные мужчины могли ловить ртом, одной рукой или же двумя руками, если догадаются, чем удобнее всего будет заткнуть дыру в их судне, этот весьма грубый и непристойный эпизод был удален в последующих редакциях полностью (как отмечают исследователи М. Роселлини и Ж. Сальван в своей монографии «“Франсион” Шарля Сореля», причиной удаления данного эпизода стало «сосуществование грубой сексуальности и резкой критики Божественного провидения» [Rosellini, Salvan: 124]), а вместо него в начало был поставлен эпизод из более поздней части, в результате чего теперь первая часть начиналась со встречи с немым старцем, уста которого закрыты замком и могут открыться, только если буквы на нем сложатся в надпись «время пришло». После встречи с мудрецом Франсион, желая получить ответы на свои вопросы, подходит к шести деревьям, на которых вместо

листьев висят маленькие человеческие языки, прикрепленные к веткам прочными железными нитями, и болтают от сильных порывов ветра. Великан, находившийся неподалеку, испугался, что языки выболтают путнику все его тайны, и начал их рубить на мелкие куски, но его старания оказались бесполезными, так как языки расплзались и все равно продолжали разговаривать. Потом Франсион подошел к скале, на которой были записаны все прегрешения великана за его жизнь, и тот в ярости попытался разрушить камень своей саблей, но не смог его даже поцарапать и из-за отчаяния покончил собой. Во второй и третьей редакциях Ремон трактует эту часть следующим образом: «Мне кажется, что старец с замком на губах, коего вы встретили первым, олицетворяет мудрых людей, говорящих только во благовремение, тогда как болтливые язычки изображают злословцев, которые не перестают точить лясы. Что касается великана, пришедшего в ярость из-за сатиры на его жизнь, то тут имеется в виду какой-нибудь злобный государь» [Сорель: 125].

Первая часть сновидения трактуется Ремоном полностью, но при этом она больше не содержит в себе каких-либо явных непристойностей или слишком острой сатиры. Объяснения Ремоном эпизода со старцем и великаном в данном случае представляют собой расшифровку действительно заложенного в эти образы смысла, но в то же самое время подача этой трактовки представляет собой нейтральное восприятие сюжета поучительной басни – так, например, по поводу великана Ремон говорит «какой-то государь», даже не пытаясь соотнести этот образ с конкретной исторической личностью. Не менее важен сам перенос этой сцены из середины в начало сновидения, что делает на ней акцент и задает совершенно иной тон для всего дальнейшего рассказа – вместо подчеркнуто грубой непристойности и критики религии читатель начинает с почти сказочного сюжета, в котором Франсион становится пассивным зрителем и смысл которого сводится к тому, что молчание – это благо, болтающие языки не остановить даже оружием, а увековеченная на письме в виде сатиры правда о «злобном государе» переживет его, как бы тот ни старался ее уничтожить.

Вторая часть сна начинается с того, что Франсион внезапно оказывается на небесах, сам не представляя, как там очутился, и начинает изучать открывшееся ему мироустройство. По своему строению этот эпизод отсылает нас к «Сновидению Сципиона» (конец шестой книги трактата «О государстве» Цицерона), в котором герой также попадает на Небо, разговаривает со знающим человеком (в рассказе Цицерона эту функцию выполняют умершие отец и дед Сципиона, у Сореля – конюх небесной колесницы), который объясняет происходящее вокруг и отвечает на вопросы

героя. Помимо этого, следует отметить, что данный эпизод связан и с другими произведениями, в которых герой совершает космическое путешествие – подобные путешествия, в том числе и на Луну, встречались в европейской литературе довольно часто: диалог «Икароменипп, или Заоблачный полет» Лукиана (ок. 161 г.); упоминание в финальной тридцать четвертой главе второй книги романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле (1533) путешествия Пантагрюэля на Луну; сочинение «Сон, или Лунная астрономия» И. Кеплера (1634); роман «Человек на Луне» Ф. Годвина (1638); роман «Открытие Нового мира на Луне» Дж. Уилкинса (1638), роман «Иной свет, или Государства и империи Луны» Сирано де Бержерака (1657), вдохновленный рассуждениями педанта Гортензиуса в одиннадцатой книге рассматриваемого нами произведения Сореля [Sorel 4: 8–10] и т. д. Мир, открывшийся Франсиону, как и в случае со Сципионом, «создан» под влиянием существующих в современном обществе научных и религиозных представлений, но при этом радикально отличается тон повествования и цель эпизода. Так, например, итогом сновидения Сципиона становится убеждение героя в вечности души и необходимости отказаться от недостойных мыслей и от погони за наслаждениями, так как только благородная душа сможет попасть на Небо после смерти тела: «Самые благородные помышления – о благе отечества; ими побуждаемый и ими испытанный дух быстрее перенесется в эту обитель и в свое жилище» [Цицерон: 394]. Сорель же продолжает сатирическую линию романа, поэтому у него нет стремления убедить читателя в том, что он демонстрирует мир таким, как он есть на самом деле, или же привести текст к какой-либо истине или наставлению, в данном случае автор просто отражает существующие античные, христианские и научные мировоззрения (такие как звезды, закрепленные на небосводе, падение метеоров, механизированный процесс вращения сфер и планет, который отсылает нас к «Мифу об Эре» из десятой книги диалога «Государство» Платона и т. д.) и подает их в иронично-юмористической манере. Уставшие боги тянут веревки, чтобы земля крутилась, таинственные дамы, идущие в сторону Луны, пинают Франсиона, из-за чего герой шесть раз прокатывается вокруг вселенной, потому что там очень гладкий и совершенно круглый пол, а вещество, из которых состоят человеческие души – экскременты богов, которые непрерывно воюют друг с другом, а поэтому их экскременты тоже настроены друг к другу враждебно, и когда они попадают в людей, то, несмотря на то, что вещество всех человеческих душ происходит из одного бассейна, характеры у людей разные, и живут они от этого не в мире и согласии, что является сатирическим переосмыслением концепций Плато-

на о «божественной» составляющей человеческих душ [Lafond: 115]. Б. Риджли, занимавшийся вопросом так называемой «новой астрономии» во французской литературе XVI–XVII вв., объясняет такой подход Сореля его установкой как автора-сатирика не просто высмеять существующие в обществе пороки, такие как алчность, глупость, лицемерие и т. д., но и научить читателя критическому мышлению, которое бы позволило трезво рассмотреть популярные в обществе мнения, официально принятые доктрины или традиционные представления о жизни, проанализировать их, и в итоге или отвергнуть, или же исправить надлежащим образом, став при этом настоящим свободной личностью [Ridgely: 1].

Вторая часть сна Франсиона заканчивается тем, что герой спускается с Небес и, увидев двух обнаженных юношей, получающих удовольствие от погружения в узкие отверстия в земле, наполненные водой, желает также искупаться в чистом водоеме, но натывается на стекло, которое трескается у него под ногами, в результате чего он падает в пещеру. Предшествующий этому эпизод с монстрами, имеющий явную политическую направленность, так же как и начальный эпизод с озером, удален из второй и третьей редакций. В целом вторая часть сна получает довольно скупую трактовку от Ремона, заключающуюся всего в одном предложении: «Все приключения, случившиеся с вами на небе, надо толковать как легкие издевки над воззрениями философов и астрологов» [Сорель: 125], которая таким полупрезрительным обобщением снижает ценность множества представленных в тексте отсылок и пародий, но по-прежнему оставляет читателю право размышлять и трактовать этот эпизод по своему усмотрению. Таким образом, переняв уже сложившуюся в литературе схему «ночного видения» и «космического полета», которая использовалась предшествовавшими авторами, чтобы продемонстрировать «реальную модель мира», Сорель использует ее для того, чтобы изобразить в гротескном виде известные теории, поставив их таким образом под сомнение, и сподвигнуть читателя на критический анализ предложенных ему концепций.

Третья, самая непристойная из оставшихся, часть сна начинается с того, что Франсион падает в пещеру на множество женских грудей, склеенных попарно. Там его находит красивая дама, которая, обещая напоить его вкуснейшим напитком, мочится ему в рот, за что получает от Франсиона оплеуху и разлетается на части, которые герой принимает собирать обратно, не забывая между делом уделять особенное внимание некоторым частям ее тела. Затем Франсион попадает в Храм, где встречает обнаженных красавиц, которые после непродолжительного с ним взаимодействия показывают ему алтарь с «сим-

волом любви», на котором помимо этого в сосудах хранится потерянная женщинами девственность. Затем они проводят его в зал, где висят «рога» обманутых мужей, имеющих разделение в зависимости от того, приносят ли похождения жен доход их мужьям-рогоносцам, а после, когда появившийся вдруг муж Лореты Валентин бодает Франсиона своими рогами, девушки ловко зашивают его рану. После этого в пещере появляется похожая на Агату отвратительная старуха, которая затем превращается в прекрасную Лорету, обиженную на Франсиона за то, что тот не захотел ее целовать в первом образе. Бросившись на поиски сбежавшей Лореты, Франсион наконец находит ее в зале, заключенную в стеклянный футляр, а пришедшая ему на помощь дама утверждает, что Франсион подобно Валентину страдает мужским бессилием (страх перед импотенцией и даже в большей степени кастрацией встречается в романе часто, как в удаленных, так и в оставленных в третьей редакции эпизодах на протяжении всего сюжета, подробнее про это см. в работе М. Дебесьё: [Debaisieux: 89–98]), поэтому ему понадобится лечение. Лечение она предлагает не менее странное, чем то, которое назначил сам Франсион Валентину в первой книге романа, и состоит оно в том, что в зад Франсиона вставляют прутик, который затем прорастает в его голове, однако после того, как герой ради любопытства сорвал появившийся на прутике бутон, женщина сообщает, что от этого он умрет, но быстро находит способ его вылечить – его должна спасти Лорета. Однако в отличие от дам, исцеляющих своих возлюбленных поцелуем в губы, Лорета должна будет дуть Франсиону в то место, куда ранее вставлялся прутик. Франсиону эта процедура понравилась, а кроме того, она привела к тому, что стекло вокруг Лореты треснуло, и она освободилась, но как только герой собирался наконец поцеловать свою возлюбленную, его разбудил Ремон, так как в тот момент в реальности Франсион пытался поцеловать Агату (на протяжении всего романа образ продажной красавицы Лореты находится в противопоставлении с образом добродетельной итальянки Наис и состоит в неразрывной связи с образом своей приемной матери Агаты, которая является воплощением неминуемого будущего, ожидающего молодую куртизанку и всех тех, кто будет следовать ее пути, и которая в эпизоде со сном несколько раз меняется местами с Лоретой).

Третья часть сна получает куда более подробную, чем предыдущие, трактовку от Ремона: «Стекло, треснувшее, когда вы провалились в пещеру, указывает вам на непрочность мирских удовольствий. Выпитая вами женская урина означает, что радости, коих вы ищете у дам, – сплошная мерзость, и если вы одной пощечиной могли расколоть эту особу на отдельные куски, то сие показывает, сколь мало надо, чтобы

привязанность женщины расплылась и стала искать утехи на стороне. Голова и руки желали наслаждаться за счет прочих членов, ибо они хотят, чтоб их обожали за якобы присущие им качества, но качеств этих вовсе нет, и они только им представляются. Обнаженные женщины, явившиеся вам, олицетворяют всеми своими поступками светские удовольствия. Храмы невинности и рогоносцев не требуют пояснений, если Валентин боднул вас рогами, то это значит, что он не прочь с вами расправиться. Но, поскольку вы быстро выздоровели, надо полагать, что зло, которое он вам причинит, не будет иметь вредных последствий. Весьма возможно, что историю с Лоретой, которой вы могли обладать, но до которой не сумели прикоснуться, надо толковать так: вы окажетесь обманутым в то самое время, когда будете думать, что наслаждаетесь ею. Средство же, коим вас лечили от мнимого бессилия, и цветок, выросший из вашей головы и сорванный вами, а также смехотворный способ, которым вернули вас к жизни, показывают, что такая проломленная голова, как ваша, не может придумать ничего, кроме нелепостей. Предоставляю вам размышлять сколько угодно о прочих происшествиях, вроде грудей, на которых вы валялись, что же касается меня, то я не желаю сойти с ума, копясь в чужих безумствах» [Сорель: 125–126].

Добавленная во второй и сохранившаяся в третьей редакции романа готовая трактовка с уклоном в более безопасную с точки зрения современной автору цензуры сторону, если воспринимать ее независимо от первой редакции (а именно в таком виде она и доступна русскому читателю), по сути, лишает читателей возможности иных трактовок и сводит всю пестроту вероятных символов в этой фантазии к нескольким поучительным урокам, соответствующим принятым в обществе ценностям, а наиболее вольнодумные элементы из событий сна, не удаленные после первой редакции, и вовсе отрицаются как наполненные хоть каким-либо смыслом. В связи с этим невозможно не согласиться с мнением немецкого исследователя В. Лейнера, который по этому поводу замечает, что приглушенный ответ Ремона на сон в первом издании оставляет достаточно места для его интерпретации читателем, однако в последующих изданиях это пространство уменьшается [Leiner: 163].

И на этом фоне еще ярче проявляет себя «авторский» комментарий третьей редакции. Надо отметить, что комментарии «автора» появились в достаточно большом количестве именно в третьей редакции и носят они, как правило, оправдательный характер. Якобы уже умерший «автор» получает в 1633 г. во впервые появившемся обращении «К Франсиону» и в «Предупреждении читателей» [Sorel 1: XXIV–XXXII] имя – Никола Мулине сьер Дю Парк (?–1625) (подробнее о метатекстуальных играх французских романистов

см., в частности: [Голубков: 165–183]). До этого роман выходил анонимно, а все изменения второй и третьей редакции, сделанные уже явно после смерти подставного автора, в версии 1633 г. приписывались людям, обнаружившим авторские черновики и пожелавшими завершить историю Франсиона. Появившийся в тексте образ «автора» периодически прерывает повествование и обращается напрямую к читателям, осуждая своих персонажей и объясняя необходимость их существования в тексте желанием воспитать и наставить читателя. Так, например, история жизни Агаты в первой редакции заканчивалась тем, что она вознамерилась помочь Франсиону добиться Лореты, а в третьей редакции «автор» объяснял читателям, что, несмотря на мерзость этой старухи, по законам Комедии он был вынужден включить такого персонажа в сюжет, чтобы показать, какие бывают в мире гнусные люди, и чтобы отвратить самих читателей от порока. Такой же функцией обладает и комментарий «автора» относительно пересказанного Франсионом сновидения, который в итоге сводит к понятию «полной нелепицы» весь эпизод со сном от начала и до конца, косвенно осуждая при этом как Франсиона, так и Ремона. Таким образом, в третьей редакции большая часть третьей книги предстает перед нами бессмысленной, так как псевдоавтором намеренно отрицается символизм этой части – подобный сон есть только лишь «иллюзия и обман», которые к тому же являются людям, чересчур погруженным в мирскую суету и лишенным счастья спокойного сна, а целью включения эпизода со сном в текст становится якобы стремление автора показать то, как некоторые люди ведут неправильный образ жизни не только в реальности, но также и во снах.

Таким образом, при анализе сна Франсиона мы можем наблюдать снижение потенциала символической образности от первой редакции, в которой сон предстает как загадка, наполненная различными смыслами, которые читатель может и должен разгадать сам, к третьей редакции, в которой весь эпизод со сном, к тому же частично утративший самые дерзкие свои элементы, обесценивается с точки зрения смысла и сводится лишь к забавной нелепости, которую можно либо трактовать так, как предлагает Ремон, либо не трактовать вовсе, приняв это все за одну большую глупость.

Список литературы

Вю Теофиль де. Избранные сочинения: «Мне правила претят, пишу, как мысль летит...» / сост., пер., вступ. ст., коммент. М.З. Квятковской. Санкт-Петербург: Наука, 2015. 468 с.

Голубков А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. Москва: ИМЛИ РАН, 2017. 296 с.

Делон М. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века / пер. с франц. Е. Дмитриевой, И. Мельниковой, И. Кузнецовой, Г. Шумиловой. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. 896 с.

Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона / пер. с фр. Г. Ярхо. Москва: Правда, 1990. 592 с.

Цитсерон М.Т. Сновидение Сципиона / пер. В.О. Горенштейна // Эстетика. Трактаты. Речи. Письма / сост., вступ. ст. Г.С. Кнабе. Москва: Искусство, 1994. С. 387–394.

Adam A. Théophile de Viau et la libre pensée française en 1620. Paris, E. Droz, 1935, 473 p.

Debaisieux M. Le procès du roman. Écriture et contrefaçon chez Charles Sorel. Orléans, Paradigme, 2000, 188 p.

Finn Thomas P. Mythic and modern doubt: dreams in Don Quijote and Francion. Charles Sorel. Polygraphe, textes rassemblés par Emmanuel Bury et édités par Éric Van der Schueren. Les Presses de l'Université Laval, 2006, pp. 277-286.

Lafond J. Le songe de Francion revisité. Lire, Vivre Ou Menent Les Mots: de Rabelais Aux Formes Breves de La Prose. Paris, Honoré Champion, 1999, pp. 109-119.

Leiner W. Le rêve de Francion considérations sur la cohésion intérieure de l'Histoire comique de Francion. La cohérence intérieure: études sur la littérature française du dix-septième siècle présentées en hommage à Judd D. Hubert. Paris, Jean-Michel Place, 1977, pp. 157-175.

Ridgely Beverly S. The Cosmic Voyage in Charles Sorel's "Francion". Modern Philology, 1967, vol. 65, № 1, pp. 1-8.

Rosellini M., Salvan G. Le Francion de Charles Sorel. Neuilly-sur-Seine, Atlande, 2000, 288 p.

Sorel Ch. Histoire comique de Francion, réimprimée sur l'exemplaire unique de l'édition originale (1623) et sur les éditions de 1626 et 1633, et précédée d'une

introduction, par Émile Roy. Paris, Librairie Hachette, 1924, vol. 1, 197 p.

Sorel Ch. Histoire comique de Francion, réimprimée sur l'exemplaire unique de l'édition originale (1623) et sur les éditions de 1626 et 1633, et précédée d'une introduction, par Émile Roy. Paris, Librairie Hachette, 1931, vol. 4, 163 p.

References

Vio Teofil' de. *Izbrannye sochineniia*. «Mne pravila pretiat, pishu, kak mysl' letit...» [Selected essays. «I don't like the rules, I write how the thought flies...»], transl. by M.Z. Kvjatkovskaja. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2015, 468 p. (In Russ.)

Golubkov A.V. *Pretsiioznost' i galantnaia traditsiia vo frantsuzskoi salonnoi literature XVII veka* [Preciosité and gallant tradition in French salon literature of the 17th century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, 296 p. (In Russ.)

Delon M. *Iskusstvo zhit' libertena. Frantsuzskaia libertinskaia proza XVIII veka* [The Art of Living of Libertine. French Libertine prose of the XVIII century], transl. by E. Dmitrieva, I. Mel'nikova, I. Kuznecova, G. Shumilova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, 896 p. (In Russ.)

Sorel' Sh. *Pravdivoe komicheskoe zhizneopisanie Fransiona* [A true comic biography of Francion], transl. by G. Iarkho. Moscow, Pravda Publ., 1990, 592 p. (In Russ.)

Tsitseron M.T. *Snovidenie Stsipiona* [Dream of Scipio], transl. by V.O. Gorenstein. *Estetika. Traktaty. Rechi. Pis'ma* [Aesthetics. Treatises. Speeches. Letters]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 387–394. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 76–80. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 76–80. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN PSOUZA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ В.Я. ИРЕЦКОГО В СБОРНИКАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Семенова Мария Геннадьевна, Псковский государственный университет, Псков, Россия, m.g.sem@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5621-7845>

Аннотация. Данная статья посвящена художественной специфике малой прозы В.Я. Ирецкого, вошедшей в сборники Дома литераторов и Петроградского отделения Союза писателей России в 1922 г. и ранее не подвергавшейся научному осмыслению. Тексты не только свидетельствуют о развитии двух тематико-стилистических линий творчества Ирецкого 1910-х гг. на послереволюционном материале, но и позволяют заключить, что их автор выступил заметной фигурой отечественной литературы начала 1920-х гг. Выявлено, что реалистическое повествование о современности и «гравюры» о прошлом, отразившие актуальную проблематику и ставшие одной из причин высылки прозаика из России на одном из «философских пароходов» в 1922 г., идейно и стилистически соотносятся с произведениями Е.И. Замятина, А.М. Ремизова, Б.А. Пильняка, В.В. Иванова, М.А. Булгакова и других его современников.

Ключевые слова: Дом литераторов, Ирецкий, Петроградское отделение Союза писателей России, русская литература 1920-х гг., тема русской революции.

Для цитирования: Семенова М.Г. Художественное своеобразие прозы В.Я. Ирецкого в сборниках петербургских писателей // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 76–80. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

Research Article

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF VIKTOR IRETSKIY IN THE COLLECTIONS OF PETERSBURG WRITERS

Mariya G. Semenova, Pskov State University, Pskov, Russia, m.g.sem@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5621-7845>

Abstract. This article is devoted to the artistic specificity of Viktor Iretskiy, which had been included in the collections of the House of Writers and Petrograd branch of the Union of Writers of Russia in 1922 and was not previously subjected to scientific comprehension. The texts not only testify to the development of two thematic and stylistic lines of Viktor Iretskiy's work in the 1910s based on post-revolutionary material, but also allow us concluding that their author was a prominent figure in Russian literature of the early 1920s. It is revealed that the realistic narrative about the present and the "engravings" about the past, which reflected the current issues and became one of the reasons for the expulsion of the prose writer from Russia on one of "the philosophers' ships" in 1922, ideologically and stylistically correlate with the works of Yevgeny Zamyatin, Aleksey Remizov, Boris Pilnyak, Vsevolod Ivanov, Mikhail Bulgakov and other contemporaries.

Keywords: House of Writers, Viktor Iretskiy, Petrograd branch of Writers' Union of Russia, 1920s Russian literature, Russian Revolution theme.

For citation: Semenova M.G. The artistic originality of Viktor Iretskiy in the collections of Petersburg writers. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 76–80 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

Имя писателя Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936), оставившего яркий след в отечественной литературе начала XX в. [Поливанов, Чанцев: 423–424], практически не вписано в историю дореволюционной русской словесности. Художественному своеобразию отдельных произведений прозаика 1900–20-х гг. посвящено лишь несколько научных публикаций [Поливанов, Чанцев; Семенова 2018; Семенова 2021], хотя до депортации в 1922 г. Ирецкий вошел в круг заметных писателей первой трети XX в. Участник Дома литераторов и Петроградского отделения Союза писателей России, Ирецкий стал членом авторских коллективов двух художественных альманахов, изданных организациями в 1922 г., – «Петербургский сборник. Поэты и беллетристы» и «Северное утро. Петербургский сборник» [Литературная жизнь]. Обращение к его прозе начала 1920-х гг. продиктовано и стремлением изменить неверное представление о том, что революция и проблематика, связанная с ней, не нашли отражения в петербургском творчестве беллетриста [Поливанов, Чанцев: 424; Попов: 105]. Вместе с тем анализируемые тексты отразили неореалистические тенденции в творчестве писателя, включенного в литературные поиски 1910–20-х гг.: экспериментируя с типами повествования, он сформировал две тематико-стилистические линии своего творчества – «русскую» реалистическую прозу и стилизованную прозу, посвященную истории зарубежья [Семенова 2018].

Сборники 1922 г. продолжили гуманистические традиции дореволюционной культуры, отразили критическое отношение литераторов к хаосу революции. И предисловие первого альманаха – «Петербургский сборник. Поэты и беллетристы» – явилось своеобразным манифестом петроградских писателей, выразив намерение интеллигенции связать настоящее литературы с гонимым прошлым. В число «всех подлинных деятелей художественного слова, пребывающих в Петербурге, – поэтов и беллетристов, маститых и начинающих» [Петербургский сборник. Поэты и беллетристы: 3], выполняющих данную задачу (Г. Адамович, А. Ахматова, М. Кузмин, Н. Тихонов, В. Ходасевич, Е. Замятин, М. Зощенко, А. Ремизов и другие), был включен и Ирецкий.

Рассказ «Обида», отразивший главную идею книги о том, «что немислимо построить новое, грубо разрывая связь со старым» [Петербургский сборник: 3], по тематике и характеру отражения революционной эпохи сближается с другими произведениями сборника. Подобно Вс. Иванову («Лоскутное озеро»), Ирецкий изображает трагизм революционного быта и констатирует недостижимость утопических идеалов революции, как и В. Муйжель («Человек и картина»), рассуждает о бесценном даре жизни и сложном выборе между идеалами гуманизма и слу-

жением идее в смутное время. Мысль об абсурдности использования насилия для достижения справедливости сближает рассказ Ирецкого и сказки «Церковь Божия» и «Арапы» Замятина.

Произведение продолжает реалистическую линию творчества Ирецкого, развивая поднятую в ранних повестях автора тему влияния революции на жизнь семьи и воздействия антигуманистических политических тенденций на представителей старшего поколения. Изображая дом старика Прозорова, писатель словно создает образ дореволюционной России – его сильные, «кряжистые» сыновья обладают упрямым деловым характером и крепкими корнями. Внешняя безмятежность самого Прозорова обманчива: озабоченность судьбой Родины, переменившей жизненный уклад с началом Первой мировой войны и попавшей в хаос революции, завладела его разумом и породила страх смерти. Патриот одержим желанием узнать, чем «беззаконие» закончится. И эту «обиду» – революцию – Ирецкий изображает лишь парой кратких выразительных сцен, наполненных апокалипсическими чертами: «грабили среди бела дня, резали, в прорубь бросали, расстреливали...» [Петербургский сборник: 63].

Писатель, подобно А.А. Блоку, наполняет повествование о революционной стихии, сопровождаемой разбоем, фольклорными элементами. И если в поэме «Двенадцать» поэт передает атмосферу бунта тоническим типом стихосложения, свойственным народной песне [Жирмунский: 230], то Ирецкий цитирует пословицы, поговорки («...По пословице: была бы спина, найдется и вина», «...Где закон, тут и обид много» [Петербургский сборник: 63]). Так писатели сближаются в восприятии революции как стихии, понятной и близкой народу. Сюжет Ирецкого в духе современников – Б. Пильняка («Колымен-город», 1922), «Голый год», 1924), В. Иванова («Полая Арапия», 1922), М. Булгакова («Белая гвардия», 1925) – содержит мотивы цинизма и жестокости русского бунта, который оборачивается голодом, смертью, анархией, дегуманизацией общества, разрушением семейной преемственности, духовной связи с прошлым. Сцена нападения на дом героя создает Ирецким несколькими яркими штрихами, и в этом кратком, сохранившем динамизм сюжета описании угадываются контуры картин прозы Булгакова. Нежданные гости старика Прозорова, угрожавшие убийством, выстрелили «для остратки в икону Иверской Божией Матери и, не целясь, прямо Ей в уста» [Петербургский сборник: 64] попали. Святотатство сменяется чудом: революционеры оставили старика в живых. Потому приближающуюся смерть Прозоров считает несправедливой. Духом протеста наполнены его слова, обращенные к Всевышнему: «Разбойник помиловал, а Ты, Ты не хочешь! Где Твое Благоволение?» [Пе-

тербургский сборник: 66]. Уничтожившая святость ранее незыблемых истин сила революции воплощается в конце произведения – перед смертью старик не стремится к покаянию, но отрывается от Господа. Нехристианская кончина героя символизирует гибель прежней России, победу рожденного революцией духа вседозволенности над традициями отцов. Так, Ирецкий, описывая революционный быт в реалистическом ключе, осмысливает современность в контексте вневременных ценностей, живописует катастрофу уничтожения национальной самобытности, духовной связи русского человека с гуманистической культурой.

Альманах «Северное утро» объединил произведения писателей, идейно независимых от идеологии большевиков: поэзию А. Ахматовой, В. Рождественского, прозу Б. Пильняка, В. Шишкова, М. Левберг, В. Ирецкого. Писатели обращаются к теме русской и французской революций, затрагивая проблемы разрушения преемственности поколений одной семьи («Колымен-город» Б. Пильняка), борьбы сельских жителей с советской властью («Падучая» В. Шишкова), предательства под влиянием революционных идей («Бальтазар Пуль» М. Левберг).

Новеллы Ирецкого в духе стилизаций современников самобытны благодаря вниманию автора к историческим фактам. В отличие от Е. Замятина, А. Ремизова, М. Кузмина, писатель обращается исключительно к реальным событиям прошлого, чтобы, «раскрыв» малоизвестную страницу истории, выразить отношение к актуальным проблемам. Общая тема новелл и контекст – проза и поэзия иных авторов сборника, преимущественно посвященные революции, – указывают на то, что, кроме идеи о вечном конфликте творца и власти, в новеллах проступает и иной – скрытый – смысл. Своеобразие произведений обусловлено их жанром и определением Ирецкого «гравюры» – им свойственны видимая декоративность и лаконизм отражения реально произошедшей ситуации. Авторская оценка выражена лишь посредством отбора фактов, их интерпретации и упомянутым выше контекстом. Не вошедшие в сборник «Гравюры» (1921) новеллы написаны, скорее всего, в 1922 г., когда противостояние власти и петроградских писательских организаций приобретает острый характер.

Следуя собственной жанровой установке, подражая средневековым изображениям, Ирецкий создает портреты светских, религиозных деятелей и творцов. Так, эпизод из жизни придворного поэта Мануила Фила времен византийского правителя Андроника II Палеолога послужил основой произведения «Поэт». Стилизация усиливает ощущение достоверности истории. Она создается сочетанием пришедших из греческого языка архаизмов («пинкернов, коноставлов, протостраторов...») [Северное

утро: 29]] с предложениями, осложненными причастными и деепричастными оборотами, рядами однородных членов, которые поддерживают эффект размеренного возвышенного и наполненного историческими деталями повествования. События, отраженные Ирецким, происходили примерно с 1293 г. по 1345 г.: в тексте упоминаются документально подтвержденные факты биографии исторической личности – о связи Фила с древним дворянским византийским родом, его участии в заключении царского брака, о мастерстве сочинять панегирики, приводившем к получению покровительства знати. Автор ставит акцент на самоуничтожении «ученейшего поэта», «ритора, агиографа» [Северное утро: 31] в поисках признания и богатства – описанию его жалоб на бедность [Энциклопедический словарь: 858] посвящается центральная сцена новеллы. Преувеличивая трагизм своего положения, герой вызывает у деспота лишь «омерзение» [Северное утро: 30]. Автор подчеркивает, что благополучная жизнь и величие придворного певца после смерти приходят ценой жалкого существования и лжи, пускай и преобразующей действительность благодаря таланту писателя. Демонстрируя искажение личности поэта привычкой льстить, Ирецкий высказывает мысль о побеждающей несовершенство человека силе искусства: несмотря на испытываемую к благодетелям ненависть, «огонь мелочной злобы» Фила «превращался в молитву» [Северное утро: 28]. Порок творца, по мысли Ирецкого, даже против его воли питает искусство, тогда как порок власти уничтожает и священные дары. Последней идее автор посвящает вторую новеллу.

В «гравюре» «Дионисьева икона» Ирецкий, вероятно под влиянием стилизаций А. Ремизова и Е. Замятина, впервые обращается к эпизоду из русской истории. Атмосферу эпохи, стиль исторического документа создает «древнерусское» повествование, выраженное сочетанием архаичной лексики и распространенных синтаксических конструкций с использованием инверсии: «Тем часом келарь да большой подчашник, да четыре-надесять чернцов чудную икону принесли. <...> Дивный лик Пречистой мудрым живописцем преизящно был изображен» [Северное утро: 35]. Новелла описывает конфликт князя Федора Борисовича с игуменом Иосифом Волоцким [Казаков: 3], которому последний стремился положить конец, послав в дар противнику иконы Рублева и Дионисия [Скрынников: 24]. Как и в первой «гравюре», фактическая основа сюжета позволяет определить время действия: предметом изображения и интерпретации становятся события 1507–1509 гг. Воссоздавая сцену передачи иконы князю, писатель подчиняет исторически подтвержденный факт своей художественной задаче. Действие,

перенесенное на княжеский двор, развивается алогично: обладающая безусловной чистотой святыня, созданная «не по плотскому умыслу» [Северное утро: 35], искушает князя на мужеложство. Завершая новеллу описанием намерения супруги князя уничтожить образ, автор будто бы разрешает главный конфликт произведения – объясняет, как была утеряна одна из икон Дионисия. Однако мотив искушения в новелле Ирещкого контекстуально связан с темой конфликта интеллигенции и власти. С одной стороны, предмет искусства как результат свободного творчества – особенно в сопоставлении с панегириками Фила – не может стать жестом примирения с деспотом. С другой стороны, развращенная власть не способна оценить истинный смысл и ценность дара. Как видно, новеллы связаны идеей о том, что открытый диалог творца и власти обречен на неудачу. И картины прошлого иносказательно выражают мысль писателя об унижительном положении современных «придворных» льстецов, о порочности правителей, уничтожающих священное, и в то же время о непреходящем значении бесполезного, по мнению прагматиков, искусства.

Подвергнувшиеся критике советской печати в 1922 г. петроградские писательские организации и изданные ими книги были надолго вытеснены из истории литературы, как и творчество «контрреволюционера» Ирещкого [Литературная жизнь: 488, 528]. Однако малая проза беллетриста 1922 г. свидетельствует, что полузабытый сегодня писатель отразил непосредственные впечатления первых лет после революции в художественной форме и, наряду с писателями «первого» ряда (в терминологии Ю.Н. Тынянова [Тынянов]), выразил критическое отношение интеллигенции к происходившему в России 1917–22 гг. Благодаря включению в реалистическое повествование фольклорных мотивов, христианских образов и посредством экспериментов со стилизацией на материале истории Византии и Руси, литератор придал остросовременной проблематике вневременное значение. И, продолжив намеченные в раннем творчестве тематико-стилистические линии, Ирещкий в идейных и формальных поисках сблизился с более известными ныне современниками – М. Булгаковым, Е. Замятиным, В. Ивановым, М. Кузминым, Б. Пильняком, А. Ремизовым.

Список литературы

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. 407 с.

Казакон А.А. К предыстории конфликта князя Федора Борисовича Волоколамского с Иосифо-Волоцким монастырем: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2015. № 5–6. С. 3–13.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. 704 с.

Петербургский сборник. Поэты и беллетристы. Петроград: Летопись Дома литераторов, 1922. 126 с.

Поливанов К.М., Чанцев А.В. В.Я. Ирещкий // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: Г–К. Москва, 1992. Т. 2. С. 423–424.

Попов В.В. Ирещкий В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 2. Москва: Олма-Пресс Инвест, 2005. С. 105–106.

Северное утро: Петербургский альманах. Петроград: Государственная типография, 1922. 127 с.

Семенова М.Г. Забытый писатель В.Я. Ирещкий: судьба и творчество // Ломоносов-2018: материалы Междунар. молодеж. науч. форума. Москва: МАКС Пресс, 2018.

Семенова М.Г. Очерки В.Я. Ирещкого в контексте публицистики 1917–1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 53–61.

Скрынников Р.Г. Василий III. Иван Грозный. Москва: АСТ, 2008. 144 с.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Ленинград: Прибой, 1929. 596 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35А (70). Санкт-Петербург, 1902. 960 с.

References

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, 1902, vol. 35A (70), 960 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *K predystorii konflikta kniazia Fiodora Borisovicha Volokolamskogo s Iosifo-volotskim monast'riom: istochnikovedcheskii aspekt* [To the Prehistory of the Conflict of Prince Fyodor Borisovich of Volokolamsk with the Iosifo-Volotsky Monastery: the Source aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istorii* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 8, History], 2015, No. 5–6, pp. 3–13. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 2: Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, p. 2: Moscow and Petrograd. 1921–1922]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, 704 p. (In Russ.)

Peterburgskii sbornik. Poety i belletristy [St. Petersburg collection. Poets and fiction writers]. Petrograd, Letopis' Doma literatorov Publ., 1922, 126 p. (In Russ.)

Polivanov K.M., Chantsev A.V. *V.Ia. Iretskii* [V.Ya. Iretskiy]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar': G–K*. [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary: G–K]. Moscow, 1992, vol. 2, pp. 423–424. (In Russ.)

Popov V.V. *Iretskii V.* [Iretsky V.] *Russkaia literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'* [Russian literature of the 20th century. Prose writers, poets, playwrights. Biobibliographical dictionary]: in 3 vols. Vol. 2. Moscow, Olma-Press Invest Publ., 2005, pp. 105–106. (In Russ.)

Semenova M.G. *Ocherki V.Ia. Iretskogo v kontekste publitsistiki 1917–1918 gg.* [Essays by V.Ya. Iretskiy in the context of journalism 1917–1918]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, No. 468, pp. 53–61. (In Russ.)

Semenova M.G. *Zabyty pisatel' V.Ia. Iretskii: sud'ba i tvorchestvo* [The forgotten writer V.Ya. Iretsky: fate and creative work]. *Lomonosov-2018: materialy Mezhdunar. molodezh. nauch. foruma* [Materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2018”]. Moscow, MAKS Press Publ., 2018. (In Russ.)

Severnoe utro: Peterburgskii al'manakh [Northern Morning: St. Petersburg Almanac]. Petrograd, Gosudarstvennaia tipografiia (State Typography) Publ., 1922, 127 p. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. *Vasilii III. Ivan Groznyi* [Vasili III. Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ., 2008, 144 p. (In Russ.)

Tynianov Iu.N. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, 596 p. (In Russ.)

Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 407 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА М.А. ШОЛОХОВА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕРИОДИКИ
(на примере статьи Вл. Познера «Шолохов в Париже»)**

Полонская Софья Вадимовна, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, polonskaya.sofy2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика восприятия «Тихого Дона» во Франции, то, как «французский» взгляд на шолоховский роман помогал популяризировать творчество нобелевского лауреата за рубежом; анализируется роль французской периодики в дальнейшем присуждении писателю Нобелевской премии. Объектом исследования, затрагивающим рецепцию Шолохова во Франции, становится отклик русско-французского писателя и критика, представителя русской литературной диаспоры, В.С. Познера о Шолохове 1959 г. для газеты «Les lettres Française». Его статья представляет собой обзор личного и творческого пластов биографии писателя. Познер предпринимает попытку устранить барьеры непонимания шолоховских произведений, в которых большую часть повествования занимает описание сугубо русских реалий, не совсем понятных европейцу. Таким образом, критик выполняет важную просветительскую функцию. Статья о Шолохове является примером плодотворного кросс-культурного диалога между Востоком и Западом. Перед нами не просто рецепция шолоховского наследия во Франции, но восприятие советского через призму соотечественника, живущего и творящего за рубежом достаточно долго, чтобы суметь сделать образ Шолохова более доступным для европейского менталитета, но при этом прочувствовать связь личного и творческого у Шолохова более многомерно и глубоко. Акт подобной кросс-культурной коммуникации является для самого Познера в каком-то смысле возвращением к собственным корням. Так, рецепция наследия Шолохова во Франции представляет отдельную веху не только в шолоховедении, но и в диаспоральных исследованиях и эмигрантологии.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, Франция, В.С. Познер, литература русской диаспоры, Нобелевская премия, «Les lettres Française», французская критика.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00539 А «Нобелевские лауреаты Б.Л. Пастернак (1958) и М.А. Шолохов (1965) в европейской кросс-культурной коммуникации. Новые материалы к истории русской литературы 1930–1960-х гг.»

Для цитирования: Полонская С.В. Рецепция творчества М.А. Шолохова через призму французской периодики (на примере статьи Вл. Познера «Шолохов в Париже») // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 81–85. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-81-85>

Research Article

**RECEPTION OF MIKHAIL SHOLOKHOV'S OEUVRE THROUGH
THE PRISM OF FRENCH PERIODICALS
(in terms of Vladimir S. Pozner's article "Sholokhov in Paris")**

Sofya V. Polonskaya, Junior Researcher A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, polonskaya.sofya2014@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of the perception of the “And Quiet flows the Don” in France, how the “French” view of Mikhail Sholokhov’s novel helped to popularise the work of Nobel laureate abroad; the role of French periodicals in the further awarding of Nobel Prize to the writer is analysed. Russian writer and critic, representative of the Russian literary diaspora, Vladimir S. Pozner’s response about Mikhail Sholokhov in 1959 for the newspaper “Les Lettres françaises” becomes the object of the study, affecting the reception of Mikhail Sholokhov in France. His article is an overview of the personal and creative layers of the writer’s biography. V.S. Pozner attempts to remove the barriers of misunderstanding of M. Sholokhov’s works, in which most of the narrative is occupied by a description of purely Russian realities that are not entirely understandable to a European. Thus, the critic performs an important educational function. The article about Sholokhov is an example of a fruitful cross-cultural dialogue between East and West. Before us, there is not just the reception of M. Sholokhov’s heritage in France, but the perception of the Soviet through the prism of a compatriot who has been

living and creating abroad long enough to be able to make M. Sholokhov's image more accessible to the European mentality, but at the same time to feel the connection between personal and creative in M. Sholokhov more multidimensional and deeply. The act of such cross-cultural communication is for V.S. Pozner himself, in a sense, a return to his own roots. Thus, the reception of M. Sholokhov's legacy in France represents a separate milestone not only in M. Sholokhov studies, but also in diaspora studies and emigrantology.

Keywords: Mikhail Sholokhov, France, Vladimir S. Pozner, Russian Diaspora Literature, Nobel Prize, "Les lettres Française", French criticism.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), number 20-012-00539 A "Nobel laureates Boris Pasternak (1958) and Mikhail Sholokhov (1965) in European cross-cultural communication. New Materials for the History of Russian Literature in the 1930s–1960s".

For citation: Polonskaya S.V. Reception of Mikhail Sholokhov's oeuvre through the prism of French periodicals (in terms of Vladimir S. Pozner's article "Sholokhov in Paris"). *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 4, pp. 81–85 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-81-85>

Франция – вторая страна на Западе, где роман «Тихий Дон» сразу же обрел огромную популярность. К 1930-м гг. франкоязычная литературная среда в каком-то смысле поворачивается в сторону СССР, в чем мы можем убедиться исходя из огромного количества положительных отзывов на творчество Шолохова во французской периодике.

Рецепция творчества Шолохова во Франции (до вручения ему Нобелевской премии в 1965 г.) представляет собой отдельную веху в шолоховедении и имеет временную протяженность более 30 лет. Отправной точкой в данном вопросе можно считать отклик Андре Марселя для журнала «Юманите», где писатель называет «Тихий Дон» «красной Илиадой» [Marsel]. В этом же периодическом издании публиковались первые два тома романа, начиная с марта 1930 г.

На момент получения Шолоховым Нобелевской премии уже существовало достаточно большое количество французских периодических изданий разной направленности, приводящих о писателе положительные отклики. Светская газета «Фигаро» публиковала о Шолохове мнения таких известных французских литераторов, как Андре Моруа, Анри Труайя, Морис Дрюон, что, разумеется, увеличивало шансы писателя на получение Премии. Примечательна статья Миклоса Барна из католического журнала «Круа» о Шолохове и Паустовском и т. д. Поэтому к 1960-м гг. во Франции «Тихий Дон» – роман-эпопея с уже тридцатилетней историей. Переводчики романа на французский В.В. Сухомлин и Сюзанна Кампо писали в предисловии к одному из первых изданий следующее: «Благодаря "Тихому Дону" Шолохов сразу же выдвинулся в первые ряды молодых советских писателей... Впервые после революции в России появилось произведение такой значимости...» [Soukhomline, Campraux].

Объектом нашего исследования является двусторонний отклик на произведения Шолохова для газеты «Les lettres française», который представляет собой интересный феномен во французской прессе. Статья могла привлечь внимание массового читателя к Шо-

лохову и даже в чем-то повлиять на получение им через шесть лет Нобелевской премии (сам материал опубликован в 1959 г.). Речь пойдет о работе крупного писателя и медиатора франко-советских культурных связей, известного представителя русской литературной диаспоры В.С. Познера. Название статьи переводится на русский как «Шолохов в Париже. О лошадях, людях и переменах»¹.

Рассуждая о познеровском высказывании относительно творчества Шолохова, можно наметить одну важную тенденцию: в популяризации советской литературы участвуют не только французские литераторы (хотя, разумеется, их высказывания и мнения имели огромный вес для знакомства французской публики с советским писателем), но и представители русской литературной диаспоры, что, в свою очередь, ослабляет принятую в эмигрантологии дихотомию «центр» (советская литература) – «периферия» (литература эмиграции). Другой вопрос в том, что «Тихий Дон», конечно, являлся полноценной частью советской литературы, но в то же время он как бы воспарил над ней, упростив таким образом межкультурную и межнациональную литературную коммуникацию. Именно об этом своеобразии романа и говорят В.В. Сухомлин и С. Кампо.

В.С. Познер известен своими многочисленными воспоминаниями о представителях как русского, так и французского культурных миров, в том числе о Горьком, Шагале, Пикассо и многих других. Он также считается изобретателем нового интермедийного жанра в критической литературе, у которого на французском языке есть несколько вариантов названий: *témoignage*, *reportage*, *coupages de journaux*, *extraits de déclarations*, *de documents ou de dépêches*². Существует мнение, что Познер прибегал к использованию данного жанра, применяя технику монтажа. Это еще один довод в пользу того, что рассматриваемая здесь статья о творчестве Шолохова носит достаточно самобытный и разноплановый характер.

По формату статья представляет собой то, что французы называют «questionnaire» (то есть вопрос-

ник, анкета), за счет чего личность Шолохова раскрывается для читателя с самых разных сторон. Вопросно-ответная форма перебивается познеровскими вставками о биографии писателя и впечатлениями самого журналиста относительно шолоховского творчества. Например, после нескольких вопросно-ответных реплик Познер восхищенно пишет следующее: «Пятьдесят четыре года, два величайших романа советской литературы и современной мировой литературы, готовится третий роман, несколько повестей и рассказов, одним словом, Шолохов мало похож на своих современников» [Pozner]³.

Статья вышла в еженедельнике «Летр франсэз» – издании, которое было дружественно настроено по отношению к советским авторам, неоднократно печатало переводы их произведений, а также информационные статьи о культуре в СССР. Известно, что главный редактор газеты Луи Арагон и сам Познер были большими друзьями, поэтому выход статьи последнего о Шолохове представлялся достаточно естественным событием для политики издания и культурной жизни Парижа.

Однако советско-французские литературные отношения не всегда носили однозначно положительный характер. Рубеж 1930–40-х гг. ознаменовался массовым искоренением советских писателей из публичного пространства Франции. Как результат, перевод четвертого тома «Тихого Дона» вышел с большим временным отрывом от выпуска предыдущих книг, в 1949 г. Можно сказать, что познеровская статья создавалась в период всеобщей литературной оттепели.

Для Познера оказывается важным не просто оценить произведения Шолохова, основываясь на собственных культурно-эстетических компетенциях, но и показать, что собой представляет писатель как личность, чтобы таким образом приблизить его к читателю, далекому от советской культуры. В работе мы неоднократно встречаем ссылки на мнение самого Шолохова относительно замысла «Тихого Дона», объяснение, о ком и для чего он создал свой роман-эпопею. Касательно вопроса авторской концепции оказывается примечательной следующая реплика Шолохова: писателю «было важно изобразить человека в переломный исторический момент» [Pozner]. Однако статья не исчерпывается рассуждениями только лишь о «Тихом Доне», Познер кратко описывает историю создания других столпов романного наследия писателя: «Поднятой целины» (второй том увидел свет как раз в 1959 г.) и «Они сражались за родину». Благодаря такому охвату произведений статья носит по-настоящему всеобъемлющий характер. Познеровский отклик на творчество Шолохова выделяется среди лаконично-положительных отзывов французских коллег, которые были написаны до 1959 г. (примером такого лаконично-положитель-

ного отзыва можно считать статью «Шедевр советского литературы “Тихий Дон” Шолохова» в газете «L'Union Française d'information» в 1949 г.⁴). Вполне возможно, что до начала 1960-х гг. не так важно было показать, что собой представляет Шолохов как личность, достаточно было оценить роман с точки зрения чистого искусства, не вписывая его в контекст авторского житнетворчества. Однако такие события, как выход второго тома «Поднятой целины», культурная оттепель по отношению к советской литературе, преддверие Нобелевской премии (на которую Шолохова пока не выдвинули), ставили перед критиками, преследующими цель повлиять на формирование более высокого статуса советской литературы за рубежом, немного иные задачи. Так, Познер не просто дает критическую оценку шолоховскому творчеству, но и пытается как-то вписать его во французский контекст, например приводя суждения Шолохова о том, что, по его мнению, Париж 1935 г. практически ничем не отличается от современного Парижа, кроме того обстоятельства, что теперь в нем больше автомобилей. «Если не считать тот факт, что лошадей стало сильно меньше, Париж не постарел», – поясняет писатель [Pozner]. Далее он рассуждает о том, что Вопрос перемен не так прост, как кажется, потому что меняются не только города: «Не забывайте, что с моего последнего приезда сюда и я тоже постарел». На момент второго визита в Париж Шолохову было 54 года.

Познер выстраивает особую повествовательную структуру. Несмотря на то, что материал занимает всего две газетные страницы, он представляет собой научную ценность как для людей, занимающихся рецепцией шолоховского наследия в других странах, так и для диаспоральных исследований рубежа 1950–60-х гг. Статья открывается колоритным описанием внешности Шолохова – Познер описывает его как маленького казака на коне или же как крестьянина. Здесь уместно вспомнить слова французского критика-литературоведа А. Левинсона о том, что «Шолохов всецело сливается со своими героями из семьи Мелеховых, казаками и земледельцами» [Прийма: 122].

Уже с самого начала читатель видит, что для более полного понимания романа важно знать некоторые факты из биографии писателя. Познер демонстрирует связь личной и литературной жизни автора так: «Шолохов живет в Вёшенской, разрываясь между семейной жизнью (женой) и своими романами, от которых ему так же непросто отделиться, как и от своей страны <...> Именно в Вёшенской жило и живет до сих пор большинство прототипов “Тихого Дона”, тех казаков, которых описывали Гоголь и Толстой и которые благодаря Шолохову обязательно выживут» [Pozner].

Критик акцентирует внимание на портретных характеристиках: улыбка писателя – яркая ее составляющая. Познер описывает шолоховские ответные реплики следующим образом: «Он улыбается, когда говорит, и если мы видим его в первый раз, трудно определить характер его улыбки». Или же на вопрос о том, какое место новая книга Шолохова (речь о романе «Они сражались за Родину») занимает в его литературной биографии, писатель отвечает с улыбкой, которую пытается утаить, и говорит очень кратко: «Что касается места этой книги в моем творчестве, то это дело скорее не моё, а читательское. Еще в большей степени это дело критиков: они скоро уберут эту книгу на полку» [Pozner]. Примечательно рассуждение Познера о том, что выражение лица писателя представляет собой некую двойственность: при повышенной эмоциональности, выражаемой нижней частью лица (благодаря активной артикуляции), лоб писателя остается статичен и невозмутим. Подобное внимание к физиогномике Шолохова сокращает дистанцию между героем познеровского материала и потенциальным читателем.

Шолохов, по внимательному наблюдению Познера, на все вопросы отвечает кратко, даже афористично. В этом плане примечательно следующее шолоховское высказывание: «Я пишу медленно. Я не верю, что это плохо. Надо спешить, когда хочешь поймать блоху, а не когда пишешь». Лаконичные шолоховские ответы на вопросы о себе не лишены и самоиронии. На реплику о том, что писатель – чуть ли не единственный академик, не окончивший десяти классов, он отвечает следующее: «Я стал таким по ошибке, несомненно. Остальные не должны об этом знать» [Pozner].

Как было сказано выше, биографические отступления являются одной из основ познеровского восприятия Шолохова и его книг. Приводится краткий и в то же время исчерпывающий рассказ о семье, о роли станицы Вёшенской для самого Шолохова, о том, насколько прототипизированы образы «Тихого Дона». Благодаря подобным рассуждениям образы романа для французского читателя, по мнению журналиста, проступают отчетливее.

Шолохов кратко описывает обитателей казачьих станиц, говорит о самых старых среди них, тех, кто во время минувшей войны формировал кавалерийские части и не умел пользоваться ни танком, ни самолетом. Ему также задаются вопросы о казачьих традициях и их особенностях, сохраняются ли эти традиции. Писатель отвечает, что, конечно, нет, всё и все меняются, но люди меняются медленно. И вот это медленное непрерывное изменение и наблюдает Шолохов в своих романах.

«Что меня интересует, – объясняет писатель, – это показывать людей в самые критические моменты

истории, но, прежде всего, меня интересуют люди», ведь именно «во время социальных и национальных катаклизмов формируются характеры». В подобных высказываниях Шолохов предстает писателем-гуманистом, который, подобно своему соотечественнику Пастернаку, пытается говорить о человеке, который оказывается вне и выше политики.

Вопросы журналиста Шолохову достаточно разнообразны и во многом даже провокационны, например: «Как вы относитесь к советской критике?» или «Что вы думаете о своём характере?» Но писатель на всё отвечает достаточно осторожно и лаконично. Так, о своем темпераменте он говорит следующее: «Когда мне нужно говорить, я стараюсь не молчать», а вопрос о советской критике вообще обходит стороной.

Такое интермедияльное явление, как киноадаптация, Шолохов воспринимает скорее отрицательно, признается, что ему не нравится работать с режиссерами, пытающимися экранизировать его роман, поскольку они хотят убедить его, что его персонажи не такие, какими он их создал. На вопрос о том, кто его любимый писатель, Шолохов отвечает, что уважает всех талантливых писателей, как и положено писателю, но предпочитает Толстого всем остальным. Тут уместным будет вспомнить тот факт, что книжное издание «Тихого Дона» в Париже появилось в продаже еще в январе 1930 года в издательстве «Пайо» с предисловием, в котором роман Шолохова был поставлен в один ряд с эпосом Толстого «Война и мир» [Прийма: 135].

Зато Шолохов достаточно полно и даже с упоением рассказывает о том, как он общается с советскими читателями – посредством огромного количества писем каждый день. Здесь стоит упомянуть книгу, изданную ИМЛИ РАН «Очень прошу ответить мне по существу...» (письма читателей М.А. Шолохову), материалы которой могут стать существенным дополнением в изучении вопроса о рецепции творчества Шолохова во Франции. Писатель говорит о «внесловном» (всеобъемлющем) характере входящих к нему писем: от студентов, крестьян, рабочих, ученых, людей всех возрастов и любых профессий. Шолохов вспоминает один любопытный случай: В «Тихом Доне» был описан английский корабль, который был снабжён 16-дюймовыми пушками. Один моряк написал Шолохову письмо, к которому прикрепил план этого самого реально существующего корабля и указал, что на нем были не 16-дюймовые, а 14,5-дюймовые пушки.

Интервью заканчивается вопросом о путешествии по долине реки Луары. Шолохов признается, что пренебрёг знаменитыми луарскими замками и вместо этого пошел к французским крестьянам, которые, по его мнению, не сильно отличаются от советских. Статья завершается лиричными размышлениями Шо-

лохова о печальной участи своих соотечественников из менее привилегированных сословий, не восхвалением «Тихого Дона» и других своих романов: эта личная, совсем не пафосная нота раскрывает Шолохова для французов как многогранную глубокую личность.

История публикации и рецепции «Тихого Дона» во Франции представляет собой достаточно увлекательную и актуальную страницу шолоховедения. Статьи Познера представляют несомненный интерес еще и потому, что сам В.С. Познер, будучи соотечественником Шолохова и по этой причине лучше его понимающий, чем какой-либо другой европейский критик нерусского происхождения, может предложить массовому французскому читателю более глубокое понимание шолоховского наследия.

Примечания

¹ Скан данной статьи был любезно предоставлен фондом Ростовского областного музея краеведения.

² Автор статьи предлагает следующий перевод: «свидетельские показания, репортажи, вырезки из газет, выдержки из заявлений, документов или сообщений».

³ Перевод с французского здесь и далее выполнен автором статьи.

⁴ Скан данной статьи также любезно предоставлен фондом Ростовского областного музея краеведения.

Библиографический список

«Очень прошу ответить мне по существу...»: Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955 / отв. ред. Н.В. Корниенко. Москва: ИМЛИ РАН, 2020. 848 с.

Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. 499 с.

Marsel A. Comite de la Defense de «L'Humanite». 12.5.1930.

Pozner V. Cholohov à Paris. Des chevaux, des hommes et du changement. Les lettres française. Paris. 23.4.1959.

Soukhomline V. et Campaux S. La preface sur 1. vol. M. Cholokhow: Sur le Don Paisible. Paris, Payot, 1930.

References

“Ochen' proshu otvetit' mne po sushchestvu...”: Pis'ma chitatelei M.A. Sholokhovu. 1929–1955 [“I beg you to answer me in essence...”: Letters from readers M.A. Sholokhov. 1929–1955], ed. by N.V. Kornienko. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, 848 p. (In Russ.)

Priima K.I. “Tikhii Don” srazhaetsia [“Quiet Don” is fighting]. Rostov-na-Donu, Rostovskoe kn. izd-vo Publ., 1972, 499 p. (In Russ.)

Marsel A. Comite de la Defense de “L'Humanite”. 12.5.1930. (In French.)

Pozner V. Cholohov à Paris. Des chevaux, des hommes et du changement. Les lettres française. Paris. 23.4.1959. (In French.)

Soukhomline V. et Campaux S. La preface sur 1. vol. M. Cholokhow: Sur le Don Paisible. Paris, Payot, 1930. (In French.)

Статья поступила в редакцию 04.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 18.11.2022.

The article was submitted 04.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 18.11.2022.

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 86–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 86–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 070

EDN VWEWCQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-86-92>

УСИЛЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ГОЛОСА В НОВОСТЯХ КАК ТРЕНД ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Агнстикова Ольга Игоревна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Аннотация. Конвенции, традиционно приписываемые журналистике, в современных условиях все чаще оспариваются теоретиками и практиками медиасреды, что актуализирует проблему устойчивости нормативного ядра профессии. Угроза умаления идеалов объективности и нейтральности вызывает необходимость изучения возможного усиления журналистского голоса как тренда, получающего распространение в эпоху цифровых и социальных медиа. В данной статье, вносящей вклад в соответствующую область эмпирических исследований, анализируются авторская оценочность и субъективность в новостной журналистике как области, нормативный статус которой исконно противопоставит выдвигению на первый план авторской позиции. На примере BuzzFeed News, Life, Regnum, «UnCos|Новости», «НEXабар», Tengrinews определяется степень выраженности индикаторов субъективного журналистского голоса в политических новостях кризисного и внекризисного периодов. Полученные результаты сопоставляются с интенсивностью проявлений авторского голоса в новостных текстах, созданных в русле традиционной медиалогики. Обозначаются взаимосвязи между силой журналистского голоса и критическим содержанием публикаций. Автор обнаруживает расширение журналистского присутствия в новостях, достигаемое благодаря выходу за пределы режима стратегического обезличивания. Делается вывод о наблюдаемом в цифровой среде отклонении от практик следования объективному репортерскому голосу.

Ключевые слова: новости, журналистский голос, журналистские нормы, нейтральность, объективность, оценочность, цифровые медиа.

Для цитирования: Агнстикова О.И. Усиление присутствия субъективного журналистского голоса в новостях как тренд цифровой среды // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 86–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-86-92>

Research Article

STRENGTHENING THE PRESENCE OF SUBJECTIVE JOURNALISTIC VOICE IN THE NEWS AS A TREND OF THE DIGITAL ENVIRONMENT

Olga I. Agnistikova, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Tatarstan autonomy, Russia, agniolya570@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

Abstract. The conventions traditionally attributed to journalism are increasingly challenged by theorists and practitioners of the media environment in modern conditions, which actualises the problem of the sustainability of the profession's normative core. The threat of the diminution of the ideals of objectivity and neutrality raises the need to study the possible strengthening of the journalistic voice as a trend that is gaining ground in the era of digital and social media. On the example of BuzzFeed News, Life, Regnum, UnCos|News, NeKhabar, Tengrinews, the degree of expression of the indicators of subjective journalistic voice in political news in crisis and non-crisis periods is determined. The results are compared with the intensity of the manifestation of the author's voice in the news texts created in line with the traditional media logic. The interconnections between the strength of the journalistic voice and the critical content of the publications are outlined. The author reveals the expansion of journalistic presence in the news, achieved by moving beyond the mode of strategic depersonalisation. The conclusion is made about the observed deviation in the digital environment from the practices of following an objective reporter's voice.

Keywords: news, journalistic voice, journalistic norms, neutrality, objectivity, evaluation, digital media

For citation: Agnistikova O.I. Strengthening the presence of subjective journalistic voice in the news as a trend of the digital environment. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 86–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-86-92>

Преобразования в журналистских практиках, возникшие под влиянием цифровизации, включая, например, пересечение журналистики и социальных медиа, актуализируют вопросы устойчивости нормативного ядра профессии. «Стерильная объективность эпохи модерна» [Marchi: 258] все чаще оспаривается, а традиционная дихотомия «факт – мнение» становится размытой [Peters: 298]. В этих условиях становится актуальным выявление тенденций, связанных с интенсивностью журналистской субъективности и оценочности, особенно в новостных текстах, традиционно исключаящих голос автора.

В литературе высказывается мысль, что новости, мнения и эмоции становятся неотличимыми друг от друга во время политических кризисов, создавая «аффективные новостные потоки» [Papacharissi, de Fatima Oliveira: 279]. Описываются тактики, нацеленные на субъективизацию новостных сообщений [Сподарец]. Обнаруживаются отклонения от установившихся моделей делегирования субъективности внешним источникам, исследуются оценочные паттерны и стратегии смягчения оценочности в новостях [Rantsudu]. Измеряется выраженность категорий субъективности, авторского отношения в новостной журналистике [Pounds]. Выявляются лингвистические формы, сигнализирующие об интенсивности эмоционально-оценочных проявлений в ней [Koivunen et al.]. Эмпирически подтверждается стремление редакций придать субъективное измерение новостям в социальных сетях [Welbers, Opgenhaffen]. Раскрывается специфика лингвистических оценочных ресурсов, к которым прибегают авторы при освещении определенных событий [Mugumya].

Однако эмпирическая база по интересующей нас проблематике представлена в основном газетами. Слабо выражен сравнительный аспект исследований: анализ проводится обычно в рамках одной страны. Почти не затронутыми остаются политические новости. Данное исследование призвано восполнить названные пробелы.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Мы исходим из того, что новостной контент должен содержать только такие явно выраженные оценочные элементы, которые приписываются внешним источникам, а не самому журналисту как автору [Martin, White: 169]. Это утверждение связано с существованием двух типов «голоса» в текстах: авторский и «атрибутивный» [Rantsudu: 45, 49]. Первый из них присваивается всем оценкам, которые были выражены автором, в то время как второй относится к оценкам, выраженным внешними источниками. Нами учитывается дихотомия объективного и субъективного «журналистского голоса» [White: 58–61].

В отличие от второго, первый вид (репортерский голос), выступая «режимом стратегического обезличивания, при котором субъективная роль автора отходит на второй план» [Martin, White: 183], предполагает, что журналист не выражает собственное мнение. Субъективный голос подразделяется на голос корреспондента и комментатора, последний из которых характеризуется отсутствием ограничений на оценки, интерпретации, суждения, которые не приписаны третьему лицу [White: 195, 199].

Учитывая, что степень объективности (субъективности) «связана с противопоставлением “авторского” и “опосредованного” голоса» [Pounds: 110], обратимся к категориям, которые реализуются в непосредственных («неатрибутивных») контекстах: авторская оценка событий, явлений, ситуаций; авторская интерпретация (указание на причины и следствия) [Pounds: 108, 109]. Авторская оценка выявлялась нами с помощью следующих индикаторов:

- 1) на лексическом уровне – прилагательные, существительные, глаголы, наречия с оценочной семантикой [Телегина: 69, 70, 78];
- 2) на грамматическом уровне – оценочная аффиксация, вопросительные и восклицательные конструкции [Добросклонская: 140; Зимица: 104];
- 3) на стилистическом уровне – тропы и фигуры речи [Строкан: 44].

Под авторской интерпретацией понимались объяснения, выдвинутые журналистом и выходящие за рамки фактов или заявлений источников новостей [Salgado, Strömbäck: 148, 159]. Обозначим следующие индикаторы авторской интерпретации [Välivegronen: 387, 388]: 1) ретроспективные рассуждения – указание на причины событий, упоминание возможных мотивов действий тех или иных субъектов; 2) проспективные рассуждения – предположения о возможных последствиях событий, действий или высказываний.

Отталкиваясь от предложенного исследователями разделения аффекта по субъектам, которым принадлежит эмоциональная реакция, примем в качестве анализируемых категорий упоминание авторских аффективных реакций, а также интерпретируемого (конструируемого) аффекта, охватывающего трактовку пишущим эмоционального состояния третьих лиц [Stenvall: 117–118]. Определим, употребляются ли «маркированные» глаголы речи (например, «предостерег», «осудил») [Hartu: 1044, 1046]. Обратимся к таким лексико-грамматическим индикаторам субъективности, как местоимения первого и второго лица; средства выражения субъективной модальности (вводные конструкции; модальные предикативы; ментальные глаголы; модальные частицы) [Pounds: 109].

Эмпирической базой исследования послужили: онлайн-медиа BuzzFeed News (США) и Life (РФ),

информационное агентство Regnum (РФ), Telegram-каналы «UnCos|Новости» (РФ), «HEXабар», Tengrinews (Казахстан). Выбирая данные источники, мы ориентировались на их четко обозначенную новостную природу. Мы стремились охватить медиа из разных стран, как связанные с крупными брендами (Regnum, Life), так и «исконно цифровые» (BuzzFeed News, Tengrinews), в том числе представленные исключительно на одной площадке («HEXабар», «UnCos|Новости»). Из каждого источника были случайным образом отобраны по 100 политических новостей, опубликованных во внекризисный и кризисный периоды. Последний включает: для российского контекста – акции протеста 2019 г. в Москве (20 июля, 27 июля, 10 августа), для североамериканского – захват Капитолия в Вашингтоне 6 января 2021 г., для казахстанского – гражданские протесты 2–11 января 2022 г. Присутствие субъективного журналистского голоса выявлялось на основе определения процентного соотношения текстов, в которых содержались раскрытые выше индикаторы.

Выдвигая гипотезу об усиливающейся интенсивности эмоционально-оценочных проявлений в современном новостном контенте, мы сравниваем его с текстами, соответствующими традиционной медиалогике. Для такого сопоставления нами были отобраны 100 новостных текстов, опубликованных в печатной версии газеты The New York Times (NYT) и доступных в архиве (<https://www.nytimes.com/section/todaypaper>). Мы исследовали по 50 материалов, датируемых периодами 2016–2018 и 2019–2021 гг., сравнивая степень представленности вышеобозначенных индикаторов на страницах бумажного

издания NYT и в текстах вышеупомянутых новостных медиа.

Результаты исследования

Сравнительный анализ новостных текстов, функционирующих согласно логике цифровой и традиционной медиасреды, позволяет говорить о расхождениях между ними по степени выраженности индикаторов авторской субъективности (табл. 1).

В новостях NYT не наблюдается существенной разницы в степени выраженности индикаторов журналистской субъективности в исследуемые отрезки времени. Выражающие оценку части речи в «неатрибутивных» контекстах встречались лишь эпизодически (максимальная доля не превышала 5 %). То же самое касается вопросительных и восклицательных конструкций, местоимений первого и второго лица, средств выражения субъективной модальности. К тропам и фигурам речи авторы обращались несколько чаще, как и к маркированным репортажным глаголам.

Напротив, для остальных объектов нашей эмпирической базы характерен сдвиг в сторону усиливающегося присутствия журналистского голоса. В сравнении с NYT фиксируется заметное увеличение доли многих показателей авторской субъективности, особенно во второй анализируемый период. В наибольшей степени возросла частота встречаемости прилагательных с семантикой оценки, местоимений первого и второго лица, субъективной модальности, восклицательных и вопросительных конструкций.

Анализ авторского присутствия в текстах новостей цифровой среды показал следующее (табл. 2).

На лексическом уровне авторская оценка репрезентирована чаще всего прилагатель-

Таблица 1

Степень выраженности субъективного журналистского голоса в новостных текстах (в % от общей выборки, 2016–2018, 2019–2021)

Наименование индикатора	NYT		BuzzFeed News		Regnum		Tengrinews		«HEXабар»		«UnCos Новости»		Life	
существительные с оценочной семантикой	3	3	3	7	6	12	–	–	2	4	16	22	7	9
прилагательные с оценочной семантикой	4	5	18	21	9	11	4	6	7	9	21	26	29	32
глаголы с оценочной семантикой	1	2	8	9	8	14	2	4	1	2	7	9	8	9
наречия с оценочной семантикой	2	3	7	6	2	3	1	1	4	3	7	10	4	5
оценочная аффиксация	1	1	2	4	–	–	–	–	2	3	8	11	4	3
вопросительные и восклицательные конструкции	3	2	4	7	–	–	11	12	13	15	19	22	–	–
тропы и фигуры речи	6	8	9	12	8	7	–	–	3	4	5	7	2	3
ретроспективные рассуждения	9	11	6	8	2	8	–	–	1	1	2	2	1	2
проспективные рассуждения	10	11	5	5	4	6	–	–	1	1	2	3	2	1
субъективная модальность	5	4	4	9	–	–	1	1	2	2	8	12	–	–
местоимения первого и второго лица	1	2	5	7	–	–	9	13	4	6	3	5	–	–
авторские аффективные реакции	–	–	1	2	–	–	–	–	3	2	8	9	–	–
конструируемые аффективные реакции	3	4	1	2	2	1	–	–	–	–	1	1	3	6
маркированные репортажные глаголы	6	6	2	3	5	4	1	1	1	1	3	3	3	4

Таблица 2

**Степень выраженности субъективного журналистского голоса в новостных текстах
(в % от общей выборки, внекризисный и кризисный периоды)**

Название индикатора	BuzzFeed News		Regnum		Tengrinews		«НEXХабар»		«UnCos Новости»		Life	
	3	15	9	16	–	–	2	1	17	23	6	9
существительные с оценочной семантикой	3	15	9	16	–	–	2	1	17	23	6	9
прилагательные с оценочной семантикой	20	31	9	13	5	7	7	8	25	38	30	35
глаголы с оценочной семантикой	8	17	7	12	1	2	3	1	6	14	9	11
наречия с оценочной семантикой	6	10	2	5	1	1	3	4	7	20	4	8
оценочная аффиксация	1	6	–	–	–	–	1	2	8	17	2	3
ретроспективные рассуждения	6	12	2	3	–	–	1	1	2	9	1	1
перспективные рассуждения	5	10	3	4	–	–	2	2	3	14	1	2
тропы и фигуры речи	9	30	7	11	–	–	3	2	4	16	2	5
маркированные репортажные глаголы	1	5	4	7	1	1	1	1	2	6	3	10
авторские аффективные реакции	1	2	–	–	–	–	3	1	7	10	–	–
конструируемые аффективные реакции	1	3	1	4	–	–	–	–	1	1	2	6
местоимения первого и второго лица	4	3	–	–	10	12	3	10	5	4	–	–
вопросительные и восклицательные конструкции	3	5	–	–	6	1	10	1	19	23	–	–
субъективная модальность	3	5	–	–	1	1	3	1	5	7	–	–

ными. В BuzzFeedNews и «UnCos|Новости» примерно каждый пятый и каждый четвертый текст, соответственно, отмечены присутствием данного индикатора. Относительно велика доля подобных публикаций и в Life (30 %). Частотность применения этого лексического средства в иных источниках ниже и варьируется от 5 % (Tengrinews) до 10 % (Regnum). В проанализированной нами выборке использование данного лингвистического ресурса связано с выражением личного суждения о нравственных или профессиональных качествах политических акторов, а также с оценкой принимаемых ими решений: «мэр был несовершенно человеком»¹; «Странная инициатива»². С помощью прилагательных акцентируются негативные характеристики определенных политических персон, в критическом ключе оценивается их деятельность, задействуются фреймы морального обвинения, атрибутирования вины и ответственности: «это стало одной из самых громких неудач правительства»³.

Частота встречаемости наречий, связанных с оценкой, варьируется в пределах от 1 % (Tengrinews) до 7 % («UnCos|Новости»). С помощью наречий, как и с помощью прилагательных, автором выражается отношение к деятельности индивидуальных или институциональных субъектов в политическом поле: «она показала, насколько хорошо может контролировать сцену»⁴. Наречия нередко выполняют функцию интенсификации оценки: «Звучит довольно амбициозно»⁵. Присутствие существительных с оценочной семантикой наиболее заметно в «UnCos|Новости» (17 %), где через использование подобного средства выражается негативное отношение к социально неодобряемому поведению: «Очередной распил денег»⁶. По количеству глаголов с оце-

ночным значением в лидерах – BuzzFeedNews (8 %) и Life (9 %). Такие глаголы обычно несут пейоративную нагрузку: «"Нафтогаз" пытается заполучить активы Газпрома в Люксембурге»⁷.

Оценочная аффиксация, чаще других употребляемая в текстах «UnCos|Новости» (8 %), способствует увеличению экспрессивности: «Властям... припомнили пластиковые тюльпаны за 15 млн тенге»⁸. Фигуры речи и тропы, усиливающие авторское присутствие и выступающие общим выражением субъективности, в наибольшей степени свойственны Regnum (7 %) и BuzzFeedNews (9 %). Распространены метафоры, эпитеты, гиперболы, ирония, фразеологизмы, сравнения: «ожесточенное поле битвы»⁹.

Выражения авторского аффекта фигурируют в BuzzFeed News, «НEXХабаре», «UnCos|Новости». Обычно речь идет о личном и эмоционально окрашенном отношении к событию: «...Отмена прецедента по делу Роу против Уэйда пугает»¹⁰. Конструируемые аффективные реакции, будучи представленными во всех источниках, кроме каналов Tengrinews и «НEXХабар», подчеркивают негативную тональность, укрепляя фрейм конфликта: «В парламенте Киргизии возмущены поведением посла США»¹¹. Местоимения первого и второго лица, обеспечивая сопричастность, в равном объеме используются в публикациях BuzzFeed News и «UnCos|Новости». Восклицания и вопросы заметны в текстах Telegram-каналов: «И регионам (наконец!) перепадет»¹².

В кризисных контекстах складывается несколько иная картина. В одной группе источников (Regnum, «UnCos|Новости», Life, BuzzFeed News) наблюдается возрастание доли большинства индикаторов авторских оценок, интерпретаций. Наиболее ярко это

проявляется в «UnCos|Новости» и BuzzFeed News, где этот рост наиболее заметен. В другой группе источников (Tengrinews, «НEXабар»), напротив, данные индикаторы остались почти на том же уровне. Маркированные репортажные глаголы в кризисные периоды употреблялись достаточно часто в Life, BuzzFeed News и Regnum, что нередко способствовало активизации конфликтного дискурса: «...Оправдывает попытку государственного переворота своих сторонников очередной ложью о выборах»¹³. Авторские аффективные реакции там, где они встречались во внекризисных периодах, возросли (кроме «НEXабара»). По степени выраженности внешнего конструируемого аффекта в лидерах – Regnum, Life.

Выводы

Журналистские конвенции, благодаря которым от новостей можно ожидать фактологического, обезличенного стиля изложения [Pounds: 113], подвержены утрате устойчивости в современной цифровой среде. Демонстрируемые в новостных ресурсах «оценочные ключи» [Martin, White: 165] обнаруживают связь с категориями «анализ» и «комментарий/мнение». Хотя для новостей типично «избегание наиболее явных форм выражения взглядов и присутствия автора в качестве интерпретатора» [Pounds: 108], наш эмпирический анализ показал проникновение в новостной дискурс отдельных элементов субъективного журналистского голоса. Кризисные контексты обычно выступают одними из факторов, усиливающих авторский эмоционально заряженный голос, но некоторые новостные ресурсы демонстрируют в эти периоды более взвешенный подход, снижая долю оценочных и субъективных элементов.

С одной стороны, практика включения авторских мнений создает диалогический стиль, в результате чего новости выстраиваются как «интерсубъективно разделяемое, экспрессивное, аффективное и дискурсивное пространство» [Ruotsalainen, Hujanen, Villi: 2253], способное воскресить интерес граждан к общественно значимой информации [Peters: 310, 311]. С помощью маркеров авторской оценочности конструируется вовлеченный дискурс с чертами персуазивного стиля [Haan-Vis, Spoogen: 141, 142]. Этот тренд можно рассматривать в русле новой медиалогии, отмеченной печатью субъективности и эмоциональности [Welbers, Orgenhaffen: 47].

С другой стороны, такой подход проблематичен применительно к новостям, поскольку бросает вызов жесткой фактологичности. Кроме того, возрастание интерпретационной автономии автора [Harry: 1053] может приводить к конструированию конфликтного дискурса.

Таким образом, идеал нейтральности и соотносящиеся с ним практики могут стать более необходимыми «в мире размытых границ, обеспечивая

экзистенциальную основу профессиональной журналистики» [Ruotsalainen, Hujanen, Villi: 2253].

Примечания

¹ Why D.C. Will Always Love Marion Barry. URL: <https://clck.ru/32pAgr> (дата обращения: 10.09.2022).

² Губернатор Санкт-Петербурга предложил поставить памятник азербайджанцам, защищавшим город в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://clck.ru/32pAhe> (дата обращения: 10.09.2022).

³ Prosecutors Dropped A High-Profile Fight To Keep Two Alleged Capitol Rioters In Jail. URL: <https://clck.ru/32pAiP> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Kamala Harris Just Showed How She'd Debate Trump. URL: <https://clck.ru/32pAib> (дата обращения: 10.09.2022).

⁵ Қазақ еліне +1 партия! URL: <https://clck.ru/32pAqi> (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ Очередной распил денег у нас в новостях. URL: <https://clck.ru/32pAsS> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ «Нафтогаз» пытается заполучить активы Газпрома в Люксембурге. URL: <https://clck.ru/32pAte> (дата обращения: 10.09.2022).

⁸ Властям Актау припомнили пластиковые тюльпаны за 15 млн тенге. URL: <https://clck.ru/32pAuL> (дата обращения: 10.09.2022).

⁹ A CDC Investigation Says West Virginia Needs Needle Exchanges – Which The State Outlawed – To Stop Its HIV Outbreak. URL: <https://clck.ru/32pAum> (дата обращения: 10.09.2022).

¹⁰ The Fall Of Roe V. Wade Is Frightening, But We've Got To Help Each Other. URL: <https://clck.ru/328Usf> (дата обращения: 10.09.2022).

¹¹ В парламенте Киргизии возмущены поведением посла США. URL: <https://clck.ru/328UsH> (дата обращения: 10.09.2022).

¹² И регионам (наконец!) перепадёт. URL: <https://clck.ru/328W7G> (дата обращения: 10.09.2022).

¹³ Something Weird's Happening In This Senate Race: Fun. URL: <https://clck.ru/328Unz> (дата обращения: 10.09.2022).

Список литературы

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). 2-е изд., стереотип. Москва: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

Зимина Е.А. Оценочные стратегии информационных статей и комментариев в немецкоязычном газетном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 179 с.

Сподарец О.О. Реализация стратегии субъективизации в новостном политическом медиадискурсе (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 24 с.

Строкан Е.В. Языковые средства выражения оценки института монархии (на материале современной британской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2021. 196 с.

Телегина В.А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты (на материале современной французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2021. 200 с.

de Haan-Vis K., Spooren W. Informalization in Dutch journalistic subgenres over time. URL: <https://clck.ru/328ZVz> (дата обращения: 10.09.2022).

Harry J.C. Journalistic quotation: Reported speech in newspapers from a semiotic-linguistic perspective. *Journalism*, 2014, vol. 15, № 8, pp. 1041–1058. <https://doi.org/10.1177/1464884913504258>

Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E. Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*, 2021, vol. 22, № 5, pp. 1190–1206. <https://doi.org/10.1177/1464884920985724>

Marchi R. With Facebook, Blogs, and Fake News, Teens Reject Journalistic “Objectivity”. *Journal of Communication Inquiry*, 2012, vol. 36, № 3, pp. 246–262. <https://doi.org/10.1177/0196859912458700>

Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke, Palgrave, 2005, 278 p.

Mugumya L. “Stealing Money” OR “Embezzling Public Funds”: Construing Sleaze in the Ugandan Press via Legalese. *Journalism*, 2022, vol. 23, № 6, pp. 1338–1357. <https://doi.org/10.1177/1464884920965412>.

Papacharissi Z., de Fatima Oliveira M. Affective news and networked publics: The rhythms of news storytelling on Egypt. *Journal of Communication*, 2012, vol. 62, № 2, pp. 266–282. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01630.x>

Peters C. Emotion aside or emotional side? Crafting an “experience of involvement” in the news. *Journalism*, 2011, vol. 12, № 3, pp. 297–316. <https://doi.org/10.1177/1464884910388224>

Pounds G. Attitude and subjectivity in Italian and British hard-news reporting: The construction of a culture-specific “reporter” voice. *Discourse Studies*, 2010, vol. 12, № 1, pp. 106–137. <https://doi.org/10.1177/1461445609346777>

Rantsudu B. Stance and Objectivity in hard news reporting: thesis submitted in partial fulfilment of the degree of Doctor of Philosophy. Wales, 2018, 303 p.

Ruotsalainen J., Hujanen J., Villi M. A future of journalism beyond the objectivity-dialogue divide: Hybridity in the news of entrepreneurial journalists. *Journalism*, 2021, vol. 22, № 9, pp. 2240–2258. <https://doi.org/10.1177/1464884919867216>

Salgado S., Strömbäck J. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key find-

ings. *Journalism*, 2012, vol. 13, № 2, pp. 144–161. <https://doi.org/10.1177/1464884911427797>

Stenvall M. Captured by conventions: On objectivity and factuality in international news agency discourse. Helsinki, 2011, 360 p.

Väliverronen J. Political Journalism Content in a New Era: The Case of Finnish Newspapers, 1995–2015. *European Journal of Communication*, 2022, vol. 37, № 4, pp. 373–392. <https://doi.org/10.1177/02673231211072662>

Welbers K., Opgenhaffen M. Presenting News on Social Media. *Digital Journalism*, 2019, vol. 7, № 1, pp. 45–62. <https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1493939>

White P.R.R. *Telling Media Tales: the News Story as Rhetoric: a thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Sydney, 1998, 422 p.

References

Dobrosklonskaja T.G. *Voprosy izuchenija mediatekstov (opyt issledovanija sovremennoj anglijskoj mediarechi)* [Issues in the Study of Media Texts (Experience in the Study of Modern English Media Speech)], 2nd, stereotypic, edition. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005, 288 p. (In Russ.)

Spodarets O.O. *Realizatsiia strategii sub"ektivizatsii v novostnom politicheskom media-diskurse (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka): dis. ... kand. filol. nauk.* [Implementation of the Subjectivization Strategy in Political News Media Discourse (in Modern English): PhD thesis]. Ufa, 2011, 24 p. (In Russ.)

Strokan E.V. *Jazykovye sredstva vyrazhenija ocenki instituta monarhii (na materiale sovremennoj britanskoj pressy)* [Linguistic means of assessing the institution of the monarchy (in the modern British press)]: Philological sciences candidate’s thesis. Saint Petersburg, 2021, 196 p. (In Russ.)

Telegina V.A. *Sredstva vyrazheniia otsenki v kharakteristike politicheskoi elity (na materiale sovremennoi frantsuzskoi pressy): dis. ... kand. filol. nauk.* [Means of Evaluation in Characterising the Political Elite (in the Modern French Press): PhD thesis]. Belgorod, 2021, 200 p. (In Russ.)

Zimina E.A. *Ocenochnye strategii informacionnyh statej i kommentariev v nemeckojazychnom gazetnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Evaluative strategies of news articles and commentaries in German-language newspaper discourse: PhD thesis]. Moscow, 2005, 179 p. (In Russ.)

de Haan-Vis K., Spooren W. Informalization in Dutch journalistic subgenres over time. URL: <https://clck.ru/328ZVz> (accts date: 10.09.2022).

Harry J.C. Journalistic quotation: Reported speech in newspapers from a semiotic-linguistic perspective. *Journalism*, 2014, vol. 15, № 8, pp. 1041–1058. <https://doi.org/10.1177/1464884913504258>

Koivunen A., Kanner A., Janicki M., Harju A., Hokkanen J., Mäkelä E. Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*, 2021, vol. 22, № 5, pp. 1190–1206. <https://doi.org/10.1177/1464884920985724>

Marchi R. With Facebook, Blogs, and Fake News, Teens Reject Journalistic “Objectivity”. *Journal of Communication Inquiry*, 2012, vol. 36, № 3, pp. 246–262. <https://doi.org/10.1177/0196859912458700>

Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke, Palgrave, 2005, 278 p.

Mugumya L. “Stealing Money” OR “Embezzling Public Funds”: Construing Sleaze in the Ugandan Press via Legalese. *Journalism*, 2022, vol. 23, № 6, pp. 1338–1357. <https://doi.org/10.1177/1464884920965412>

Papacharissi Z., de Fatima Oliveira M. Affective news and networked publics: The rhythms of news storytelling on Egypt. *Journal of Communication*, 2012, vol. 62, № 2, pp. 266–282. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01630.x>

Peters C. Emotion aside or emotional side? Crafting an “experience of involvement” in the news. *Journalism*, 2011, vol. 12, № 3, pp. 297–316. <https://doi.org/10.1177/1464884910388224>

Pounds G. Attitude and subjectivity in Italian and British hard-news reporting: The construction of a culture-specific “reporter” voice. *Discourse Studies*, 2010, vol. 12, № 1, pp. 106–137. <https://doi.org/10.1177/1461445609346777>

Rantsudu B. Stance and Objectivity in hard news reporting: thesis submitted in partial fulfilment of the degree of Doctor of Philosophy. Wales, 2018, 303 p.

Ruotsalainen J., Hujanen J., Villi M. A future of journalism beyond the objectivity-dialogue divide: Hybridity in the news of entrepreneurial journalists. *Journalism*, 2021, vol. 22, № 9, pp. 2240–2258. <https://doi.org/10.1177/1464884919867216>

Salgado S., Strömbäck J. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 2012, vol. 13, № 2, pp. 144–161. <https://doi.org/10.1177/1464884911427797>

Stenvall M. Captured by conventions: On objectivity and factuality in international news agency discourse. Helsinki, 2011, 360 p.

Välvirronen J. Political Journalism Content in a New Era: The Case of Finnish Newspapers, 1995–2015. *European Journal of Communication*, 2022, vol. 37, № 4, pp. 373–392. <https://doi.org/10.1177/02673231211072662>

Welbers K., Opgenhaffen M. Presenting News on Social Media. *Digital Journalism*, 2019, vol. 7, № 1, pp. 45–62. <https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1493939>

White P.R.R. *Telling Media Tales: the News Story as Rhetoric: a thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Sydney, 1998, 422 p.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 93–98. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 93–98. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 811.161.1'28

EDN WBGSD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-93-98>

ОРЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ РУССКОГО НАРОДНОГО СЛОВА: ОРЛОВСКО-КОСТРОМСКИЕ СВЯЗИ

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. В статье анализируются новые произведения диалектологов из Орловского госуниверситета им. И.С. Тургенева: выпуски масштабного алфавитного Словаря орловских говоров и небольших тематических словарей, монографий, научных статей и т. д. Затрагивается также тема многолетних научно-культурных связей костромских и орловских диалектологов в виде выступлений на конференциях, проводимых в КГУ в последние годы. Очередные два тома «Словаря орловских говоров»: выпуск 16, на буквы У – Ф, и выпуск 17, на буквы Х – Ц [СОГ-16; СОГ-17], – рассматриваются в сравнительном плане с аналогичными словарными коллекциями этого и других регионов по количественному наполнению, составу и источнику словника, особенностям семантизации лексики. Определяется вклад их составителей, научного редактора выпусков Словаря, а также их соратников и коллег в дело изучения орловских народных говоров, затрагивается вопрос и об опоре их на труды предшествующих поколений орловских лингвистов. Отмечаются работы тех представителей орловской диалектологической школы под руководством Татьяны Васильевны Бахваловой, которые способствовали укреплению научных связей, тематически и предметно, с костромскими диалектологами путём участия в совместных исследовательских проектах и научных собраниях, в основном связанных с систематическим проведением в КГУ Громовских чтений. Делается вывод о плодотворности форм сотрудничества орловских и костромских диалектологов.

Ключевые слова: орловская диалектологическая школа, костромские диалектологи, Словарь орловских говоров, Т.В. Бахвалова, А.В. Громов.

Для цитирования: Ганцовская Н.С. Орловские исследователи русского народного слова: орловско-костромские связи // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 93–98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-93-98>

Research Article

ORYOL AND KOSTROMA RESEARCHERS OF RUSSIAN FOLKISH WORD: ORYOL-KOSTROMA TIES

Nina S. Gantsovskaiy, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Kostroma State University, gantsovsky_n@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The new works of dialectologists from Turgenev Oryol State University – issues of the large-scale alphabetical Dictionary of Oryol patois and small thematic vocabularies, monographs, scientific articles etc – are analysed in the article. The topic of the long-standing scientific and cultural ties between Kostroma and Oryol dialectologists, in the form of presentations at conferences held at Kostroma State University in recent years, is addressed as well. The next 2 volumes of the “Dictionary of Oryol patois” – vol. 16, letters У to Ф, and vol. 17, letters Х to Ц [Dictionaries of Oryol patois-16 and -17] are in comparative perspective with the similar dictionary collections in this and other Russian regions in number of entries, composition and source of words, in peculiarities of lexical semantisation. The contribution of their compilers, the scientific editor of the Dictionary’s editions, as well as their collaborators and colleagues in the study of Oryol folkish patois is well defined; their reliance on the works of the preceding generations of Oryol linguists is addressed as well. The work of those representatives of Oryol dialectological school under the guidance of Tat’yana Vasil’yevna Bakhvalova, who strengthened the scientific ties, both thematic and subject, with Kostroma dialectologists through the participation in joint research projects and scientific meetings, mainly connected with the systematic holding the readings in memory of Aleksandr Gromov at Kostroma State University, is noted. The conclusion about the fruitfulness of the forms of cooperation between Oryol and Kostroma dialectologists is made.

Keywords: Oryol dialectological school, Kostroma dialectologists, Dictionary of Oryol patois, Tat’yana Bakhvalova, Aleksandr Gromov.

For citation: Gantsovskaiy N.S. Oryol and Kostroma researchers of Russian folkish word: Oryol-Kostroma ties. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 93–98 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-93-98>

Издание Словаря орловских говоров (СОГ), одного из наиболее полных по словнику и приводимым контекстам, тщательно структурированных областных русских словарей, охватывающего большую территорию южнорусских говоров с относительно устойчивым и определённым в диалектном отношении населением (орловско-курская группа говоров), близится к концу. Собрание диалектных слов этих выпусков алфавитного словаря, построенного по дифференциальному принципу, то есть с отбором только тех слов в говоре, которые отличаются от слов литературного языка, обычно малочастотное в других словарях, характеризуется завидным полнокровием. Так, выпуск 16 на буквы У – Ф (Уáль – Фьюфья) включает 1 122 словарные статьи, выпуск 17 на буквы Х – Ц (Хабаба – Цырциреть) – 1 346 статьи. Авторами-составителями этих статей являются известные диалектологи М.В. Костромичёва, М.Л. Гавришук, канд. филол. наук, доценты ОГУ им. И.С. Тургенева (вып. 16), и Л.А. Власова, В.Н. Гришанова (вып. 17), канд. филол. наук, доценты ОГУ им. И.С. Тургенева. Неизменный научный редактор всех выпусков словаря и инициатор его создания – доктор филологических наук, профессор ОГУ им. И.С. Тургенева Т.В. Бахвалова.

Прежде всего – о научном редакторе, составителях Словаря орловских говоров и их участии в костромских научных проектах. М.В. Костромичёва 15 сентября 2022 г. на Четвёртых Громовских чтениях в Костромском государственном университете выступила с докладом «Альшань и окрестности: к вопросу о лексикографическом описании региональной лексики», где обратилась к лексикографической фиксации говоров старинного орловского села Альшань и географически близких к нему населённых пунктов. Она создала комплексный словарь, включающий как диалектизмы, так и фразеологию, местные топонимы, прозвища края.

Л.А. Власова, следуя традиции орловских диалектологов по созданию разного рода тематических словарей, на основании алфавитного материала словарных статей Словаря орловских говоров на букву Х, написанных ею самой, создала и «Тематический словарь орловских говоров (слова на букву Х)» [Власова 2016], что значительно расширило кругозор пользователей словарём в отношении постижения богатства и разнообразия лексики орловского края.

Ценность и своевременность переиздания известной монографии Т.В. Бахваловой, научного редактора СОГ, «Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеоло-

гическими средствами» [Бахвалова 2022] бесспорна: на этой книге воспиталось не одно поколение студентов и аспирантов, в том числе и костромских. Особенно эта книга, с её чёткими лингвистическими установками и прекрасным анализом орловского диалектного материала, нужна сейчас, когда лексика подобной тематики (характеристика человека) у многих современных исследователей отходит от отражения типично местного диалектного материала и заменяется абстрактными культурологическими разработками и произвольными телеологическими выводами.

Доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева Татьяна Васильевна Бахвалова – родом из Череповца – любит и хорошо знает севернорусские говоры. Татьяна Васильевна участвовала в работе всех четырёх Громовских чтений, проходивших в Костроме с 2012 по 2022 гг., посвящённых деятельности ныне всем известного мантуровского учителя-краеведа, диалектолога и автора уникальных по замыслу и исполнению словарей Александра Вячеславовича Громова. В своих выступлениях и публикациях с большим знанием дела и блестящим мастерством подачи материала Т.В. Бахвалова анализирует народную орловскую речь и разрабатывает оригинальные проблемы, связанные с терминологической и иной лексикой, части которых в своё время посвящал свои труды и А.В. Громов. Таковы её работы «Лексика жернового промысла в народных говорах» [Бахвалова 2012], «Лексика валяльного дела в орловских говорах» [Бахвалова 2015], «Лексика ткачества орловских говоров: названия артефактов с нумеральной корневой морфемой» [Бахвалова 2016]. На 4-х Громовских чтениях Татьяна Васильевна сделала доклад на пленарном заседании по теме: «Из лексики домашнего прядения: нити, изготовленные без веретена».

16-й и 17-й выпуски Словаря орловских говоров содержат слова всех частей речи, отражающие говоры в пределах современных административных очертаний Орловской области. По составу лексики, качественному и количественному, здесь просматриваются большие отличия от севернорусских говоров, правда, сказывается тут и отсутствие в словнике орловских словарей общенародной лексики, имеющей параллели в литературном языке, что объясняется теоретическими принципами создания Словаря орловских говоров.

Попутно укажем на тот факт, что орловские диалектологи располагают значительным инвентарём лексикографических произведений, посвящённых различным тематическим группам диалектной лексики орловского края. Назовём, например,

следующие издания: «Словарь свадебной лексики Орловщины» [Костромичёва 1998], «Словарь метеорологической лексики орловских говоров» [Макушева 1997], «Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области» [Неврова 2005], «Антропонимы орловского края XVI–XVII вв.» [Татаркин 2005], «Словарь лексики орловских кожевников» [Халюков 2006], «Словарь лексики орловских рыбаков [Халюков 2008], «Словарь одного слова» [Попова 2009], «Словарь лексики вышивания орловских говоров» [Боровая 2012] и др. Более детальные сведения об истории исследования народных говоров орловскими диалектологами до 2010 г. (диссертации, монографии, сборники научных трудов, словари, статьи, тезисы докладов) можно получить из книги «Народные говоры в работах орловских диалектологов» (редактор Т.В. Бахвалова) [Народные говоры 2010].

Огромную ценность в плане разноаспектного изучения лексики и фразеологии русских народных говоров имеют регулярные выпуски сборников научных трудов членов научно-исследовательской лаборатории «Региональная лексикология и лексикография», работающей под руководством проф. Т.В. Бахваловой с 1978 г., «Орловские говоры: проблемы изучения». В них, кроме научных статей современных орловских диалектологов, представлены и тексты, записи диалектной речи, в разных районах Орловской области, есть и раздел «Лингвистическое наследие». См., например, 3-й выпуск сборника, где в данном разделе помещены ставшие уже классическими труды С.И. Коткова, связанные с историей языка, языком писателей края и южновеликорусскими диалектами. Сергей Иванович Котков, долгое время проживал в Орле, хотя сам он был родом из Тейкова Ивановской области, затем трудился в Москве. Выдающийся историк русского языка, знаток и издатель южновеликорусских памятников письменности впоследствии работал в Институте русского языка им. В.В. Виноградова и был заместителем директора этого института, являлся членом Советского комитета славистов и последние 26 лет (1960–1986) заведовал Сектором лингвистического источниковедения и исследования памятников языка. В 2021 г. в Воронеже по инициативе Л.Ю. Астахиной, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова (она же была и составителем книги), были изданы «Избранные статьи по лингвистическому источниковедению и истории русского языка» С.И. Коткова под научной редакцией профессора, доктора филологических наук, заведующего кафедрой славянской филологии Воронежского гос. ун-та Г.Ф. Ковалёва [Котков 2021].

Особый интерес у нас вызвало содержание вып. 16 Словаря орловских говоров на букву *Ф*. Ка-

залось бы, в южнорусских говорах, где до сих пор не прижился инородный для русской фонетики звук <ф> и где даже в иноязычной лексике <ф> подвергается замене на <хв>, <х> или <п>, слова эти, в основном заимствованные, должны быть представлены в минимальном количестве. Действительно, в говорах все эти фонетические замены есть, они фигурируют в контекстах, но и слова с начальным <ф> достаточно употребительны. См., например, в 17-м выпуске на с. 41 толкование слова *Хймка*, уменьшительной формы имени *Фимка* в южнорусском произношении, от полного календарного имени *Евфимия*, гебраизма, опосредованного греческим, а затем церковнославянским языком, фонетически изменившегося на южнорусской диалектной почве и далее принявшего в новой речевой сфере «мирскую» семантику обозначения недалёкого человека. Показательно в словарной статье на это имя и второе значение слова, сравнение со словом *хавроха*, также перешедшего в разряд нарицательных имён и образованного от календарного греческого имени *Феврония* (порусски *Хавронья*):

«*Хймка*, и, ж. 1. Неумная, глупая женщина, дура. Ну, Манька, ты и хймка! Орл.–61. Люсь, не прикидывайся хймкѣй. Хот.–29.

2. То же, что *хавроха*. *Што ты аделсь как хймка? У тибя жь есть платье получшы*. Дмитр.–79. *Што ты как хймка ходиши, хатя бы юпку чистую надела*. Дмитр.–89». [СОГ-17: 41].

В вып. 16 содержатся 148 словарных статей в отрезке на (Фабры – Фью-фья») [СОГ-16: 140–155].

Подавляющее количество представленных слов – это имена существительные, нередко многозначные, в форме ед. (чаще) и мн. ч., есть и омонимы: *фа́бры*, *фа́галь*, *фаётон*, *файшо́нка*, *фа́лда*, *фамели́я*, *фамелья*, *фанду́рики¹*, *фанду́рики²*, *фандю́ха*, *фане́ль*, *фа́нка*, *фант*, *фа́нтик*, *фа́нтики*, *фа́нтипы*, *фанто́н*, *фа́нты*, *фа́нцы¹*, *фа́нцы²*, *фа́нчик*, *фа́рба*, *фа́рбо́та*, *фа́рбы*, *фарисе́й*, *фартёра*, *фарто́вка*, *фасо́ль*, *фасо́ля*, *фасу́ля*, *фате́ра*, *фате́ра*, *фати́ра*, *фа́тка*, *фа́тья*, *фашы́на¹*, *фашы́на²*, *фельдшеры́ха*, *фе́рма*, *фе́ршел*, *фе́рябо́к*, *фе́рязь*, *фетельник*, *фетю́к*, *фeféла*, *фeféла*, *фeféлка*, *фе́шер*, *фига́рки*, *фили́пповка*, *фили́пповки*, *филь*, *фильдепе́рс*, *фи́льма*, *фи́ля*, *фи́нки*, *финозо́мия*, *фира́нка*, *фи́рма*, *фите́лик*, *фи́тик*, *фити́ль*, *фитиля́нка*, *фитиры́лка*, *фи́ялка*, *фла́га¹*, *фла́га²*, *флажо́к*, *фла́нцы*, *фле́дшер*, *фли́гель*, *флюгра́фия*, *флюст*, *фляг*, *фля́жка*, *фона́рик*, *фона́рь*, *фонта́л*, *фонта́лка*, *фонта́льчик*, *форбо́ты*, *форле́тор*, *фо́рма¹*, *фо́рма²*, *форобо́й*, *форобо́бы*, *форса́*, *форса́вицы*, *форсу́нка*, *фо́рта*, *фо́ртка*, *фортон*, *фо́рточка*, *фо́ры*, *фрамзо́ль*, *фрамзо́н*, *франзоль*, *франти́ха*, *фрейнч*, *френник*, *френц*, *френч*, *френчик*, *фрэ́ска*, *фу́ба*, *фуга́нчик*, *фуда́мент*, *фук*,

фунтик, фу́ра, фура́жка, фургон, фу́рик, фу́рманка, фухру́нка, фы́рма, фыро́к.

Скучно отражена непредметная лексика. Относительно немного прилагательных, в основном дериватов от имён существительных: **фартóвый, фигу́ристый, фóрменный, форсилíвый, форсови́тый, форшли́вый**, глаголов: **фартить, фило-нить, финти́ть, форсунить, фугану́ть, фулогáнить, фулогáнничать, функци́нировать, фурага́нить, фью́кать**, есть одно наречие: **фырко́мя**, одно междометие: **фью-фья**.

При этом фразеологизмы в разделе представлены далеко не бедно:

Фа́вера:

◊ **В фа́вере быть.** Пользоваться особым расположением. Покровительством какого-либо влиятельного лица. **Он у начальства всегда в фавери был.** Болх.–3.

◊ **Фа́теру откупáть (выкупáть).** Брать внаём, снимать помещение вскладчину для проведения молодежных вечеринок во время Святков. *Мы, буваль, събираемся играть, хватеру аткупим сабе и патом нчинаим. Мы на хватерам на Рождество хадили. Хот.–22. Хадили с песньми фатеру выкупали.* Мцен.–51.

Фили́ппы:

◊ **Фили́ппы удушливые.** Пора глубокой осени. *Хвилиппы удушливыи – этъ на глубокой осини идеть.* Болх.–10.

Фина́ра:

◊ **Фина́ра, клён горит.** О крайне аляповато, кричаще одетом человеке. *Финара, клён горит.* Орл.–72.

Фоло́меева:

◊ **Фоло́меева ночь.** О чём-либо неприятном, вызывающем сильное беспокойство, волнение. *И задали жъ фьламееву ночь.* Залег.–40.

Видно, что по составу это заимствованная, в основном из западноевропейских языков, фонетически видоизменённая и по-своему семантически усвоенная в устах неграмотных крестьян «барская» лексика, лишь немного имеет звукоподражательных слов: **фью́кать, фырко́мя, фью-фья**. Но и это как будто бы внутриязыковая калька, образец «профанной» речи, услышанной «в барской передней», и затем перешедшая в крестьянскую речь. Это и неудивительно, ведь в орловском крае широко было представлено помещичье землевладение, и речь помещичьих крестьян выразительно была описана ещё И.С. Тургеневым и другими мастерами художественного слова, связанными с орловским краем. Кстати, орловскими лингвистами, особенно продуктивно и систематически Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой, представлена редкая и диалектная лексика в произведениях И.С. Тургенева. Одна из недавних книг этих авторов подобного типа: Бахвалова Т.В., Попова А.Р. «Словарь забытых и редких слов из рома-

на “Дворянское гнездо” И.С. Тургенева» [Бахвалова, Попова 2019]. В книге же Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой «500 забытых и редких слов из “Записок охотника” И.С. Тургенева» [Бахвалова, Попова 2017] содержится значительное количество слов на букву **Ф**, извлечённых из разных рассказов писателя и снабжённых авторским контекстом: **фа́лда** («Контора»), **фалéтор** («Льгов»), **фейви́рк** («Малиновая вода»), **фе́ршел** («Контора»), **фе́рязь** («Одноворец Овсянников»), **фес** (Бурмистр»), **фофа́н**. *простореч.* («Певцы»), **фрак** («Гамлет Щигровского уезда», «Татьяна Борисовна и её племянник»). Некоторые из этих слов (как кажется, можно бы включить и все) содержатся в вышеприведённом списке диалектных слов на литеру **Ф** из Словаря орловских говоров.

В крестьянской речи жителей Костромского Заволжья – междуречья Костромы и Унжи, где расположен Костромской акающий остров и где было редким помещичье и монастырское землевладение, а проживали в основном «черносошные» крестьяне, почти поголовно становящиеся отходниками-питерщиками, – выявлено слов на литеру **Ф** немного: **фа́брить, фа́бульничать, фа́ля, фами́лия, ферт** (◊ **Встать фёртом**), **фефёла, фон-барон**, ◊ **Фро́лов праздник, фура́жка, фуфа́йка** [СГКЗ: 399]. Это всё иноязычная лексика, также опростившаяся семантически и структурно на деревенской почве, в которой, как и в орловских говорах, обращает на себя внимание переход проприальной лексики в характеризующие прозвищные наименования: **фа́ля** («**Фа́ля**, м. Неумный человек, простак. *Фаля он, фаля и есть, хоть в городе жил. Ничего не смекает, и разговору хорошево у него нет.* Солиг. (Корцово), **фефёла** («**Фефёла**, ж. То же, что фаля, но по отношению к женщине. *Марья-то у них настоящая фефёла*)» [СГКЗ: 399]. Однако замены <ф> на <хв> или же на <х> в этих говорах с севернорусской основой нет.

В Ярославском областном словаре с широким охватом территории ярославских и костромских говоров достаточно обширен репертуар лексики на литеру **Ф** с определённым совпадением по семантической структуре слов и по их первоначальному источнику с соответствующей лексикой орловских говоров: **факту́ра, фалале́н, фа́ля, фамбора́, фами́льничать, фант, фа́нтик, фа́ртук, фата́, фатёнка, фа́тка. Федо́сья-колося́ница, Фе́кла-заревница, фельма́-ференть, ферзь, фе́рман, фермоско́й, фермя́нка, фе́рязь, фигáс, фигáсик, фигáфнутья, фигури́на, фигу́ристый, физионо́мия, филáт, фити́ль, фити́льной, фко́нька-фко́нька, фона́рик, фона́рь, форси́ха, фо́рский, фо́рсный, фо́рсик, фо́ртка, фо́ртошка, франто́вый, францу́з, фруко́-фруко́, фру́кты, фсе́-фсе́, фукó-фукó, фукóнь-фукóнь, фукóня-фукóня, фуфа́я, фырку́ша, фьюить-фьюить, фю-фю, фю́йть-фю́йть, фють-фють** [ЯОС: 27–28].

В ярославско-костромских говорах, составляющих Костромскую группу севернорусских говоров по диалектному членению ИРЯ РАН 1964 г. и представляющих собой, в отличие от периферийных орловских, говоры Центра, лексика с неисконно русским начальным звуком <ф> прижилась более основательно, чем в орловских говорах. Здесь почти не встретить замены его на иные звуки, разве что гиперизмы типа *фастать* ‘хвастать’, *фатера* ‘квартира’, шире представлена непредметная лексика. Однако и тут обращает на себя внимание продуктивный способ трансформации редких календарных личных имён, особенно в уменьшительной форме, в характеризующие нарицательные именованья.

Таким образом, многогранная деятельность классического направления орловских диалектологов, продолжающаяся много десятилетий и дающая свои плоды и по сей день, выходит далеко за пределы своего края и обогащает отечественную науку о русском языке в целом, привнося в неё новые теоретические наработки и ценный, системно организованный практический материал. Существенное влияние она оказывает и на работу костромских исследователей народного слова как в виде продуктов научной деятельности, так и в виде обмена идеями на научных собраниях и других формах сотрудничества.

Список литературы

Бахвалова Т.В. Лексика ткачества орловских говоров: названия артефактов с нумеральной корневой морфемой // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф.; Кострома, 7–9 ноября 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 43–50.

Бахвалова Т.В. Лексика валяльного дела в орловских говорах // Вторые громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф.; Кострома, 17–18 окт. 2014 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 26–33.

Бахвалова Т.В. Лексика жернового промысла в народных говорах // Русское слово и костромской край: сб. статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2013. С. 287–293.

Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами (на материале орловских говоров). Орёл: Горизонт, 2022. 180 с.

Бахвалова Т.В., Попова А.Р. Словарь забытых и редких слов из романа «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2019. 81 с.

Боровая Е.И. Словарь лексики вышивания орловских говоров / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: ОГУ, 2012. 60 с.

Власова Л.А. Тематический словарь орловских говоров (слова на букву Х). Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2016. 157 с.

Костромичёва М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины / ред. Р.Н. Попов. Орёл: Орловский государственный университет, 1998. 218 с.

Котков С.И. Избранные статьи по лингвистическому источниковедению и истории русского языка / сост. Л.Ю. Астахина. Воронеж: Наука–Юнипресс, 2021. 471 с.

Макушева О.А. Словарь метеорологической лексики орловских говоров / ред. Р.Н. Попов. Орёл: Орловский государственный университет, 1997. 105 с.

Народные говоры в работах орловских диалектологов / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: Орловский государственный университет, 2010. 60 с.

Неврова Т.И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: Орловский гос. ун-т, 2005. 96 с.

Попова А.Р. Словарь одного слова. Орёл: Оперативная полиграфия, 2009. 356 с.

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб «Книговек», 2015. 512 с.

СОГ-16 – Словарь орловских говоров. Вып. 16. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2016. 156 с.

СОГ-17 – Словарь орловских говоров. Вып. 17. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2016. 187 с.

Татаркин В.Е. Антропонимы орловского края XVI–XVII вв. / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: Орловский государственный университет, 2005. 122 с.

Халюков А.В. Словарь лексики орловских кожевников / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: Орловский государственный университет, 2006. 96 с.

Халюков Ю.В. Словарь лексики орловских рыбаков / ред. Т.В. Бахвалова. Орёл: Орловский государственный университет, 2008. 70 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: учебное пособие. Вып. 10. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1991. 108 с.

References

Bakhvalova T.V. *Leksika tkachestva orlovskikh govorov: nazvaniia artefaktov s numeral'noi kornevoi morfemoi* [Vocabulary of weaving Oryol dialects: names of artifacts with a numbered root morpheme]. *Gromovskie chteniia. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoi krai: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf.; Kostroma, 7–9 noiabria 2016 g.* [Gromov Readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma region: Sat.

materials and research. intl. scientific conf.; Kostroma, November 7–9, 2016]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2016, pp. 43–50. (In Russ.)

Bakhvalova T.V. *Leksika valial'nogo dela v orlovskikh govorakh* [Vocabulary of felting in the Oryol dialects]. *Vtorye gromovskie chteniia. Russkie narodnye govory: proshloe i nastoiashchee: sb. materialov i issled. vseros. nauch.-prakt. konf.; Kostroma, 17–18 okt. 2014 g.* [Second Gromov Readings. Russian folk dialects: past and present: Sat. materials and research all-Russian scientific-practical. conf.; Kostroma, 17–18 Oct. 2014]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2015, pp. 26–33. (In Russ.)

Bakhvalova T.V. *Leksika zhernovogo promysla v narodnykh govorakh* [Vocabulary of millstone craft in folk dialects]. *Russkoe slovo i kostromskoi krai: sb. statei* [Russian word and the Kostroma region: collection of articles], ed. by N.S. Gantsovskaja, O.N. Krylova. St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2013, pp. 287–293. (In Russ.)

Bakhvalova T.V. *Kharakteristika intellektual'nykh sposobnostei cheloveka leksicheskimi i frazeologicheskimi sredstvami (na materiale orlovskikh govorov)* [Characterization of a person's intellectual abilities by lexical and phraseological means (on the material of Oryol dialects)]. Orel, Gorizont Publ., 2022, 180 p. (In Russ.)

Bakhvalova T.V., Popova A.R. *Slovar' zabytykh i redkikh slov iz romana «Dvorianskoe gnezdo» I.S. Turgeneva* [Dictionary of forgotten and rare words from the novel “The Noble Nest” by I.S. Turgenev]. Orel, OSU named after I.S. Turgenev Publ., 2019, 81 p. (In Russ.)

Borovaia E.I. *Slovar' leksiki vyshivaniia orlovskikh govorov* [Dictionary of embroidery vocabulary of Oryol dialects], ed. by T.V. Bakhvalova. Orel, OSU Publ., 2012, 60 p. (In Russ.)

Gantsovskaja N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ia: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi* [Dictionary of dialects of the Kostroma Trans-Volga region: the interfluvium of Kostroma and Unzha]. Kostroma, Kostroma State University Publ., Moscow, Knizhnyi klub Knigovok Publ., 2015, 512 p. (In Russ.)

Iaroslavskii oblastnoi slovar': uchebnoe posobie. Vyp. 10 [Yaroslavl regional dictionary: textbook. Issue 10]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky Publ., 1991, 108 p. (In Russ.)

Khaliukov A.V. *Slovar' leksiki orlovskikh kozhevnikov* [Vocabulary of Oryol tanner], ed. by T.V. Bakhvalova. Orel, Orel State University Publ., 2006, 96 p. (In Russ.)

Khaliukov Iu.V. *Slovar' leksiki orlovskikh rybakov* [Vocabulary of the Oryol fishermen], ed. by

T.V. Bakhvalova. Orel, Orel State University Publ., 2008, 70 p. (In Russ.)

Kostromicheva M.V. *Slovar' svadebnoi leksiki Orlovshchiny* [Dictionary of wedding vocabulary Oryol], ed. by Popov. Orel, Orel State University Publ., 1998, 218 p. (In Russ.)

Kotkov S.I. *Izbrannye stat'i po lingvisticheskomu istochnikovedeniiu i istorii russkogo iazyka* [Selected articles on linguistic source studies and the history of the Russian language]. Voronezh, Nauka-Iunipress Publ., 2021, 471 p. (In Russ.)

Makusheva O.A. *Slovar' meteorologicheskoi leksiki orlovskikh govorov* [Dictionary of Meteorological Vocabulary of the Oryol Dialects], ed. by R.N. Popov. Orel, Orel State University Publ., 1997, 105 p. (In Russ.)

Narodnye govory v rabotakh orlovskikh dialektologov [Folk dialects in the works of Oryol dialectologists], ed. by T.V. Bakhvalova. Orel, Orel State University Publ., 2010, 60 p. (In Russ.)

Nevrova T.I. *Regional'nyi slovar' lichno-individual'nykh prozvizhch Verkhovskogo raiona Orlovskoi oblasti* [Regional dictionary of personal-individual nicknames of the Verkhovsky district of the Oryol region], ed. by T.V. Bakhvalova. Orel, Orel State University Publ., 2005, 96 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Slovar' odnogo slova* [One word dictionary]. Orel, Operativnaia poligrafia Publ., 2009, 356 p. (In Russ.)

Slovar' orlovskikh govorov. Vyp. 16 [Dictionary of Oryol dialects. Issue 16]. Orel, Orel State University Publ., 2016, 156 p. (In Russ.)

Slovar' orlovskikh govorov. Vyp. 17 [Dictionary of Oryol dialects. Issue 17]. Orel, Orel State University Publ., 2016, 187 p. (In Russ.)

Tatarkin V.E. *Antroponimy orlovskogo kraia XVI–XVII vv.* [Anthroponyms of the Oryol region of the 16th–17th centuries], ed. by T.V. Bakhvalova. Orel, Orel State University Publ., 2005, 122 p. (In Russ.)

Vlasova L.A. *Tematicheskii slovar' orlovskikh govorov (slova na bukvu Kh)* [Thematic dictionary of Oryol dialects (words starting with the letter “X” [Kh])]. Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev Publ., 2016, 157 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 03.12.2022.

The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 03.12.2022.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНОНИМИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОНИМОВ

Дормидонтова Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, olgadormi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9840-5660>

Завьялова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, zavialova-galine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6895-5618>

Аннотация. Литературный оним представляет собой один из основных структурных элементов ономастического пространства художественного текста. Проблема изучения данной литературной категории заключается в выявлении их основных признаков, особенностей функционирования в структуре художественного текста, а также в изучении роли контекстуальной синонимии в создании образов литературных персонажей. В статье приведен анализ взглядов исследователей на проблемы литературной ономастики, уточняется терминологический аппарат. Авторы статьи определяют основные отличительные признаки онимов, такие как их вторичный характер, а также смысловая нагрузка. Литературные онимы характеризуются целым рядом функций в художественном произведении. Они могут выполнять номинативную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символическую функции. В ходе исследования было выявлено, что основными функциями имен собственных в анализируемых произведениях признаны номинативная и характеризующая, и в ряде случаев символическая. Создавая литературный образ персонажа, автор использует разнообразные языковые средства, в частности контекстуальную синонимию, основывающуюся на метафорическом переносе. В заключении подтверждается мысль о том, что литературные онимы являются тем дополнительным механизмом в художественном произведении, который призван создать более емкий, разносторонний образ литературных персонажей.

Ключевые слова: ономастическое пространство, литературный антропоним, онимы, поэтоним, признаки онимов, функциональная характеристика онимов, языковые средства, контекстуальная синонимия.

Для цитирования: Дормидонтова О.А., Завьялова Г.Н. Функционально-синонимическое своеобразие французских литературных онимов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 99–104. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-99-104>

Research Article

THE FUNCTIONAL-SYNONYMIC PECULIARITY OF FRENCH LITERARY ONYMS

Olga A. Dormidontova, Candidate of Sciences (Philology), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia, olgadormi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9840-5660>

Galina N. Zavialova, Candidate of Sciences (Philology), Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia, zavialova-galine@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6895-5618>

Abstract. The literary onym is one of the main structural elements of the onomastic space of a literary text. The problem of studying this literary category is to identify their main features, features of functioning in the structure of a literary text, as well as to study the role of contextual synonymy in creating images of literary characters. The article analyzes the views of researchers on the problems of literary onomastics, clarifies the terminological apparatus. The article analyses the main distinguishing features of onyms, such as their secondary nature, as well as semantic load. Literary onyms are characterized by a number of functions in a work of fiction. They can perform nominative, ideological, characterizing, aesthetic, symbolic functions. The study revealed that the main functions of proper names in the analyzed works are recognized as nominative and characterizing, and in some cases symbolic. Creating a literary image of a character, the author uses a variety of linguistic means, in particular contextual synonymy based on metaphorical transfer. The conclusion confirms the idea that literary onyms are an additional mechanism in a work of fiction, which is designed to create a more capacious, versatile image of literary characters

Keywords: onomastic space, literary anthroponym, onyms, poetonym, signs of onyms, functional characteristics of onyms, linguistic means, contextual synonymy.

For citation: Dormidontova O.A., Zavialova G.N. The functional-synonymic peculiarity of French literary onyms. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 99–104 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-99-104>

На сегодняшний день одним из активно развивающихся разделов языкознания является лингвистика художественного текста. Однако ряд текстовых категорий до сих пор остается недостаточно разработанным и изученным. В частности, исследование литературных онимов и их языковых и лингвокультурных особенностей остается актуальной лингвистической проблемой. Изучение имен собственных в пространстве художественного текста представляет значительный интерес для понимания эстетического замысла писателя, а также для более объемного представления образов персонажей. Являясь структурным элементом в художественном тексте, имена собственные «отображают реальное ономастическое пространство, преломленное в соответствии с авторской интенцией и идейно-художественным содержанием текста [Меркулова: 145].

Неопрровержимым является тот факт, что онимы выступают в качестве неотъемлемой части любого художественного произведения и воспринимаются исследователем в сложной и образной перспективе прочтения [Виноградов: 8].

Н.В. Подольская дает следующее определение онима в своем «Словаре русской ономастической терминологии»: «Оним – это слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации, идентификации; в т. ч. антропоним, топоним, зооним, фитоним, анемоним, хромоним, астроним, космоним, теоним, идеоним, хрематоним, которые составляют различные разряды онимов» [Подольская: 95].

В рамках лингвистики художественного текста для обозначения имен собственных традиционно применялся термин «литературный антропоним», под которым понимались «все без исключения личные собственные имена, именуемые персонажей» [Силаева: 152], используемые автором при номинации персонажированных художественных образов.

При этом некоторые исследователи достаточно строго ограничивали круг литературных антропонимов исключительно именами собственными – продуктом авторского вымысла, четко отграничивая их от имен реальных исторических персонажей, которые появлялись на страницах произведений в качестве самостоятельных героев [Карпенко: 24].

Однако со временем данный термин оказался недостаточно полным, поскольку не мог в содержательном плане покрыть все разнообразие разрядов и форм имен собственных в художественных произведениях. Возникла необходимость в новом, универсальном термине, который был бы в состоянии охва-

тить все аспекты данной лингвистической категории. Таким термином стал «поэтоним». Согласно определению Н.В. Подольской, «поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения кроме номинативной характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [Подольская: 108]. При этом, осуществляя конкретизацию поэтонимов в зависимости от их разновидности, применяются такие термины, как поэтический антропоним, поэтический топоним, поэтический зооним и т. д.

По мнению Ю.А. Карпенко, литературные онимы обладают рядом отличительных признаков. В первую очередь следует отметить, что литературные онимы вторичны – автор всегда опирается в своем выборе на общенародную ономастику. Даже если автор прибегает к ономастическому творчеству, он вынужден следовать общепринятым моделям и нормам. Во-вторых, литературные онимы никогда не бывают «пустыми», они всегда несут смысловую нагрузку [Карпенко 1986: 34–40].

В рамках данной статьи был проведен анализ литературных онимов в художественных произведениях французских авторов XVIII–XIX веков, представителей различных литературных направлений – классицизма, романтизма, реализма. Было выявлено, что рассмотренные онимы обладают основными признаками данной лингвистической категории. Так, подавляющее количество имен персонажей были отобраны авторами согласно общенародной ономастике, следуя общепринятым моделям и нормам литературного языка той или иной эпохи. В частности, авторы используют наиболее типичные, распространенные в социальной среде героя имена, тем самым приближая образ персонажа читателю, делая его более понятным (*Lucien, Esther, Jean-Marc, Marie-Jeanne, Annette, Philippe* и т. д.). В этой связи представляется интересным привести в качестве примера произведения О. де Бальзака, в которых, по мнению исследователей творчества писателя, все имена его персонажей – это реальные имена людей, которых Бальзак встречал в своей жизни, названия мест, где он бывал. Наиболее часто встречаем следующие имена: *Lucien* (в 11 романах), *Philippe* (в 9 романах), *Esther* (в 7 романах), *Eugène* (в 9 романах); фамилии: *Biroteau* (в 7 романах), *Hulot* (в 5 романах), *Lousteau* (в 12 романах), *Nucingen* (в 36 романах), *Rastignac* (в 25 романах), *Cibot* (в 4 романах), *Grandet* (в 4 романах) [Poétique balzacienne des

poms de personnages]. А фамилия «гнусного банкира, утопающего в золоте» Тайфера (*Taillefer*), появляющегося как на страницах романа «Шагреновая кожа» (*La Peau de chagrin*), так и романов «Отец Горио» (*Père Goriot*) и «Красная гостиница» (*L'Auberge rouge*), происходит от топонима горного массива Тайлефер (*le mont Taillefer*), расположенного недалеко от озера Буржэ (*le lac du Bourget*), где и разворачивается основное действие романа.

Некоторые персонажи в романах Р. Вайана не имеют имени, они названы по некоторым вторичным признакам. В романе «Странная игра» (*Drôle de Jeu*) автор называет домовладелицу *Mademoiselle, fille et petite-fille d'artisans parisiens*, двух других девушек, участниц сопротивления, характеризует как *les yeux bleus* (голубоглазая) и *les yeux marron* (кареглазая), тем самым указывая, что эти персонажи должны быть анонимными в связи с их участием в Сопротивлении.

С другой стороны, еще одним важным отличительным признаком проанализированных онимов является их смысловая составляющая – зачастую авторы руководствуются внутренними характеристиками своих героев при выборе номинации персонажей, тем самым заранее подготавливая читателя ко встрече с персонажем, с его внутренним миром. В качестве примеров можно привести Кандида (*Candide*) – героя одноименного произведения Вольтера или Грациеллу (*Graziella*) А. де Ламартина.

Литературные онимы обладают целым рядом функций в художественном произведении. Как правило, выделяют номинативную, идеологическую, характеризующую, эстетическую, символическую функции [Бондалетов]. Некоторые исследователи обращают особое внимание на стилистическую функцию онимов [Карпенко 1986], а также на этимологическую функцию [Михайлов] и функцию сравнения [Александрова].

В результате проведенного анализа было выявлено, что основной функцией рассмотренных имен является номинативная. Однако выявлен ряд имен, обладающих характеризующей функцией. Так, в имя собственное персонажа автором закладывается самая разнообразная информация о герое: его внешних характеристиках (Пышка (*Boule de Suif*) Мопасана), роде занятий (Мельник (*Le Meunier*) Санд), характере (Кандид (*Candide*) Вольтера) и пр. Кроме этого, интересно обратить внимание на символическую функцию, присущую некоторым литературным онимам. Роль имен собственных в художественном пространстве, бесспорно, является главным маркером характеристики персонажей, внося дополнительную информацию о нем. Так, Ж. Санд, используя символическую функцию имени, называет героиню Марсели Бланшмон (*Blanchemont*) из романа «Мельник из Анжибо» (*Le Meunier d'Angibault*),

подчеркивая тем самым чистоту и возвышенность её души [Ономастике]. Имя главного персонажа В. Гюго в романе «Собор Парижской богородицы» Квзимодо воплощает в себе символ душевной чистоты, искренности, поскольку оно образовано от названия католического обета Октавы Пасхи (лат. *Quasimodo*; первое воскресенье после Пасхи), который, в свою очередь, назван по первым словам интроита «*Quasi modo geniti infantes, rationabile, sine dolo lac concupiscite ut in eo crescatis in salutem si gustastis quoniam dulcis Dominus*» («как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь»).

В рамках лингвокультурологического подхода художественный текст воспринимается как произведение речевого и творческого процесса, а также как способ понимания и декодирования авторского изображения реального или вымышленного мира и человека в нем. Одной из важных задач автора при создании художественного текста выступает отражение языковой картины мира, материально-духовной культуры, свойственной той или иной среде и эпохе, нашедшей свое воплощение в художественном произведении. Особое место в данном процессе занимают онимы. Будучи результатом авторской мысли, онимы несут в себе целый ряд лингвокультурных характеристик, призванных наиболее полно раскрыть суть и место обозначаемого им персонажа.

В художественном произведении имена собственные, обладая высокой эстетической значимостью, являются прямым отражением авторского замысла, что предоставляет читателям и исследователям широкое поле для глубокой интерпретации текста.

Следует отметить, что в художественном тексте нет случайных имен. Все они – результат творческого замысла автора, который сознательно наделяет их нужными ему характеристиками для создания более полного образа. Зачастую эти характеристики имплицитны, поэтому реципиенту следует обладать солидными фоновыми знаниями, связанными с соответствующим денотатом и позволяющими ему наиболее полно проникнуть в созданный автором литературный образ. Данная задача зачастую облегчается благодаря «говорящим» именам, которые в достаточной степени эксплицитны и не представляют особых затруднений в их декодировании.

Онимы играют текстообразующую роль, поскольку «ономастичность – важный параметр текстуальности, необходимый фактор текстообразования» [Супрун: 51].

Ю.А. Карпенко полагает, что литературную ономастику следует понимать как отражение объективного в авторской «игре» языковыми нормами, при этом степень субъективности снижается через связь ли-

тературного онима с жанром, с образной системой произведения, художественным замыслом и стилем. По мнению исследователя, литературные имена собственные совмещают дифференцирующую и стилистическую функции [Карпенко 2011: 17].

Художественный текст задумывается автором как сообщение, хранящее и передающее новую информацию. Имена собственные, как было сказано выше, призваны отразить проблематику произведения, его основную мысль и творческий замысел автора в целом. Реципиент же находится в отношении творчества к получаемому сообщению, воспринимая и интерпретируя его, и поэтому он должен понять, что хотел сказать автор с помощью онимов [Перкас].

Важно отметить, что, создавая литературный образ персонажа, автор применяет самые разнообразные языковые средства, в частности стилистические тропы – эпитеты, сравнения, олицетворения, метафору, метонимию и пр. В этой связи представляется возможным говорить о контекстуальной синонимии литературных онимов, которая может быть представлена в виде полевой структуры. При этом следует отметить, что полевая структура ономастического пространства художественного произведения предполагает выделение в ней ядерной и периферийной зон, где ядро отображает концентрацию лингвокультурных характеристик персонажа, а периферия – их ослабленность.

Синонимичные наименования раскрывают дополнительные характеристики персонажа, отражая их в образной форме, часто основываясь на метафорическом переносе. Метафорическая синонимия расширяет возможности писателей для более разностороннего полного создания образа персонажа.

Так, например, в повести Вольтера «Candide» автор наделяет своего персонажа простодушной наивностью, что является главной доминирующей его чертой, усиливая её прилагательным *le naïf Candide*, добавляя только серию других эпитетов в характеристику персонажа, *son cher Candide, le bon Candide, capitaine Candide, ce jeune Candide*.

В романе А. де Ламартина «Грациелла» (*Graziella*) речь идет о высоком, поэтическом, чистом чувстве внучки рыбака к молодому французу. К сожалению, история имеет печальный конец. Поэтому при выборе синонимичных наименований своих героев – старого рыбака и его внучки – Ламартин руководствуется не только их родом деятельности и внешними характеристиками (*le pêcheur, le vieux batelier, un vieillard encore robuste, cette belle fille du soleil et de la mer*), но и их несчастной судьбой (*le pauvre nautonier, le pauvre homme, le pauvre pêcheur, la pauvre enfant, Graziellina, la pauvre fille, la pauvre Graziella*).

Приведем еще один пример синонимичности как эффективного средства формирования литературно-

го образа героя. В романе «Кузина Бетта» (*Cousine Betta*) Бальзак использует свыше 50 различных наименований для барона Юло (*Hulot*), отражающих его социальное и служебное положение – *le baron, le bras droit de Napoléon, le conseiller d'Etat, le haut fonctionnaire*, родственные отношения – *son auguste neveu, le cousin de la locataire*, его внешние черты – *le grand et bel Hulot, le vieux beau de l'Empire*, характерные психологические особенности – *son adorateur libertain, son idole*. Самым ярким образом, созданным О. де Бальзаком в своих романах, является образ Жака Колена (*Jacques Colin*), он же Вотрен (*Vautrin*) в романе «Отец Горио» (*Père Goriot*), он же аббат Карлос (*abbé Carlos Herrera*) в романе «Блеск и нищета куртизанок» (*Splendeurs et misère des courtisanes*). В одной из сцен на маскараде в Опере появляется таинственный персонаж, все наименования которого направлены на создание интриги и драматической напряженности: *un masque assassin, ce monstrueux personnage, le masque aux épaules carrées, l'inconnu, le gros masque aux formes athlétiques, le terrible masque, le masque incompréhensible*. Определение *terrible* передает тот ужас, который Вотрен вызывает у самых различных персонажей. Этот эпитет встречается в таких наименованиях, как *le terrible juge, le terrible Espagnol, le terrible abbé, le terrible ami* для Эстер, *le terrible adversaire* для агента полиции Корантена, *le terrible fascinateur* для государственных деятелей и представителей высшего общества. Появление других синонимичных рядов, таких как *le prêtre, son protecteur, l'abbé Carlos, le faux prêtre, le faussaire sacrilège* характеризует отношения Вотрена с Эстер, а для Растиньяка из романа «Евгения Гранде» этот человек становится *ce personnage étrange, le sphinx en perruque, le terrible sphinx, ce féroce logicien, ce démon, le tentateur*. В романе «Отец Горио» для этого персонажа используются такие наименования, как *imperturbable, ce singulier personnage, ce quadragénaire, un sphinx, ce féroce logicien, ce démon, le tentateur, Trompe-la-Mort, le forçat, le joyeux bout-en-train de la prison, ce volcan humain*. Как видно из приведенных примеров, синонимичность наименований персонажей представлена как языковыми, так и контекстуальными синонимами. Таким образом, используя синонимичные средства номинации вместо имени собственного, авторы придают скульптурность, объемность персонажам романа.

Таким образом, можно утверждать, что литературные онимы являются чрезвычайно эффективным механизмом создания художественного образа персонажа благодаря разнообразным языковым средствам, к которым прибегает автор в процессе его создания. Онимы призваны максимально полно отразить творческий замысел автора. Для этого авторы прибегают к контекстуальной синонимии литературных онимов.

Кроме этого, онимы в художественном произведении являются своеобразными лингвокультурными маркерами языковой картины мира, представленной автором. Однако для наиболее полного проникновения в дух произведения реципиенту потребуются широкая эрудиция и большой объем фоновых знаний для понимания авторского замысла.

Список литературы

Александрова Д.И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 54–58.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. Москва: Просвещение, 1983. 224 с.

Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 3–26.

Карпенко М.В. Русская антропонимика: Конспект лекций спецкурса. Одесса, 1970. 42 с.

Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.

Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 95 с.

Меркулова Н.В. Эстетическая ономастика и ее функции в художественном тексте и интертексте (на материале произведений французской литературы) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып. № 4 (18). С. 143–148.

Михайлов В.Н. Специфика собственных имён в художественном тексте // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1987. № 6. С. 78–82.

Перкас С.В. Парадигматические и синтагматические аспекты лингвостилистического потенциала топонимов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 22 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 198 с.

Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» // Русская ономастика. Рязань, 1977. С. 152–157.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Onomastique et histoire, onomastique littéraire, textes édités par Pierre-Henri Billy et Jacques Chaurand. Aix-en-Provence: Publications de l'université de Provence, 1998. № 8. 386 p.

References

Aleksandrova D.I. *Sravnienie kak sposob sozdaniija hudozhestvennogo obraza v romane M.A. Sholohova «Tihij Don»* [Comparison as a way to create an artistic

character in a novel of M.A. Sholohova “Tihij Don”]. *Russkij jazyk v shkole* [The Russian language in school], 2005, № 3, pp. 54–58. (In Russ.)

Bondaletov V.D. *Russkaja onomastika* [Russian onomastics]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1983, 224 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Jazyk hudozhestvennogo proizvedeniija* [The language of the artwork]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1954, № 5, pp. 3–26. (In Russ.)

Karpenko M.V. *Russkaja antroponimika* [Russian antroponymy]. *Konspekt lekcij speckursa* [Lecture notes of the special course]. Odessa, 1970, 42 p. (In Russ.)

Karpenko Ju.A. *Imja sobstvennoe v hudozhestvennoj literature* [Proper name in fiction]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1986, № 4, pp. 34–40. (In Russ.)

Karpenko Ju.A. *Specifika onomastiki* [The specifics of onomastics]. *Russkaja onomastika* [Russian onomastics]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011, 95 p. (In Russ.)

Merkulova N.V. *Jesteticheskaja onomastika i ee funkcii v hudozhestvennom tekste i intertekste (na materiale proizvedenij francuzskoj literatury)* [Aesthetic onomastics and its functions in the literary text and intertext (based on the works of French literature)]. *Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and intercultural communication], 2015, № 4 (18), pp. 143–148. (In Russ.)

Mihajlov V.N. *Specifika sobstvennyh imjon v hudozhestvennom tekste* [The specifics of own images in a literary text]. *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific reports of the higher school. Philological sciences], 1987, № 6, pp. 78–82. (In Russ.)

Perkas S.V. *Paradigmaticheskie i sintagmaticheskie aspekty lingvostilisticheskogo potenciala toponimov v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Paradigmatic and syntagmatic aspects of the linguistic and stylistic potential of toponyms in modern English: DSc thesis, summary]. Moscow, 2009, 22 p. (In Russ.)

Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 198 p. (In Russ.)

Silaeva G.A. *O soderzhanii ponjatija «literaturnyj antroponim»* [On the content of the concept of “literary anthroponym”]. *Russkaja onomastika* [Russian onomastics]. Rjazan', 1977, pp. 152–157. (In Russ.)

Suprun V.I. *Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, 172 p. (In Russ.)

Onomastique et histoire, onomastique littéraire, textes édités par Pierre-Henri Billy et Jacques Chaurand, Aix-en-Provence, Publications de l'université de Provence, 1998, № 8, 386 p.

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 105–112. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 105–112. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 347.2

EDN ABWETO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

НЕДЕЛИМАЯ ВЕЩЬ В ОКОВАХ МЕТАФИЗИКИ

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Аннотация. В статье рассматривается важнейшая для цивилистики проблема неделимости вещи. Отсутствие её удовлетворительных решений связывается автором с методологией, которую он называет метафизической, а также с логическими ошибками в построении правовой конструкции неделимой вещи в ст. 133 ГК. Как следствие, разбирательство дел, в которых необходимо решить вопрос о том, является ли вещь неделимой, либо вовсе обходится без изучения интересов сторон спора, либо подменяет их абстрактным восприятием участников оборота. В работе обсуждаются гносеологические и исторические корни этой традиции в российском праве, в том числе влияние французской и германской доктрины. Собственный подход автора позволит, по его мнению, учесть интересы участников каждого отдельного правоотношения. Способность вещи выступать в обороте как единое целое должна учитываться только постольку, поскольку она, как это целое, представляет ценность для тех лиц, которых касается спор о неделимости вещи. Применение этого подхода показывается на практических примерах. Обсуждаются возможные варианты изменения нынешнего правового режима. Итогом работы становится предложение новой легальной конструкции неделимой вещи.

Ключевые слова: неделимая вещь, сложная вещь, принципы регулирования частных правоотношений, осуществление субъективных гражданских прав, интересы субъектов гражданских правоотношений.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. Неделимая вещь в оковах метафизики // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 105–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

Research Article

INDIVISIBLE THING IN THE FETTERS OF METAPHYSICS

Vladimir L. Volfson, Cand. Sci. (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Abstract. The article deals with the problem of indivisibility of the thing, a major challenge for civil law doctrine over ages. In author's view, the lack of satisfactory solutions to this problem stems from a methodological flaw referred in the work as 'metaphysical'. Combined with mistakes in the construction of Art. 133 of the Russian Civil Code, this approach leads to legal proceedings which fail to provide a fair solution to indivisibility issue. Courts may either ignore interests of the parties involved in the dispute altogether or replace them with a construed concept of the perception held by participants of legal turnover. The author also investigates epistemological and historic roots of this tradition, particularly in the German and French doctrine. The author's own approach suggests taking into account the interests of those individuals who are the parties to the dispute. Whether a thing acts as a single entity in turnover is solely dependent on the nature of its value for the persons who may be affected by the outcome of this case. Provided is some case modelling to show practical consequences this approach involves. After exposing various options of amending the current law, the author puts forward proposals he deems will serve best to cope with the issue of indivisibility.

Key words: indivisible thing, complex thing, concepts of private law regulation, exercise of civil rights, interests of the parties to civil legal relation.

For citation: Volfson V.L. An indivisible thing in the fetters of metaphysics. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 105–112. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-105-112>

Задача гармонизации частных интересов – единственная задача нормотворчества в области гражданского (частного) права.

Для того чтобы она успешно решалась, прежде всего требуется глубоко и ясно понимать природу тех интересов, которые затем предстоит выразить в нормах права, причём сделать это так, чтобы правовое регулирование обеспечивало равновесие в их объективном противостоянии. Умелая юридическая техника – это требование уже следующего уровня. Но проникновение в природу подлежащих защите интересов ведёт и к отсеиванию тех ориентиров, которые не должны учитываться при конструировании правовой нормы¹. Между тем отечественное законодательство в области частного права и цивилистическое знание в целом испытывают на себе системное воздействие мировосприятия, которое исходит из посторонних указанным задачам частного права соображений. Эти соображения могут относиться к публично-правовым ценностям, в частности – к «политико-правовым соображениям», «интересам правопорядка» и т. п. [Карапетов: 141–149]², к ценностям вне правового признания и даже к явлениям, не имеющим ценностной природы (физическим объектам, в частности). Такая направленность поиска в постороннюю частному праву область, т. е. к тому, что не имеет отношения к субъективным интересам, мы будем именовать правовой метафизикой, имея в виду рассуждение, выходящее за пределы явлений, которыми только и могут быть верифицированы (проверены на истинность) утверждения о правильности его выводов³; таковыми явлениями здесь принимаются интересы субъектов частных прав.

Нужно сказать о том, что этот метафизический способ рассуждения глубоко укоренился в правовой мысли – дело выглядит так, словно бы неопозитивизм и лингвистический поворот в философии⁴ вовсе не оказали на неё влияние. Отрицательные последствия метафизического мышления прежде всего принимают на себя те области гражданского права, где открывается соблазн подменить конструкцию, возникшую из учёта частного-правовых интересов, доктринальными и нормотворческими решениями, выражающими некое общее здравомыслие, которое, однако, на практике оказывается праздномыслием, ибо равнодушно к истинным задачам гражданского права. Таковы, безусловно, построение систем цивилистических классификаций и даже выделения категорий вне классификаций – в этих случаях вопрос о том, чему именно служит гражданское право, стоит принципиально, ведь нужно дать выражение существенным признакам явлений. Закономерно, особую остроту метафизическая проблема в цивилистике приобретает тогда, когда предметом классификаций или категориального деления становятся правовые

явления, которые изначально открыты для посторонних частно-правовым интересам суждений – будь то публично-правовые соображения или же свойства, вовсе не имеющие отношения к миру права, например естественные свойства вещей. Поэтому гражданско-правовая классификация вещей неизбежно принимает на себя удар метафизического правоведения.

Вероятно, правовой режим каждой из выделенных подкатегорий вещей в нашем ГК заслуживает обстоятельного и взыскательного изучения на предмет проникновения метафизических (посторонних) соображений. Можно было бы указать на то, что недвижимость как объект гражданских прав выделена в категориальную разновидность не потому, что относимые к ней вещи настолько прочно связаны с землёй, что перемещение их без несоразмерного ущерба назначения невозможно (садовая скамейка – тоже недвижимость?) [Вольфсон 2022], но потому, что благодаря ряду свойств, прежде всего простоте идентификации, эти вещи выполняют незаменимые функции в обороте – они являются идеальным предметом залога и объектом капиталовложений. Недвижимость, таким образом, будучи важнейшей для системы вещной классификации категорией с точки зрения защищаемого интереса, в легальном своём режиме предстаёт не вполне тем, чем является на самом деле⁵. Но нам в этой статье предстоит исследовать правила о неделимости вещи – как представляется, они страдают тем же самым пороком.

В период действия первой редакции ГК, до вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в дальнейшем – ФЗ-142), т. е. с 1 января 1995 г. до 1 октября 2013 г., применялся критерий неделимости, вовсе не учитывающий интересы, которые удовлетворяются использованием вещи. Неделимой призналась вещь, раздел которой в натуре невозможен без изменения ее назначения. Это означало, что законодатель не считался с тем, что вещь является благом, ценностью. Подобные положения имеются и в Германском гражданском уложении (§ 93)⁶. Подход германского законодателя основывался на сознательном стремлении создать логически и системно совершенные категории, что стало итогом эволюции пандектистики [Цвайгерт, Кётц: 222], на завершающем своём этапе под влиянием как «юриспруденции понятий» (Begriffsjurisprudenz), так и внешне ей противостоящей школы «свободного права» (Freirechtsschule) [Покровский: 95], усилившей своё изначальное тяготение к абстрактным нормам, которые критики называют «каучуковыми» [Покровский: 103 и др.]. То, что подход может быть другим, мы увидим на примере французского законодательства. Однако нас занимает не генезис

образования таких понятий, а то, что их объективное прочтение, независимо от того, какой вид может придать их содержанию практика, свидетельствует о равнодушии к цели гражданского права – учёту и гармонизации интересов участников правоотношений.

На наш взгляд, метафизический дух, который даёт о себе знать в ст. 133 в её прежней редакции, как и других подобных легальных правилах, относится не к «высокой» философии, где он выступает одной из схем миропостижения, а к тому, что иногда называют стихийной, или бытовой, метафизикой. Этот способ мышления видит в вещах не столько непостижимую, неподдающуюся верификации реальность (*Ding an sich*⁷), а некую самоочевидную для такого сознания когнитивную конечность. Вещь для такого мышления выступает как семиотически самодостаточная, самоозначиваемая реальность. Атрибутирование вещи каких-либо свойств будет определяться непосредственно воспринимаемыми физическими данными. Если вещь инстинктивно неделима, то такое сознание будет наделять её режимом неделимости во всех связях и отношениях, в которых эта вещь пребывает. Между тем в диалектическом понимании мира свойства вещи не неизменны уже потому, что вещь видится всегда участвующей в связях с другими явлениями, а значит, эти свойства могут зависеть от причинного воздействия, осуществляемого благодаря этим связям, или же менять свои значения в зависимости от того, какая именно связь (с каким коррелятом) имеется в виду. Очевидно, что диалектический тип мышления исключит зависимость правовых свойств вещей от их физических (а на самом деле – метафизических, т. е. посторонних тем задачам, которые нужно решить) свойств. В цивилистическом смысле никакого априорного назначения ни у одной гражданско-правовой вещи не существует, они все «вещи» – блага, способные, благодаря набору своих качеств, удовлетворять определённые интересы участников оборота: существо их правообъектности всегда задаётся именно этой способностью. По этой причине описанный здесь подход не подразумевал, что неделимость понималась в физическом смысле. Гражданское право имеет дело с благами, обладающими ценностным эквивалентом [Вольфсон 2021: 62], и, конечно, изначально могло рассматривать цивилистическое свойство делимости только с позиций ценности для оборота, во всяком случае в противопоставлении с физической делимостью. Данное обстоятельство не будет лишним подчёркивать во всех трудах по вещному праву, что и делалось дореволюционными цивилистами [Дювернуа: 46; Шершеневич: 175; Мейер: 172]. Проблема в том, что видеть в благе ценность, в том числе и в свойстве её неделимости, можно метафизически, т. е. так, как описано выше, приписывая ей неизменный на-

бор ценностных предикатов [Дювернуа: 47]: в таком понимании, например, любой дом не будет делимой вещью⁸, а коллекция марок, наоборот, делима, во всяком случае – на основе презумпции. Однако для гражданского оборота должна иметь значение только динамически понимаемая ценность, которая складывается ситуативно, в определённом контексте, а для неделимости вещей – как правило, в виде определённой концепции вещи, чаще всего составной. Тем не менее в тех случаях, когда это соображение не проходило незамеченным для цивилистической мысли, она ссылалась на него лишь для того, чтобы показать условность существующих критериев делимости. Так, в начале XX в., сразу после принятия ГТУ, Н.Л. Дювернуа писал: «В этом различении всегда будет много моментов фактических, трудно поддающихся обобщениям. Для обобщения вопроса Дербург берет как пример связь печей с домом и замечает, что в прирейнских областях жилец обыкновенно приносит со своей движимостью и свою печь и, стало быть, её нельзя назвать составной частью здания; а у нас, например на берегах Невы, помещение без печей, конечно, основательнее будет называть сараем, чем домом или жилым помещением для людей вообще» [Дювернуа: 35]. В большинстве же случаев это соображение, как кажется, не является очевидным для цивилистов, о чём можно судить по соответствующим разделам в трудах по объектам гражданских прав и в учебниках разных лет, где оно почти не встречается [Шершеневич, 172; Постатейный комментарий: 49; Гражданское право: 358].

Концепция реформы гражданского законодательства (далее – Концепция) не содержала положений об правообъектном режиме неделимой вещи как таковой, ограничиваясь суждениями, которые относились к составным частям такой вещи (п. 3.1 Концепции), а также касались перехода вещных прав и связанных с этим переходом вопросов. Сетую на то, что нашему законодательству неизвестны критерии, по которым при переходе в состав неделимой вещи другая вещь считается утратившей свойства своей правообъектности, авторы Концепции полагали, что составной частью неделимой вещи «целесообразно считать все то, что относится к ее составу *согласно представлениям участников гражданского оборота* (курсив мой. – В. В.) и не может быть отделено от вещи без ее разрушения, повреждения или изменения ее функционального назначения» [Концепция 3.1]. Таким образом, правообъектная судьба части составной вещи ставилась в зависимость от динамического (хотя и абстрактного) ценностного критерия, что можно было считать скромным прогрессом. Здесь же предлагались и дополнительные критерии.

В пореформенном тексте ГК гипотеза правообъектности неделимой вещи была расширена за счет

указания на то, что она может иметь составные части, но при этом такие части утрачивают свою прежнюю вещную правообъектность – из их соединения возникает новая вещь, которая «выступает в обороте как единый объект вещных прав». Для нас очевидно, что последнее правило выражает и динамический ценностный подход, причём применительно к вещи в целом, а не к составной части, как предлагалось в Концепции⁹. Действительно, лишь один предикат правила заключается в том, что разрозненные вещи, соединяясь в новую правовую субстанцию, делегируют ей как правовое качество своей вещности в целом, так и отдельные её свойства, а новая вещь обретает новые качества и новые свойства, не сводимые к сумме делегированных ей качеств и свойств. Другой же смысл – и, соответственно, признак неделимой вещи – у этого правила в том, что сама по себе осуществимость такого качественного перехода возможна была только в силу наличия у этой новой субстанции ценности, которая возникает при слиянии вещей в единое ценностное целое в силу некоторой концепции¹⁰. Эта динамическая концептуальность нового единства, которая, как уже говорилось, является наиболее явной в составной вещи, конечно, может иметь только ценностную природу. В обратном случае придание юридического значения такому переходу было бы лишено какого-либо смысла. Ценностный предикат неделимости следует также из догматического толкования: способность вещи выступать в обороте «как единый объект вещных прав» противопоставлена в ст. 133 назначению вещи и лексически, и тем, что несводимо к качествам целостности («раздел невозможен без разрушения, повреждения или изменения назначения»).

Из высказанного положения следует, что автор этой статьи не считает неделимыми сложные вещи. Если единая ценность, выраженная в концепции соединения, не столь значительна, чтобы создать правообразующий эффект – поглотить вещную природу соединяемых вещей и привести к созданию новой вещи, воплощающей в себе эту доминирующую ценность, – то это значит только то, что вещи, вошедшие в состав сложной вещи, не утратили своей ценности для интересов участников правоотношения (по умолчанию следующих из обычных представлений участников оборота) и, конечно, не делегировали своей правообъектности сложной вещи. Поэтому такая вещь по определению делима. Образование данной категории вещей в гражданском законодательстве связано не с разрешением вопросов раздела, а с необходимостью распространить действие сделки, как это и указано в предусмотренной ФЗ-142 и, на наш взгляд, очень удачной редакции ст. 134, на все те вещи, соединение которых даёт основание для разумного предположения о том, что они будут использованы

по общему назначению, определяемому таким соединением. Исключение из нормы в ФЗ-142 указания на то, что эти вещи образуют «единое целое», представляется поэтому принципиальным решением законодателя, а не следствием редакционного усовершенствования нормы. При этом вопрос о делимости сложной вещи является в отечественной науке дискуссионным [Рахвалова: 329–332].

А вот признание неделимости ценностью для оборота вышло в ФЗ-142 неуклюжим. За этой неделимостью словно бы нет никаких интересов – и в этом смысле она есть ценность снова метафизическая, внеположная области значений, в отношении которых должен проходить верификационный поиск. Но ценность становится ценностью лишь тогда, как она становится объектом интереса; интерес в гражданском праве имеют определённые субъекты; и подлежат учёту интересы только тех из них, кто участвует в том отношении, по поводу которого возник спор.

Однако обращают на себя внимание и более очевидные недостатки нынешнего определения неделимой вещи – логические. После реформы правило о неделимости, по сути дела, превратилось в двухступенчатый тест. Необходимы утвердительные ответы на оба следующих вопроса. Правда ли, что раздел вещи в натуре без разрушения, повреждения вещи или изменения назначения невозможен? Выступает ли она в обороте как единый объект вещных прав? Легко заметить неприменимость такого теста.

Во-первых, если вещь действительно выступает как единый объект вещных прав, то требование о сохранении её физического единства (в чём бы оно ни выражалось) должно быть снято как частное при наличии более общего. При этом составные вещи – любая коллекция, собрание книг и проч. – соответствует критерию единой правообъектности изначально. Во-вторых, если вещь при дезинтеграции утратит способность «служить своему назначению», она не сможет выступать в обороте и как единое целое, потому что в чём бы ни заключалось назначение вещи, оно, благодаря введению ценностного критерия, до своего раздела всегда определялось этим самым единым целым. Как уже говорилось, переход к новому качеству предполагает обладание новым объектом вещностью, доминирующей и поглощающей вещные сущности составивших её бывших вещей, и такого рода переход может объясняться только интересом в создании новой ценности. Если так, то эта новая ценность, конечно же, и должна определять назначение вещи. Итак, любое назначение вещи всегда зависит от способности выступать в обороте единым целым. В-третьих, бессмысленным является и требование недопустимости разрушения как такового – не может быть такого разрушения, при котором вещь продолжала бы выступать единым

вещным целым (это обязательный предикат, в формуле нет дизъюнкции), и разрушение это несовместимо было бы с квалификацией вещи как неделимой. В-четвёртых, указание на недопустимость вреда как следствие раздела и вовсе представляется нелепым: совершенно неясно, почему вред должен непременно отнимать у вещи существенные свойства единого целого; более того, как уже говорилось, закон сам содержит критерий составной части вещи, который заключается в том, что «замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются». Таким образом, не только причинённый какой-либо части вред, но и замена составной части сами по себе не могут привести к возникновению новой вещи.

Но вернёмся к главной ошибке формулы ст. 133. Легитимация интереса во втором тесте для целей отнесения вещи к неделимым остаётся метафизической (либо учитывающей интересы не только тех субъектов, чьи интересы только и подлежат учёту, то есть лиц, участвующих в каких-либо отношениях по поводу этой вещи, либо и вовсе отвлечённой от интересов сторон правоотношения), а потому бессмысленной. Между тем та самая способность вещи выступать в обороте как единое целое должна учитываться только постольку, поскольку она как это целое представляет ценность для тех лиц, которых касается спор о неделимости вещи, то есть, по умолчанию, сторон спора о её разделе. Только такое понимание ценности избавит её от метафизической интерпретации – от ценностных, в том числе экономических или культурологических, значений, отстранённых от субъектов известного частно-правового отношения, – ибо только в этом случае частное право и будет решать свою единственную задачу – гармонизацию частных интересов определённых частных субъектов. Подчеркнём, что, поскольку не установлено иное, следует предполагать, что ценность вещи как единого целого для участника правоотношения соответствует обычным представлениям участников оборота.

Изложенный подход к неделимости вещи влечёт вполне определённые практические выводы. Их было бы полезно рассмотреть на некоторых примерах.

Прежде всего, если, несмотря на фатальность последствий для использования вещи как единого целого при её разделе по тому назначению, с которым оборот обыкновенно связывает её ценность, обе стороны спора безразличны к таким последствиям и готовы поделить эту вещь, суд без колебаний должен принять решение о разделе. Мотивы, как всегда в гражданском праве, неважны: это могут быть супруги, символически делящие коллекцию или даже физически единую вещь (допустим, раскалывают тарелку, и каждый берёт приблизительно по половине

осколков). Это самое простое последствие: оно исходит из того, что гражданское право не будет охранять никакой интерес, кроме частного. И если между частными интересами имеется согласие, то гражданско-правовой спор отсутствует, для гражданского права нет интересов, нуждающихся в защите.

Далее, если суд установит, что вещь имеет для сторон ценность, но не ту, что является обычной для оборота и обеспечивается как натуральным, так и концептуальным единством, он может принять решение об её разделе и в том случае, если ответчик будет против этого возражать, если исходя из существа интересов сторон вещь не является в контексте их правоотношения неделимой. Представим себе антикварную (не античную, чтобы не возникло публично-правовой проблемы) вазу. Истец настаивает на её разделе и представляет в материалы дела справку от эксперта о том, что сумма стоимости фрагментов вазы будет значительно превосходить стоимость вазы в целом. На заданный судом вопрос – видит ли ответчик в этой вазе какую-либо эстетическую, личностную, историческую и любую иную нематериальную ценность – тот даёт отрицательный ответ. На уточняющий вопрос «Верно ли, что ваза вас интересует только как носитель относительной (конвертируемой) экономической стоимости?» следует утвердительный ответ. В этом случае суд должен удовлетворять требование истца о разделе вазы, то есть, по существу, об её расколе, – несмотря на возражение ответчика. Как для истца, так и для ответчика ценность вазы была такого свойства, при котором преодолевается презумпция неделимости такой вещи, следующая из того, что согласно обычным представлениям участников оборота такая вещь рассматривается как единый объект вещных прав. Руководствуясь нематериальным подходом к этому единству, который бы привёл к требованию учитывать внеположный правоотношению истца и ответчика критерий абстрактного гражданского оборота, а теми соображениями, которые только и могут иметь значение для разрешения дела, т. е. интересами собственников вазы, гражданское право не должно здесь рассмотреть неделимой вещи.

Наконец, если имущество, обычно не выступающее в обороте как единое целое, обладает единством в представлении одной из сторон спора, суд не вправе его разделить – вновь потому, что значение имеют только интересы тех лиц, кого касается квалификация вещи как неделимой. Например, супруги привозили из путешествий незамысловатые и малоценные безделушки – так называемые «сувениры», пусть «магнитики». За годы поездок их скопилось достаточно много. Концептуального единства, в обычном представлении участников оборота, они не образуют – это не коллекция, не библиотека, не гербарий. Тем не ме-

нее, если суд сочтёт себя убеждённым в том, что это хаотическое, *prima facie*, собрание представляет собой ценность для ответчика как единое целое, в иске о разделе должно быть отказано.

Итак, основная идея этой работы заключается в необходимости разрешать любые коллизии частного права, в особенности же требующие применения категориального деления, избегая чужеродных частным интересам соображений, т. е. не допускать метафизики как рассуждения, внеположного коррелятам верификации. Будучи общей для всего юридического мышления, эта гносеологическая установка должна, конечно, находить выражение на разных уровнях профессиональной деятельности – и в доктрине, и в законотворчестве, и в разрешении споров. Мало констатировать, что единство вещи является не столько физическим, сколько юридическим, т. е. определяемым ценностью единства вещи для оборота, поскольку такое единство не должно пониматься как изначальная и постоянная данность; оно всегда выражает некоторую концепцию, которая превращает отдельные вещи в новое ценностное целое, превосходящее сумму ценности этих вещей и поглощающее их правообъектность. Но и этого, как мы показали, ещё недостаточно: нужно, чтобы эта концепция наделялась не только динамической, но и ситуативной природой, определяемой интересами тех субъектов, которых касается спор о разделе вещи; при этом следует всегда исходить из того, что, поскольку не доказано иное, интересы субъектов соответствуют обычным представлениям участников оборота о ценности вещи в её неделимости.

Современное гражданское право, с его высоким уровнем абстракции, заимствованной от пандектики, едва ли будет склонно допускать сужение гипотезы общего правила о неделимости вещи в специальных нормах, которые предусматривали бы необходимость учёта названных в них интересов сторон, как в виде императивных правил, так и в виде презумпций, противоположных указанному выше правилу по умолчанию. Но мы полагаем, что отказываться от таких возможностей, пусть и в нечастых случаях, нецелесообразно. Трудно удержаться от того, чтобы не отдать дань восхищения нормотворческой изощрённости ФГК, который, в противоположность германскому совершенству образования абстрактных понятий, нимало не смущаясь употреблением житейских обозначений вещей, содержит в изобилии нормы, предусматривающие правопреобразовательное соединение вещей¹¹.

И всё же подобный регулятивный экспансионизм ныне заслуженно будет считаться старомодным и неэффективным¹². Важнее вооружить практику ясным пониманием того, что при решении дела, где требуется применить правообъектный режим неделимой

вещи, то есть там, где нужен ответ на вопрос, является ли вещь неделимой, суды должны исходить из контекста спорного правоотношения во всей полноте распознавания интересов его сторон. В этих целях правило п. 1 ст. 133, закрепляющее формулу правообъектного режима неделимой вещи, представляется правильным изложить в следующем виде: «Вещь, которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. Вещь признаётся единым объектом вещных прав согласно обычным представлениям участников гражданского оборота, если иного не следует из представлений сторон спора об её разделе».

Примечания

¹ Теория субъективного гражданского права как юридического выражения интереса, вменённого нормой позитивного законодательства участникам гражданского правоотношения, раскрывается во многих работах автора этой статьи (см., например: [Вольфсон 2017: 11–27]).

² Предметная критика школы свободного права (*Freirechtsschule*), течения научной мысли начала XX в., которая является истоком этих воззрений, содержится ещё в труде И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права». Особо стоит отметить упреки, адресованные тому ответвлению этой школы, которое полагает возможным некий объективистский и при этом отличный от содержания догмы критерий судебного усмотрения [Покровский: 102–108].

³ Одна из самых известных формул научного отказа от метафизического мышления в указанном смысле принадлежит Л. Витгенштейну: «Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, – следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях» [Витгенштейн].

⁴ Важнейшее явление в философской мысли XX века, с которым связывается переключение её внимания к проблемам языка и, шире говоря, к верификации философских высказываний. Значительную роль в этом движении сыграли философы-позитивисты Л. Витгенштейн, Б. Расселл и А.Ф. Айер. Одним из неизбежных следствий и одновременно побудительных причин лингвистического поворота была неудовлетворённость в типе мышления, которое неопозитивисты называли метафизикой, имея в виду при этом открытость к суждениям, неспособным к верификации.

⁵ Традиционно эта проблема решалась как путём выделения группы, которая отнесена к недвижимости в силу закона (у нас это абз. 2 и 3 п. 1 ст. 130 ГК), так и через институты мобилизации либо иммобилизации, почти не известные отечественному праву [Лапач: 349].

⁶ «Части вещи, которые не могут быть отделены одна от другой без уничтожения или изменения сущности вещи (существенные части), не могут быть предметом самостоятельных прав».

⁷ Термин из трудов И. Канта, означающий такое понимание философом мира вещей, при котором исключается познание того, что такое вещь за рамками опыта, – всё, что человек может знать о вещи, сообщается опытным восприятием. Считается, что принятый ранее в русскоязычной традиции перевод «вещь в себе» неточен, ибо создаёт представление о возможности существования вещи и «не в себе», а поэтому следует переводить кантовскую категорию как «вещь сама по себе».

⁸ Вопрос о делимости дома традиционно решается в гражданском праве неоднозначно. В Своде законов Российской империи дом не причислялся к перечню вещей, неделимых в силу закона, хотя доктрина склонялась именно к такому выводу. Против этого выступал Г.Ф. Шершеневич, считавший, что «по существу дом должен предполагаться вещью раздельною, но что предположение это может быть опровергнуто доказательством невозможности деления данного дома с сохранением за частями экономического значения целого» [Шершеневич, 172].

⁹ Для определения составной части неделимой вещи законодатель решил воспользоваться одним из факультативных критериев, предложенных в Концепции: «Замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются».

¹⁰ В некоторых источниках эта концептуальная и ценностная неделимость, выраженная в признании вещи единым объектом, именуется «юридической неделимостью» [Постатейный комментарий: 49]. Однако такое словоупотребление создаёт представление, будто неделимость в виде невозможности раздела без изменения назначения является заданной естественными свойствами. Выше мы уже говорили, что и такая «простейшая» неделимость является всегда юридической, принимающей во внимание свойства объекта как блага.

¹¹ Речь идёт о разного рода конструкциях, и вовсе не только ведущих к возникновению неделимой вещи, в частности – о соединении вещей без образования новой вещи или же об обращении движимых вещей в недвижимые по признаку хозяйственной принадлежности (destination) – иммобилизации

либо изъятию их из-под режима недвижимого имущества (мобилизация). При этом как таковое деление вещей на делимые и неделимые в ФГК отсутствует. На взгляд автора, наиболее интересный материал содержится в ст. 525 Кодекса.

¹² Что вовсе не свидетельствует о ненужности нашему праву самих концепций, которые стоят за этими избыточными правилами и которые в нём по существу отсутствуют. Вероятно, справедливым остаётся указание В.А. Лапача, высказанное учёным более двадцати лет назад, о явно недостаточном внимании отечественной доктрины к проблемам правосоздающего или правоизменяющего соединения вещей [Лапач: 349].

Список литературы

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. И. Добронравова, Д. Лахути. Москва: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.

Вольфсон В.Л. Об иммобилизации и мобилизации в Гражданском кодексе Наполеона // Энергия Ци. Цивилистика головного мозга: группа. URL: <https://clck.ru/xiPL8> (дата обращения: 4.09.2022).

Вольфсон В.Л. Право пассажира на отказ от перевозки как модель соблюдения принципа договорного равновесия в обязательствах по оказанию услуг // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 50–67.

Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. Москва: Проспект, 2017. 144 с.

Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2018. 1040 с.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Недвижимые и движимые вещи. Ценные бумаги. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Охрана частной жизни. Постатейный комментарий к главам 6–8 / В.В. Андропов, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2016. 208 с.

Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2. Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. В.А. Томсинов. Москва: Зерцало-М, 2015. 320 с.

Капанетов А.Г. Экономический анализ права. Москва: Статут, 2016. 528 с.

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. Теория и судебная практика. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. 4-е изд. Москва: Статут, 2021. 846 с.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998. 353 с. Сер.: Классика российской цивилистики.

Рахвалова Д.О. К вопросу о неделимости сложной вещи // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2 (43). С. 329–332.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.): в 2 т. Т. 1. Учебник русского гражданского права. Репр. 10-го изд., 1912 г. Москва: Статут, 2021. 838 с.

Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 1. Основы.: пер. с нем. Москва: Междунар. отношения, 2000. 480 с.

References

Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [The Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Ob immobilizatsii i mobilizatsii v Grazhdanskom kodekse Napoleona* [On immobilization and mobilization of objects in the Napoleonic Code]. *Energia Tsi. Tsivilistika golovnoy mozga: Gruppy* [‘Qi Energy. The Civil-Law Doctrine of the Brain’ Group]. URL: <https://clck.ru/xiPL8> (access date: 4.09.2022). (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Pravo passazhira na otkaz ot perevozki kak model' sobliudeniia printsipa dogovornogo ravnovesiia v obiazatel'stvakh po okazaniyu uslug* [Right to Cancel a Contract of Carriage by the Passenger: a Model to Maintain a Contractual Balance in the Obligation to Provide Services]. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2021, № 3 (65), pp. 50-67. (In Russ.)

Vol'fon V.L. *Protivodeistvie zloupotrebleniiu pravom v rossiiskom grazhdanskom zakonodatel'stve* [Remedies Against Abuse of Rights in the Russian Civil Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 144 p. (In Russ.)

Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 [Civil Law Textbook: in 3 vols. Vol. 1], ed. by A.P. Sergeev, 2nd ed., amended and revised. Moscow, Prospekt Publ., 2018, 1040 p. (In Russ.)

Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Nedvizhimye i dvizhimye veshchi. Tsennnye bumagi. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii. Okhrana chastnoi zhizni. Postateinyi kommentarii k glavam 6–8 [The Civil Code of the Russian Federation. Movable and Real Property. Securities. Legal Defences of Honor, Dignity and Business Reputation. Protection of Private Life. Article-by-article commentary to Chapters 6-8], V.V. Andropov, B.M. Gongalo, P.V. Krashennikov etc., ed.

by P.V. Krashennikov. Moscow, Statut Publ., 2016, 208 p. (In Russ.)

Diuvernua N.L. *Chteniia po grazhdanskomu pravu. T. 2. Uchenie o ve-shchakh. Uchenie o iuridicheskoi sdelke* [Readings on the Civil Law. Vol. 2. The Doctrine of Properties. The Doctrine of Legal Deal], ed. by V.A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2015, 320 p. (In Russ.)

Karapetov A.G. *Ekonomicheskii analiz prava* [Economic Analysis of Law], Moscow, Statut Publ., 2016, 528 p. (In Russ.)

Kontseptsiiia razvitiia grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) [The Civil Legislation of the Russian Federation: Concept of Development. Approved on October, 7, 2009 by the decision of the Council on codification and improvement of civil legislation under the President of the Russian Federation]. (In Russ.)

Lapach V.A. *Sistema ob"ektov grazhdanskikh prav. Teoriia i sudebnaia praktika* [The Civil-Law Objects System. Theory and Judicial Practice]. St. Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2002, 544 p. (In Russ.)

Meier D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [The Russian Civil Law], 2nd edition, Moscow, Statut Publ., 2021, 846 p. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of the Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 1998, 353 p. Ser.: Classic Texts of the Russian Civil Law Science. (In Russ.)

Rakhvalova D.O. *K voprosu o nedelimosti slozhnoi veshchi* [On the Issue of Legal Indivisibility of a Complex Thing]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2018, № 2 (43), pp. 329-332. (In Russ.)

Shershenевич G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: (po izdaniyam 1912 i 1914-1915 gg.): v 2 t. T. 1* [The Textbook on the Russian Civil Law Compiled from the Editions of 1912 and 1914-1915: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2021, 838 p. (In Russ.)

Tsvaigert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 1. Osnovy, per. s nem.* [Introduction to the Comparative Legal Studies: in 2 vols. Vol. 1. Fundamentals. Trans. from German]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2000, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 12.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

DNDO В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ США ПО БОРЬБЕ С ЯДЕРНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, metelkov5178@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа профильного законодательства США рассматриваются сложные вопросы формирования системы борьбы с актами ядерного терроризма, включая координацию взаимодействия государственных органов и организаций в обнаружении признаков возможных угроз. Современные вызовы и угрозы (терроризм, региональные конфликты, распространение оружия массового поражения) в условиях обострения международной обстановки, совершенствования технологий актуализируют проблему противодействия актам ядерного терроризма. Целью работы является исследование сложного вопроса распределения функций государственных органов США через анализ миссии Внутреннего управления по обнаружению ядерного оружия (DNDO), направленной на объединение усилий государственных и местных органов власти в рамках системы обнаружения радиоактивных материалов, вышедших из-под регулирующего контроля. Автором выявлена адаптируемость структуры государственных органов Соединенных Штатов к изменению актуальных угроз ядерного, радиологического, химического и биологического характера. В результате анализа функций DNDO обоснованы готовность и возможность государства объединить усилия элементов механизма государства по обнаружению ядерных или радиологических террористических атак и реагированию на них. Скоординированный государством ответ может минимизировать гуманитарные и экономические последствия, не допустить подрыва доверия общества к государственному механизму США на уровне федерации, штатов и местного управления и способности правительства реагировать на кризис.

Ключевые слова: ядерный терроризм, государственные органы, функции, реагирование, антикризисное управление, координация.

Для цитирования: Метельков А.Н. DNDO в государственном механизме США по борьбе с ядерным терроризмом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 113–119. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-113-119>

Research Article

DNDO IN THE US STATE MECHANISM TO COMBAT NUCLEAR TERRORISM

Alexander N. Metelkov, Candidate of Law, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinicheva, St. Petersburg, Russia, metelkov5178@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the relevant US legislation, the article discusses the complex issues of forming a system for combating acts of nuclear terrorism, including coordination of interaction between state bodies and organizations in detecting signs of possible threats. Modern challenges and threats (terrorism, regional conflicts, proliferation of weapons of mass destruction) in the context of the aggravation of the international situation, the improvement of technologies actualize the problem of counteracting acts of nuclear terrorism and the topic of the article. The purpose of this work is to explore the complex issue of the distribution of functions of US government agencies through the analysis of the mission of the Internal Office for the Detection of Nuclear Weapons (DNDO), aimed at combining the efforts of state and local governments within the framework of a system for detecting radioactive materials that are out of regulatory control. The author has revealed the adaptability of the structure of the state bodies of the United States to changes in actual threats of a nuclear, radiological, chemical and biological nature. As a result of the analysis of the functions of the DNDO, the readiness and ability of the state to combine the efforts of the elements of the state's mechanism for detecting nuclear or radiological terrorist attacks and responding to them are substantiated. A government-coordinated response can minimize the humanitarian and economic impacts, prevent public confidence in the US government machinery at the federal, state, and local levels, and the government's ability to respond to the crisis.

Keywords: nuclear terrorism, state bodies, functions, response, anti-crisis management, coordination.

For citation: Metelkov A.N. DNDO in the US State Mechanism to Combat Nuclear Terrorism. Bulletin of the Kostroma State University, 2022, vol. 28, No. 4, pp. 113–119 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-113-119>

Опасность, создаваемая ядерным оружием и расщепляющимися материалами, «существует объективно, что сущностно предопределяет функции государства» [Афанасьев: 54], включая обеспечение физической ядерной безопасности. Окончание холодной войны и значительное сокращение ядерных арсеналов России и США не изменили этого факта. Ядерным оружием обладают США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Израиль, Индия, Пакистан и Северная Корея. В ряде мест продолжается производство высокообогащенного урана и плутония. Особые риски создают эксплуатация в разных странах мира более 440 гражданских ядерных объектов, угрозы ракетных обстрелов и использования дронов-камикадзе для атаки на атомные электростанции и другие ядерные и радиационно опасные объекты. Подтвержденная радиационными авариями глобальная опасность и накопление потенциала негосударственными субъектами для совершения актов ядерного терроризма обосновывают потребность в приоритетном обеспечении ядерной безопасности. В связи с усиливающимися террористическими угрозами новое звучание получила «проблема нераспространения оружия массового поражения, включая ядерное» [Синякин: 71].

В материалах МАГАТЭ отмечается, что нет другого вида оружия, сравнимого по уровню ущерба с тем, который может нанести ядерное оружие [Глоссарий]. После террористических атак 11 сентября 2001 г. в США и других зарубежных странах усилились опасения по поводу радиологических угроз в крупных городах, а также готовности отреагировать на нападение с помощью радиологического рассеивающего устройства (RDD) или самодельного ядерного устройства (IND). Конгрессмен США Велдон Курт заявил, что для США самая серьезная обеспокоенность в ядерной сфере связана с возможностью террористов получить доступ к системам подрыва ядерного устройства [Противодействие: 43].

По оценкам американских исследователей, предпочтительными целями для террористических атак считаются центры крупных городов. В первые 24 часа до поступления при необходимости дополнительных ресурсов из федерального правительства, местные органы власти и государство будут нести основную ответственность за раннее реагирование.

Совершенствование государственного устройства актуализирует проблему формирования на всех уровнях управления государством оптимальной системы органов государственной власти с разграничением ответственности за решение задач в сфере борьбы

с ядерным терроризмом. В системе органов, осуществляющих государственное регулирование в атомной энергетике, важное место занимают федеральные органы исполнительной власти (министерства, федеральные службы, федеральные агентства) [Грищенко: 308]. В качестве определяющего критерия формирования системы государственных органов, осуществляющих регулирование, выделяют характер их компетенции (общей и специальной) [Коммерческое право: 305–306].

В Рекомендациях по физической ядерной безопасности, касающихся ядерных и других радиоактивных материалов, находящихся вне регулирующего контроля (Серия изданий МАГАТЭ по физической ядерной безопасности, № 15), отмечено, что цели режима физической ядерной безопасности (ФЯБ), действующего в отношении находящихся вне регулирующего контроля ядерных и других радиоактивных материалов (РМ), достигаются путем:

- применения всеобъемлющего и полного свода законодательных положений, предоставляющих административные и правоприменительные полномочия различным компетентным органам государства для того, чтобы они могли эффективно осуществлять свою деятельность;

- обеспечения достаточных ресурсов для различных компетентных органов для выполнения предписанных им функций.

Государство, являясь политической организацией общества, через свои органы осуществляет регулирование противодействия ядерному терроризму. Обеспечение ресурсов для выполнения функций различных компетентных органов включает:

- меры по предупреждению преступных или несанкционированных действий с негативными последствиями для ФЯБ, связанными с ядерными или другими РМ, находящимися вне регулирующего контроля;

- обнаружение в результате инструментального поиска тревожного сигнала и/или информационного предупреждения о совершении или о признаках совершения преступного или несанкционированного действия с нежелательными последствиями для ФЯБ, связанного с ядерными или другими РМ, находящимися вне регулирующего контроля;

- реагирование на события, связанные с ФЯБ.

Обнаружение предусматривает разработку национальной стратегии, создание системы обнаружения, оперативное проведение первоначальной оценки поступающих от приборов тревожных сигналов и информационных предупреждений для установления факта наступления события, связанного с ФЯБ. Реагирование на события, связанные с ФЯБ, включает:

- оповещение в соответствующих случаях компетентных органов;
- оценку достоверности и потенциальных последствий событий, связанных с ФЯБ;
- определение местонахождения, идентификацию, установление категории и характеристик ядерных или других РМ;
- обеспечение физической безопасности ядерных или иных РМ и применение других надлежащих мер ФЯБ в случае нейтрализации устройств;
- проведение изъятия, ареста и/или конфискации ядерных или других РМ и помещение их под регулирующий контроль;
- сбор, хранение, транспортировку и анализ доказательств, включая использование методов ядерной судебной экспертизы применительно к преступному или несанкционированному действию с последствиями для ФЯБ, связанному с такими материалами;
- задержание и последующее преследование в судебном порядке или осуществление выдачи обвиняемых заинтересованному государству.

Для создания современной системы радиационного мониторинга и аварийного реагирования необходимо не только внедрение современных методов и средств мониторинга, анализа, прогнозирования состояния радиационной обстановки, управления ими, но и оказание квалифицированной научно-технической и экспертной поддержки органам управления в круглосуточном режиме [Труды: 11]. Контртеррористический ландшафт США изменился после атак 11 сентября 2001 г. В США неотъемлемой частью многоуровневой оборонной стратегии для защиты нации от террористической ядерной или радиологической атаки стало учрежденное после этих событий внутреннее (национальное) управление по обнаружению ядерных материалов – DNDO. Риск ядерного терроризма был в центре внимания правительства США задолго до учреждения этого государственного органа. Учреждение DNDO наполнило конкретным содержанием борьбу с ядерным терроризмом. DNDO разрабатывает методологическую основу оценки рисков и затрат в федеральных агентствах для понимания и расстановки приоритетов среди различных программ и мероприятий по обнаружению ядерного оружия. Разведывательное сообщество США постоянно отслеживает признаки интереса террористов к ядерному оружию. Миссия DNDO касается широкого спектра радиологических и ядерных защитных мер, но сосредоточена на обнаружении ядерных материалов. Содержание миссии включает в себя установление прочных межведомственных связей и уровней государственной исполнительной власти для:

- разработки глобальной архитектуры обнаружения ядерных материалов;

- поддержки развертывания системы обнаружения в США;
- расширения эффективного обмена и использования информации и оперативных данных, связанных с обнаружением ядерных материалов;
- координации исследований и разработок в области ядерного обнаружения для постоянного улучшения возможностей обнаружения;
- установления процедур и обучения конечных пользователей оборудования, разработанного и возвращенного в новом офисе.

Ни один отдельный уровень государственного механизма самостоятельно не способен обеспечить стопроцентную эффективность обнаружения и пресечения незаконного оборота ядерных материалов, поэтому зарубежные компоненты системы ядерного обнаружения направлены в первую очередь на обеспечение безопасности ядерных материалов и вскрытие их перемещения через границу. В России схожая комплексная система автоматизированного оперативного, непрерывного и объективного контроля перемещения ядерных материалов, радиоактивных веществ, других опасных веществ и материалов и содержащих их изделий была разработана в рамках ФЦП «Антитеррор (2009–2013 годы)» [Колесников, Перцев, Пыхтин: 99–110].

Автор разделяет выводы ученых ИБРАЭ РАН [Bolshov, Arutyunian, Pavlovskiy: 44–45] и выделяет в минимизации последствий потенциальных радиологических террористических событий вследствие актов ядерного терроризма следующие меры и направления приложения усилий:

- систематический и междисциплинарный анализ практического опыта реагирования на радиационные аварии и смягчение их последствий с целью выработки рекомендаций по эффективным мерам противодействия в случае радиологических актов ядерного терроризма;
- разработка научных подходов, методов и программного обеспечения для реалистичного анализа возможных сценариев и прогнозирование масштабов последствий террористических актов с использованием РМ;
- формирование концепции национальной и международной экспертной научно-технической поддержки в борьбе с радиологическим терроризмом;
- анализ причин неадекватного восприятия косвенных (психологических, социальных, экономических) последствий радиологического терроризма и разработка рекомендаций по их смягчению;
- анализ наличия различных РМ и ранжирование их в соответствии с уровнем потенциальной опасности в случае их использования в террористических целях;
- разработка рекомендаций по модернизации системы учета, контроля и мониторинга РМ, особенно в неядерных отраслях промышленности;

– совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей различные аспекты использования источников излучения в экономике;

– создание новых технологий радиационного мониторинга и обследования в крупных городах и зонах важных инфраструктурных объектов;

– дальнейшая разработка и законодательное закрепление четких и эффективных критериев радиационной безопасности и защита, применяемая в случае радиологического терроризма.

Контрмеры как форма вмешательства представляют собой защитные или восстановительные меры – действия, направленные на смягчение радиологических последствий аварии. Обнаружение относится к контрмерам.

Имеется расхождение между используемой в нормах безопасности терминологией и понятиями, применяемыми в международной шкале ядерных событий (INES). Согласно определению в нормах безопасности события, которые считаются авариями, могут быть авариями или инцидентами (т. е. не авариями) в соответствии с терминологией, применяемой в INES. Такое смысловое расхождение, влекущее определенные правовые коллизии, не создает техническую проблему, поскольку термины определяют разные области применения.

США и Великобритания в ходе выполнения атомных программ «столкнулись со схожими для СССР научными, технологическими и организационными проблемами при вводе в эксплуатацию ядерных объектов» [Власова: 56–80], поэтому изучение зарубежного опыта и, в частности, опыта США представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Ядерное обнаружение реализуется в рамках внешних и внутренних функций государства. Зарубежный опыт внутреннего ядерного обнаружения наиболее выразительно можно продемонстрировать на анализе деятельности DNDO. В 2006 г. Министерством внутренней безопасности (Department of Homeland Security, DHS) для централизации скоординированного федерального ответа на нетрадиционную ядерную угрозу на основании Закона о безопасных портах (P.L. 109-347) был сформирован офис DNDO (его директор был подчинен министру внутренней безопасности) для выполнения конкретных законодательных обязанностей по защите Соединенных Штатов от радиологического и ядерного нападения, включая ответственность за разработку глобальной архитектуры обнаружения ядерного оружия, а также определению федеральных усилий по защите от ядерного нападения, координации деятельности, выявление дублирующих функций и пробелов, интеграции результатов в единую архитектуру. Глобальная архитектура ядерного обнаружения – это многоуровневая система технологий обнаружения, программ и руководств,

призванных повысить способность страны обнаруживать и предотвращать радиологическую или ядерную атаку. Среди ее компонентов выделяют программы по обнаружению ядерных материалов, реализуемые другими федеральными министерствами, и новые программы, внедренные DNDO. Глобальная архитектура представляет собой сложную систему систем, она разработана DNDO в сотрудничестве с другими федеральными органами государственного управления, реализующими функции по обнаружению ядерного оружия. DNDO разрабатывает методологическую основу оценки рисков и затрат в функционировании архитектуры, чтобы понять и расставить приоритеты среди различных программ и мероприятий по обнаружению ядерного оружия в государственных органах на федеральном уровне власти.

Законом о противодействии оружию массового уничтожения от 2018 г. (HR 7213) в DHS было учреждено Управление по противодействию оружию массового уничтожения (CWMD). Новой государственной структуре были предоставлены необходимые полномочия для защиты американского народа от развивающихся угроз оружия массового уничтожения. DNDO включено в его состав на правах управления.

DNDO является важной частью многоуровневой стратегии защиты американской нации от террористической ядерной или радиологической атаки. Для укрепления эшелонированной защиты США дирекция по архитектуре DNDO определяет пробелы и уязвимые места в существующей архитектуре обнаружения ядерных материалов, а затем формулирует рекомендации и планирует ее совершенствование. В архитектуре обнаружения интегрируются несколько значимых элементов:

- многоуровневая структура системы радиационного/ядерного обнаружения;
- определенная и скоординированная сеть взаимосвязей между ними;
- руководящие принципы, регулирующие проектирование и эволюцию архитектуры.

DNDO разрабатывает, приобретает и поддерживает развертывание системы обнаружения ядерного оружия США для своевременного выявления и оповещения о любых попытках импорта или перевозки ядерных взрывных устройств, расщепляющихся материалов или радиоактивных материалов, предназначенных для незаконного использования. DNDO стремится интегрировать эти важнейшие зарубежные программы с внутренней системой обнаружения ядерных материалов и со всеми усилиями по обнаружению ядерных объектов, предпринимаемыми федеральными, государственными, территориальными, племенными и местными правительствами, а также частным сектором.

DNDO предоставит единую подотчетную организацию с особыми обязанностями по разработке глобальной архитектуры, а также по приобретению и поддержке развертывания национальной системы обнаружения для обнаружения и информирования о попытках импорта или транспортировки ядерного устройства либо делящегося или радиологического материала, предназначенного для незаконного использования.

DNDO наделено правами и обязанностями, определяющими исключительную сферу деятельности. Возможность применения DNDO координирующих мер подтверждает важность места и роли данного субъекта государственного управления в механизме реализации внутренних и некоторых внешних функций государства. Законодательством США на DNDO возложены обязанности. DNDO должна:

- выступать в качестве основного органа в правительстве Соединенных Штатов для разработки, приобретения и поддержки развертывания, совершенствования внутренней системы обнаружения и сообщения о попытках импорта, владения, хранения, транспортировки, разработки или несанкционированного использования ядерного оружия, взрывных устройств, расщепляющихся или радиоактивных материалов в США;

- активизировать и координировать усилия федеральных, штатных, местных и племенных органов власти и частного сектора по обнаружению ядерных материалов для обеспечения управляемого и скоординированного реагирования;

- разрабатывать согласованные с министром национальной безопасности и в координации с генеральным прокурором, министрами обороны и энергетики дополнительные протоколы и процедуры в США для обеспечения незамедлительного информирования генерального прокурора, министров обороны, национальной безопасности и энергетики, других соответствующих должностных лиц или их представителей для принятия мер правоохранительными, военными, аварийно-спасательными или другими органами в случае обнаружения несанкционированных ядерных взрывных устройств, расщепляющихся или радиоактивных материалов;

- совершенствовать глобальную архитектуру обнаружения ядерного оружия с разделением ответственности между государственными органами. Руководство DNDO отвечает за реализацию части глобальной архитектуры внутри страны. Министр обороны несет ответственность за выполнение задач Министерства обороны США, в том числе за пределами государства. Статс-секретари, министры обороны и энергетики выполняют обязанности по руководству политикой и реализацией части глобальной архитектуры за пределами Соединенных Штатов,

осуществляемой в соответствии с законодательством США и международными договоренностями. Глобальная архитектура должна быть одобрена министром внутренней безопасности и скоординирована с генеральным прокурором, министрами обороны и энергетики;

- реализовывать, координировать и поддерживать эволюционную и трансформационную программу исследований и разработок для осуществления принятой политики;

- поддерживать и расширять эффективный обмен и использование информации, полученной разведывательным сообществом, правоохранительными органами, антитеррористическим сообществом, другими государственными учреждениями и иностранными правительствами, а также предоставлять соответствующую информацию этим организациям;

- осуществлять мониторинг обстановки путем анализа информации, поступающей от всех систем обнаружения DNDO.

Для обеспечения успеха усилий DNDO в реализации выработанной политики министры обороны, энергетики и национальной безопасности, а также генеральный прокурор обязаны:

- определить и предоставить DNDO соответствующие ядерные, научные и другие экспертные знания;

- участвовать в совместной с DNDO разработке координационных мер, руководств по обнаружению и реагированию, протоколов, программ обучения федеральных, государственных, местных и племенных служащих;

- участвовать в разработке и координации глобальной архитектуры обнаружения ядерных материалов и при необходимости – в проведении исследований и разработок для обнаружения ядерного оружия.

DNDO разрабатывает и организует развертывание национальной системы обнаружения ядерного оружия в целях выявления и информирования заинтересованных органов государства о любых попытках импорта или перевозки ядерных взрывных устройств, расщепляющихся или радиоактивных материалов, предназначенных для незаконного использования. DNDO выполняет ряд функций:

- разрабатывает глобальную архитектуру обнаружения и обеспечивает взаимодействие между федеральными, государственными, территориальными, племенными и местными органами власти;

- повышает эффективность обмена и использования информации и оперативных данных, связанных с обнаружением ядерных материалов;

- поддерживает постоянную осведомленность на основе анализа информации, поступающей от всех систем обнаружения, связанных с миссией управления;

- проводит активные эволюционные и трансформационные программы исследований и разработок

для повышения вероятности обнаружения путем интеграции и развертывания существующих технологий, а также улучшения этих возможностей с течением времени;

– активизирует усилия федеральных, штатных, территориальных, племенных и местных органов власти, а также частного сектора по обнаружению ядерных материалов для обеспечения скоординированного реагирования;

– устанавливает стандарты, протоколы реагирования и проводит обучение своевременным адекватным ответным действиям на федеральном, государственном, территориальном, племенном и местном уровнях.

Несмотря на то, что компетенция DNDO нормативно в основном сосредоточена на внутреннем обнаружении, его координирующая деятельность направлена на укрепление усилий США за границей за счет разработки глобальной архитектуры обнаружения. Разработанные DNDO технологии обнаружения, ориентированные на эксплуатационные требования для применения на территории США, используются и в зарубежных программах.

DNDO проводит как эволюционные (ближайшие, ориентированные на потребности), так и трансформационные (долгосрочные, высококупаемые) программы исследований, разработок, испытаний и оценки (RDT&E) для улучшения национальных возможностей по обнаружению, идентификации радиологических и ядерных материалов. Интегрируя эти программы RDT&E с обязанностями по оперативной поддержке, DNDO обеспечит развертывание технологий с протоколами оперативного реагирования и учебными материалами. Кроме того, для обеспечения большей общей осведомленности DNDO способствует повышению эффективности обмена и использования информации и разведывательных данных, связанных с ядерным обнаружением, объединяет эти данные с информацией, поступившей из всех систем обнаружения, связанных с миссией.

Анализ построения системы государственных органов при борьбе с актами ядерного терроризма на основе разделения управленческих функций государственных органов на антикризисное управление и управление последствиями обеспечивает эффективную организацию решения антитеррористических задач. Способность подготовиться к решительному и адекватному реагированию на акты ядерного терроризма и действовать в первые минуты и часы после террористической атаки потребует достоверной информации, возможностей и инструментов, помогающих в планировании и эффективном смягчении последствий. Несогласованный или несвоевременный ответ государства, наоборот, может создать угрозу жизни и здоровью людей, привести

к увеличению негативных экономических последствий, подорвать доверие общества к способности правительства США, федеральных, штатных и местных органов власти реагировать на кризисную ситуацию.

В результате исследования зарубежного опыта скоординированного функционирования государственного механизма автором выявлен заслуживающий внимания подход, направленный на группирование реагирующих экстренных органов в рамках интегрированного правового и технического решения на основе глобальной архитектуры обнаружения незаконной ядерной деятельности.

Анализ построения правовой системы ядерного обнаружения из определенных элементов государственного механизма США подтверждает конструктивность объединения в рамках единой организационно-правовой государственной структуры борьбы с ядерным, химическим и биологическим терроризмом, что позволяет своевременно и организованно реагировать на комплексные угрозы на ранней стадии их выявления.

Опыт США в построении системы ядерного обнаружения может быть учтен при распределении компетенций государственных органов через функцию внутреннего управления обнаружением ядерных и других радиоактивных материалов, вышедших из-под регулирующего контроля, посредством объединения государственных и местных органов власти, организаций в рамках единой скоординированной системы.

Список литературы

Афанасьев В.С. Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С. 54–59.

Власова Е.Ю. Создание и становление первого закрытого научно-технического центра советского атомного проекта: вторая половина 40-х – середина 50-х гг. XX века: дис. ... канд. исторических наук. Нижний Новгород, 2011. 222 с.

Глоссарий МАГАТЭ по вопросам безопасности: Терминология, используемая в области ядерной безопасности и радиационной защиты / Международное агентство по атомной энергии. Вена, 2007.

Грищенко А.И. Государственное регулирование атомной энергетикой: правовые проблемы // Энергетическое право. 2006. № 1. С. 23–33.

Коммерческое право: учебник. Ч. 1 / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. Москва, 2002. С. 366–373.

Колесников И.А., Перцев С.Ф., Пыхтин А.М. Система инструментального контроля перемещения ядерных материалов и радиоактивных веществ // Военная мысль. 2020. № 2. С. 99–110.

Мелихова А.В. Функции советского и современного российского государства: дис. ... канд. юридич. наук. Самара, 2006. 246 с.

Противодействие ядерному и радиологическому терроризму // Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум: материалы Междунар. науч.-практ. семинара. Москва: Изд-во НААФ, 2007. 212 с.

Синякин И.И. Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия. Москва: Норма, 2012. 192 с.

Развитие систем аварийного реагирования и радиационного мониторинга / науч. ред. Р.В. Арутюнян // Труды ИБРАЭ РАН / под общ. ред. чл.-кор. РАН Л.А. Большова. Москва: Наука, 2013. Вып. 15. 315 с.

Bolshov L.A., Arutyunian R.V., Pavlovskiy O.A. Radiological Terrorism: Threat, Priorities in Prevention, and Minimization of Consequences. Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop on Social and Psychological Effects of Radiological Terrorism. Bratislava, Slovakia, October 23–24 2006, IOS Press, 2007, pp. 25–46.

References

Afanas'ev V.S. *Funkcii gosudarstva: nachala filosofsko-sistemnogo analiza* [Functions of the state: the beginnings of philosophical and systemic analysis]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, No. 3, pp. 54–59. (In Russ.)

Vlasova E.Ju. *Sozdanie i stanovlenie pervogo zakrytogo nauchno-tehnicheskogo centra sovetskogo atomnogo proekta: vtoraja polovina 40-h - seredina 50-h gg. XX veka: dis. ... kand. istoricheskikh nauk* [Creation and formation of the first closed scientific and technical center of the Soviet atomic project: the second half of the 40s - mid-50s of the XX century: PhD thesis]. Nizhny Novgorod, 2011, 222 p. (In Russ.)

Glossarij MAGATJe (po voprosam bezopasnosti terminologija, ispol'zuemaja v oblasti jadernoj bezopasnosti i radiacionnoj zashhity Mezhdunarodnoe agentstvo po atomnoj jenerгии) [IAEA Safety Glossary (Terminology Used in Nuclear Safety and Radiation Protection)]. Vena, 2007. (In Russ.)

Grishhenko A.I. *Gosudarstvennoe regulirovanie atomnoj jenergetikoj: pravovye problemy* [State regula-

tion of nuclear energy: legal problems]. *Jenergeticheskoe pravo* [Energy law], 2006, No. 1, pp. 23-33. (In Russ.)

Kommercheskoe pravo: uchebnik [Commercial Law: Textbook], ed. by V.F. Popondopulo, V.F. Jakovlevoj. Moscow, 2002, ch. 1, pp. 366-373. (In Russ.)

Kolesnikov I.A., Percev S.F., Pyhtin A.M. *Sistema instrumental'nogo kontrolja peremeshhenija jadernyh materialov i radioaktivnyh veshhestv* [Instrumental control system for the movement of nuclear materials and radioactive substances]. *Voennaja mysl'* [Military thought], 2020, No. 2, pp. 99-110. (In Russ.)

Melihova A.V. *Funkcii sovetskogo i sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. juridich. nauk* [Functions of the Soviet and modern Russian state: PhD thesis]. Samara, 2006, 246 p. (In Russ.)

Protivodejstvie jadernomu i radiologicheskomu terrorizmu [Countering nuclear and radiological terrorism]: *Vsemirnyj antikriminal'nyj i antiterroristicheskij forum: materialy Mezhdunar. nauch.-praktict. seminar* [World Anti-Criminal and Anti-Terrorist Forum: materials of the International Scientific and Practical Seminar]. Moscow, Izd-vo NAAF Publ., 2007, 212 p. (In Russ.)

Sinjakin I.I. *Terrorizm s ispol'zovaniem oruzhija massovogo unichtozhenija: mezhdunarodno-pravovye voprosy protivodejstvija* [Terrorism with the use of weapons of mass destruction: international legal issues of counteraction]. Moscow, Norma Publ., 2012, 192 p. (In Russ.)

Razvitie sistem avarijnogo reagirovanija i radiacionnogo monitoring [Development of emergency response and radiation monitoring systems], ed. by R.V. Arutjunjan. *Trudy IBRAJe RAN* [Proceedings of IBRAE RAS], ed. by L.A. Bol'shova. Moscow, Nauka Publ., 2013, vol. 153, 15 p. (In Russ.)

Bolshov L.A., Arutyunian R.V., Pavlovskiy O.A. Radiological Terrorism: Threat, Priorities in Prevention, and Minimization of Consequences. Proceedings of the NATO Advanced Research Workshop on Social and Psychological Effects of Radiological Terrorism. Bratislava, Slovakia, October 23–24 2006, IOS Press, 2007, pp. 25–46.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Гончаренко Елена Вячеславовна, медицинский психолог, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Астраханской области «Областная детская клиническая больница им. Н.Н. Силищевой», Россия, Астрахань, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Гераськов Виктор Сергеевич, следователь Икрянинского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, старший лейтенант юстиции, Астрахань, viktor.gerasckov@yandex.ru

Тайсаева Светлана Борисовна, кандидат психологических наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Полякова Елена Викторовна, помощник ректора по организационным вопросам, Астраханский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, Астрахань, agma.otv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7977-4185>

Аннотация. Стокгольмский синдром является психологическим феноменом, при котором жертва полностью утрачивает контроль над собственной жизнью на определенный отрезок времени, впоследствии становится на сторону агрессора, начинает его поддерживать и даже защищать от наказания. Синдром имеет три фазы психического развития во времени. В первой фазе жертва испытывает положительные эмоции к агрессору, на второй фазе у нее формируется негативное отношение к окружению и оказанию ей помощи, в третьей фазе у жертвы возникает взаимная травматическая связь. В статье описывается пример бытового стокгольмского синдрома у несовершеннолетней в криминологической практике авторов. Объясняется патогенез жертвенной, эмоциональной и зависимой связи с партнером с психопатическим складом личности. Дисгармоничные отношения в семьях и парах, где женщина выражает покорность, а мужчина физическую силу и превосходство, формируют бытовой стокгольмский синдром и патологическую привязанность к нему. В практической работе сотрудников правоохранительных и надзорных органов психологический портрет потерпевшей может не укладываться в картину виктимного поведения при изнасиловании. Знание психологических феноменов и патологической влюбленности в гендерных отношениях может существенно облегчить работу в определении истинных мотивов, поступков и поведения причастных и не причастных к преступлению лиц.

Ключевые слова: стокгольмский синдром, психологический портрет, жертва, агрессор, психопат, патологическая привязанность, психологический феномен.

Для цитирования: Гончаренко Е.В., Гераськов В.С., Тайсаева С.Б., Полякова Е.В. Стокгольмский синдром в криминологической практике // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 120–123. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-120-123>

Research Article

STOCKHOLM SYNDROME IN CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Elena V. Goncharenko, medical psychologist, State budgetary health care institution of the Astrakhan region "Regional Children's Clinical Hospital named after N.N. Silishchev", Russia, Astrakhan, lanovaya.s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6410-4170>

Viktor S. Geraskov, Investigator of the Ikryaninsky Interdistrict Investigation Department of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, Senior Lieutenant of Justice, Russia, Astrakhan, viktor.gerasckov@yandex.ru

Svetlana B. Taisaeva, Candidate of Psychological Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian University of Economics. G.V. Plekhanov", Russia, Moscow, taisaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6947-8606>

Elena V. Polyakova, Assistant to the Rector for Organizational Affairs, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Astrakhan, agma.otv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7977-4185>

Abstract. Stockholm syndrome is a psychological phenomenon in which the victim completely loses control over his own life for a certain period of time, subsequently takes the side of the aggressor, begins to support him and even protect him from punishment. The syndrome has three phases of mental development in time. In the first phase, the victim experiences positive emotions towards the aggressor; in the second phase, she develops a negative attitude towards the environment and helping her; in the third phase, the victim develops a mutual traumatic connection. The article describes an example of everyday Stockholm syndrome in a minor in the criminological practice of the authors. The authors explain the pathogenesis of sacrificial, emotional and dependent connection with a partner, with a psychopathic personality. Disharmonious relationships in families and couples, where a woman expresses humility, and a man expresses physical strength and superiority, form everyday Stockholm syndrome and pathological attachment to it. In the practical work of employees of law enforcement and supervisory authorities, the psychological portrait of the victim may not fit into the picture of victim behavior during rape. Knowledge of psychological phenomena and pathological love in gender relations can greatly facilitate the work in determining the true motives, actions and behavior of persons involved and not involved in the crime.

Key words: Stockholm syndrome, psychological portrait, victim, aggressor, psychopath, pathological attachment, psychological phenomenon.

For citation: Goncharenko E.V., Geraskov V.S., Taisaeva S.B., Polyakova E.V. Stockholm syndrome in criminological practice. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 120–123 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-120-123>

Стокгольмский синдром (англ. Stockholm Syndrome) – психический феномен, при котором жертва полностью утрачивает контроль над собственной жизнью на определенный отрезок времени, впоследствии становится на сторону агрессора, начинает его поддерживать и даже защищать от наказания [Кузнецов: 47].

Психиатр Нильс Бейерт столкнулся с таким психическим состоянием в 1973 году, когда в центре Стокгольма двое преступников в отделении банка взяли четырех заложников. Пострадавшие не только не выступили с обвинениями в адрес террористов, но и оплатили адвокатов для своих мучителей и несколько десятилетий поддерживали с ними дружеские и теплые отношения [Астахова: 18]. В России известен случай вятскополянских маньяков и их жертв. Александр Комин вместе с подельником с 1995 по 1997 год держали двух мужчин и четырех женщин в самостоятельно построенном бункере, в котором провели электричество и вентиляцию и организовали швейную мастерскую. Маньяк предложил жертвам разрезать рты до ушей либо сделать на лице клеймо «РАБ», женщины согласились на второе. Одна из потерпевших вспоминала, что насильник устраивал редкие праздники, в танце она подняла тщедушное тело садиста и поставила на пол, хотя могла причинить ему вред и сбежать.

Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным с взятием в заложники, но впоследствии сфера применения его расширилась. Бытовой Стокгольмский синдром встречается значительно чаще, чем мы можем себе представить [Нокс, Ресслер: 76].

Психологический феномен возникает у людей, имеющих привязанность к людям с психопатическим складом личности. Выраженная необходимость в защите и зависимость от любимого человека форми-

руются в детстве под влиянием агрессивного доминирования родителей. При взрослении нездоровые и болезненные отношения с авторитарными и жестокими людьми повышают чувство собственной значимости у субъекта, формируется «жертвенность» к объекту любви.

Хотим привести пример бытового стокгольмского синдрома из нашей криминологической практики.

Следственным управлением Следственного комитета РФ по Астраханской области проводилась процессуальная проверка в феврале 2021 года по заявлению матери несовершеннолетней М. об ее изнасиловании. Следователем был проведен комплекс следственных и процессуальных мероприятий, направленных на установление фактических обстоятельств, изложенных в заявлении. Для составления психологического портрета несовершеннолетней был приглашен специалист-психолог.

Портрет был составлен с помощью метода интервью и беседы с законным представителем. Несовершеннолетняя М., возраст 17 лет, закончила 9 классов, училась в колледже на первом курсе. Проживала с матерью и отчимом, двумя братьями в сельской местности. В воспитании мать придерживалась строгости, могла физически наказывать детей за провинности. Между родителями случались бытовые конфликты, женщина могла резко вспылить и выражать вербально агрессию, часто выгоняла отца из дома. Девочка росла послушной и исполнительницей, помогала по хозяйству и в воспитании младших братьев. На летних каникулах торговала с матерью на рынке, там и познакомилась с будущим женихом. Совершеннолетний молодой человек проживал с родителями, закончил 9 классов с низкой успеваемостью, не имел постоянной работы, подрабатывал частным извозом. Законный представитель отношениям дочери не препятствовала, озвучивала: «Хорошо знали его

семью, торговали по соседству. Родители – приличные люди, религиозные и состоятельные». Молодые люди начали встречаться, романтические отношения через время стали ревностными, парень запрещал общаться с подругами, стал контролировать время и досуг девушки, запрещал дружбу с подругами, изредка «поднимал руку». На вопрос психолога «Почему не рассталась с ним после такого отношения?» несовершеннолетняя пояснила: «Я его любила, мне нравилось, что он меня ревнует и защищает». На вопрос «Не смущало ли тебя поведение избранника?» отвечала: «К. моим малолетним братьям рассказывал про наркотики, украл из шкатулки мои золотые серьжки, разбил папину машину, но я верила, что он попал в трудную ситуацию и ему были нужны деньги и моя поддержка». В ноябре 2021 года пару сосватали, после семейного застолья жених предложил невесте покататься на машине. После непродолжительной поездки по окрестностям села отвез на кладбище. Путем уговоров и психологических манипуляций уговорил вступить с ним в половой контакт.

Психологом была выдвинута гипотеза о символическом выборе места сексуальной связи. Кладбище является местом почитания умерших, надгробные памятники, уход за могилами, возложение цветов, ограждение места относится к ритуалу скорби по ушедшим. Выбор территории для «первой ночи» – это вызов культурным правилам, возвышение и превосходство мужчины над социальными и общественными нормами.

Через некоторое время мужчина предложил М. совершить обряд «похищение невесты». Отказы и сомнения несовершеннолетней воспринимал как неподчинение будущему мужу, шантажировал через родственников постановочными фотографиями с изображением собственной смерти. Не дожидаясь свадебной церемонии, девушка самовольно покинула семью и поселилась в родительском доме жениха. Во время ее изъятия сотрудниками полиции, по заявлению матери, была психологически неустойчивой, эмоционально возбужденной, агрессивной по отношению к родственникам и сотрудникам правоохранительных органов. Со слов законного представителя: «Она кричала, что ненавидит всех. Орала и плакала, что хочет к нему обратно». Через несколько дней после возвращения повторно ушла из дома. Через неделю была обнаружена в частной гостинице, где проживала вместе с молодым человеком.

Мать несовершеннолетней М. написала заявление в полицию об изнасиловании дочери. В заявлении указала, что мужчиной ранее были совершены угон транспортного средства семьи и кража драгоценностей. Несовершеннолетняя была временно помещена в реабилитационный центр, с ней проводили психокоррекционные мероприятия психологи цен-

тра. После окончания реабилитации девушка вернулась в семью.

На контрольные вопросы по обстоятельству дела М. отвечала, что сексуальные отношения воспринимала как насилие, не испытывала привязанности и симпатии к жениху, самовольные уходы объясняла похищением. Анализ микровыражений лица по FACS, невербального поведения, речи и визуальных маркеров стресса диагностировали неискренность в суждениях и утверждениях. Психолингвистический анализ аудиальной продукции диагностировал заученность и шаблонность контекстов с целью искажения информации и намеренного введения в заблуждение должностного лица. Несовершеннолетняя старалась скрыть симпатию к бывшему жениху с помощью искусственного безразличия и ложного обвинения.

В психологическом профиле М. отмечалась зависимость от мнений других людей, природная доброта, умение подстраиваться к людям, послушность. Объектом романтических чувств был молодой человек с девиантным и аддиктивным поведением и психопатическим складом личности. Психопатологический синдром проявляется в виде констелляции и акцентуации таких черт, как низкая эмпатия и альтруизм, либо их отсутствия, неспособности к искреннему раскаянию в причинении вреда другим людям, лживости, эгоцентричности, эгоизме, эмоциональной незрелости [Полунина, Брюн: 87]. Причинами психопатии являются органические нарушения центральной и периферической нервной системы, изменения в структурах серого вещества мозга, вызванные мозговыми травмами или нарушениями при рождении. Сбой биохимического и гормонального баланса, повреждения лимбической системы и миндалины мозга дают почву для расстройств личности и поведения [Пятницкий: 80]. Психоорганические нарушения непосредственно связаны с делинквентными и криминальными формами поведения, трудностями в обучении и саморазвитии, склонностью к вербальной и физической агрессии [Норрис: 275]. Отмечено, что психопаты предрасположены к манипуляциям, могут быть чрезмерно обаятельными и легко внушать доверие окружающим. Эмоциональные отношения с психически нестабильными партнерами вызывает хронический стресс. Защитным механизмом психики у незрелых личностей в такой связи является психический регресс [Кидаева: 28]. При регрессе возникает инфантильность и подчинение, жертва сама предлагает избраннику роль «мудрого отца», который хвалит за хорошее поведение и наказывает за плохое. Отношения в дисгармоничных семьях и парах, где женщина выражает покорность, а мужчина – физическую силу и превосходство, формируют бытовой стокгольмский синдром у зависимого партнера [Гончаренко, Тайсаева, Парамонова, Калужный: 375].

Следователям, сотрудникам правоохранительных и надзорных органов, специалистам-психологам знания психологических феноменов и патологической влюбленности в гендерных отношениях могут существенно облегчить работу в определении истинных мотивов, поступков и поведения причастных и непричастных к преступлению лиц.

Список литературы

Астахова В.А. Стокгольмский синдром: история появления // Правовое образование: сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2022. С. 18–22.

Гончаренко Е.В., Тайсаева С.Б., Парамонова К.В., Калюжный И.П. Биопсихосоциальный подход формирования стокгольмского синдрома в криминологической и психологической практике // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 375–376.

Кидаева В.И. Связь защитных механизмов психики и внутренней картины болезни у пациентов с невротическими расстройствами // Вестник Науки и Творчества. 2019. № 8 (44). С. 26–29.

Кузнецов Д.К. Роль стокгольмского синдрома в декриминализации домашнего насилия // Colloquium-Journal. 2019. № 15–11 (39). С. 47–48.

Нокс М., Ресслер Р. Любить монстра: краткая история стокгольмского синдрома. Москва: ТД Алгоритм, 2020. 416 с.

Норрис Д. Говорят серийные убийцы. Москва: ТД Алгоритм, 2019. 320 с.

Полунина А.Г., Брюн Е.А. Антисоциальное поведение: нейропсихологические корреляторы и роль нейробиологических факторов // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. № 4. С. 83–90.

Пятницкий Н.Ю. Учение о динамике психопатий: фазы и психогенные реакции (от К. Ясперса к П.Б. Ганнушкину) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121, № 4. С. 77–85.

References

Astakhova V.A. *Stokgol'mskiy sindrom: istoriya po'yavleniya* [Stockholm Syndrome: History of Appearance]. *Pravovoye obrazovaniye. Sbornik nauchnykh statey* [Legal Education. Collection of scientific articles]. Rostov-on-Don, 2022, pp. 18-22. (In Russ.)

Goncharenko E.V., Taysaeva S.B., Paramonova K.V., Kalyuzhny I.P. *Biopsichosotsial'nyy podkhod formiro-*

vaniya stokgol'mskogo sindroma v kriminalisticheskoy i psikhologicheskoy praktike [Biopsychosocial approach to the formation of the Stockholm syndrome in forensic and psychological practice]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian legal journal], 2022, No. 4 (167), pp. 375-376. (In Russ.)

Kidaeva V.I. *Svyaz' zashchitnykh mekhanizmov psikhiki i vnutrenney kartiny bolezni u patsiyentov s nevroticheskimi rasstroystvami* [The connection between the defense mechanisms of the psyche and the internal picture of the disease in patients with neurotic disorders]. *Vestnik Nauki i Tvorchestva* [Bulletin of Science and Creativity], 2019, No. 8 (44), pp. 26-29. (In Russ.)

Kuznyakov D.K. *Rol' stokgol'mskogo sindroma v dekriminalizatsii domashnego nasiliya* [The role of Stockholm syndrome in the decriminalization of domestic violence]. *Colloquium-Journal* [Colloquium-Journal], 2019, No. 15-11 (39), pp. 47-48. (In Russ.)

Knox M, Ressler R. *Lyubit' monstra: kratkaya istoriya stokgol'mskogo sindroma* [Loving a Monster: A Brief History of Stockholm Syndrome]. Moscow, TD Algorithm Publ., 2020, 416 p. (In Russ.)

Norris D. *Govoryat seriyanye ubiytsy* [Serial killers speak]. Moscow, LLC TD Algorithm Publ., 2019, 320 p. (In Russ.)

Polunina A.G., Bryun E.A. *Antisotsial'noye povedeniye: neyropsikhologicheskkiye korrelyatory i rol' neyrobiologicheskikh faktorov* [Antisocial behavior: neuropsychological correlators and the role of neurobiological factors]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psixiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2013, No. 4, pp. 83-90. (In Russ.)

Pyatnitskiy N.Yu. *Ucheniye o dinamike psikhopatiy: fazy i psikhogennyye reaktsii (ot K. Jaspers k P.B. Gannushkinu)* [The doctrine of the dynamics of psychopathy: phases and psychogenic reactions (from K. Jaspers to P.B. Gannushkin)]. *Zhurnal nevrologii i psixiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry C.C. Korsakov], 2021, vol. 121, No. 4, pp. 77-85. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 08.12.2022.

**ПРИЗНАНИЕ СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННОЙ ГРАЖДАНИНОМ,
ОГРАНИЧЕННЫМ СУДОМ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ, НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Бекренев Павел Юрьевич, кандидат политических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, yuristbekrenev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8171-6817>

Хлестакова Любовь Анатольевна, кандидат педагогических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Гиринович Ксения Евгеньевна, магистрант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, heykseni@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-1909>

Аннотация. В данной статье рассматриваются гражданско-правовые нормы, связанные с признанием сделки, совершенной гражданином, ограниченным судом в дееспособности, недействительной. Авторами проведен краткий сравнительный анализ норм статей 30 и 176 Гражданского кодекса Российской Федерации. В работе проанализированы статистические сведения Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, что позволило выявить негативные тенденции о количестве дел как об установлении фактов, имеющих юридическое значение, связанных с признанием гражданина ограниченно дееспособным, так и о количестве дел, требования по которым связаны с признанием сделки недействительной, и применении последствий таких сделок. Также изученная правоприменительная практика в данной области позволила подтвердить нашу гипотезу о наличии проблемы в сфере правового регулирования недействительных сделок, совершенных гражданином, ограниченным судом в дееспособности. В работе исследован понятийный аппарат в рассматриваемой области, выявлены недостатки правового регулирования в гражданском законодательстве, а именно несоответствие перечня действий, запрещенных к совершению ограниченно дееспособным, указанных в статьях 30 и 176 ГК РФ. Сделан вывод о том, что расширение круга действий, которые не может совершать ограниченно дееспособный при признании сделки недействительной, будет отражать концепцию гражданского законодательства и устранил правовые коллизии.

Ключевые слова: гражданское законодательство, защита прав и законных интересов, недействительность сделки, ограничение дееспособности, последствия признания сделки недействительной, правоспособность, условия признания сделки действительной.

Для цитирования: Бекренев П.Ю., Хлестакова Л.А., Гиринович К.Е. Признание сделки, совершенной гражданином, ограниченным судом в дееспособности, недействительной: актуальные проблемы в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 124–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-124-129>

Research Article

**RECOGNITION OF A TRANSACTION MADE BY A CITIZEN LIMITED
BY THE COURT IN CAPACITY AS INVALID:
CURRENT PROBLEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Pavel Yu. Bekrenev, Candidate of Political Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, yuristbekrenev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8171-6817>

Lyubov A. Khlestakova, Candidate of Pedagogical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lub-kuku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5649-405X>

Ksenia E. Girinovich, postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, heykseni@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7923-1909>

Abstract. This article discusses the civil law norms related to the recognition of a transaction made by a citizen, limited by the court in capacity, invalid. The authors carried out a brief comparative analysis of the norms of Articles 30 and 176 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper analyzes the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, which made it possible to identify negative trends in the number of cases, both on the establishment

of facts of legal significance related to the recognition of a citizen with limited legal capacity, and on the number of cases, the requirements for which are associated with the recognition of a transaction invalid and the application of the consequences of such transactions. Also, the studied law enforcement practice in this area made it possible to confirm our hypothesis about the existence of a problem in the field of legal regulation of invalid transactions made by a citizen limited by the court in capacity. The paper investigates the conceptual apparatus in the area under consideration, reveals the shortcomings of legal regulation in civil legislation, namely, the inconsistency of the list of actions prohibited for commission by persons with limited legal capacity, specified in Articles 30 and 176 of the Civil Code of the Russian Federation. It is concluded that the expansion of the range of actions that a person with limited capacity cannot perform when the transaction is recognized as invalid will reflect the concept of civil law and eliminate legal conflicts.

Keywords: civil law; protection of rights and legitimate interests; invalidity of the transaction; disability limitation; consequences of declaring the transaction invalid transaction; legal capacity; conditions for the recognition of the transaction as valid.

For citation: Bekrenev P.Yu., Khlestakova L.A., Girinovich K.E. Recognition of a transaction made by a citizen limited by the court in capacity as invalid: current problems in the Russian Federation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, № 4, pp. 124–129 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-124-129>

На современном этапе развития правовой системы Российской Федерации обеспечение полноценного и стабильного функционирования гражданского оборота является одной из важнейших задач государства. Гражданско-правовой институт сделки является элементом, без которого качественное и эффективное правовое регулирование гражданского оборота невозможно, поскольку сделка, влияя на гражданские правоотношения, формирует экономический оборот, от которого, в сущности, и зависит удовлетворение интересов общества, особенно в санкционный период [Воробьева: 4–5; Тузов: 2–5].

Гражданское законодательство закрепляет понятие сделки, указывая, что это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. На основании легальной дефиниции в цивилистической доктрине выделяют условия действительности сделки, вследствие нарушения которых сделка может быть признана недействительной [Хейфец: 17–32; Gradenwitz: 124–127].

Институт недействительности сделок является неотъемлемой составляющей частью института сделки, призванного обеспечивать «здоровое» функционирование рыночной экономики. Число судебных дел, требования по которым связаны с признанием сделки недействительной, и применение последствий недействительности таких сделок остается на высоком уровне на протяжении последних десяти лет и составляет чуть менее 40 %. Так, в 2019 году федеральными арбитражными судами было рассмотрено 4 878 дел, в – 4061, за 2021 год количество дел составило 4 366, а за 6 месяцев 2022 года – 2508⁶.

Особый интерес представляют дела, в которых затрагиваются права и интересы наиболее уязвимых социальных слоев населения, правовая защита которых является одной из важнейших задач государства. В частности, к таковым относятся лица, ограниченные судом в дееспособности.

По данным, приведенным газетой «Коммерсант» со ссылкой на руководителя Национального медицинского исследовательского центра имени В.М. Бехтерева, количество граждан, обратившихся за психиатрической помощью в 2020 году, на 30 % выше, чем в 2019, в 2021 году рост продолжился⁸. Одновременно с этим усугубление экономической ситуации привело к росту активности мошенников.

Конституцией Российской Федерации устанавливается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства. Также Конституцией РФ закрепляется положение о том, что гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет¹.

Положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) корреспондируют данной норме. В статье 21 ГК РФ законодателем закреплён возраст, с которого наступает дееспособность². По общему правилу он составляет восемнадцать лет. Кроме того, в указанном положении обозначены основные признаки, составляющие такую категорию, как дееспособность: способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их и, как следствие, способность нести ответственность за неправомерные действия. Поскольку дееспособность представляется как одно из значимых социально-правовых свойств гражданина и обеспечивает его активное участие в гражданском обороте, в предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, реализацию его творческих способностей, различных имущественных и личных неимущественных прав и т. д., она предполагает определенный уровень интеллектуального развития гражданина, способность понимать значение своих действий, руководить ими и предвидеть их последствия².

В соответствии с пунктом 1 статьи 30 Гражданского кодекса РФ гражданин, который вследствие при-

страстия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, а также над ним устанавливается попечительство. Исходя из указанной нормы, гражданин может быть ограничен в полной дееспособности в случае, если какое-либо из условий, которые характерны для обозначенной категории, нарушается. Согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, защищая имущественные интересы семьи, закон не ставит ограничение дееспособности в зависимость от признания гражданина хронически больным алкоголизмом или наркоманией, однако вследствие пристрастия гражданина к азартным играм может возникать вопрос о расстройстве его психического здоровья³. В тоже время пункт 2 статьи 30 ГК РФ устанавливает основания признания гражданина ограниченно дееспособным, связанные с наличием психического расстройства. В указанных случаях нарушение необходимо рассматривать в интеллектуальном элементе, то есть его способности понимать значение своих действий, руководить ими и предвидеть их последствия².

Ежегодно дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, связанных с признанием гражданина ограниченно дееспособным, составляют достаточно большое количество. Так, в 2019 году в связи с началом пандемии число дел имело относительно небольшое значение – 1 556. В 2020 году, несмотря на ковидные ограничения, число дел за первое полугодие достигало 1 571, что практически равнозначно числу дел за весь 2019 год. В 2021 году судами общей юрисдикции было принято к производству и рассмотрено в совокупности 2 043 гражданских дел, связанных с признанием гражданина ограниченно дееспособным⁷.

Лица, которые признаны судом ограниченно дееспособными, несмотря на значительно «суженный» объем дееспособности, могут совершать мелкие бытовые сделки, а также иные сделки с согласия попечителя. Но при этом такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и отвечает за причиненный вред.

Для того чтобы совершить законную сделку, необходимо соблюсти все условия для этого, одним из которых является дееспособность участника сделки [Казанцева: 32-33].

Институт недействительности сделок направлен на защиту прав и законных интересов граждан, несмотря на то, что практика рассмотрения дел о недействительных сделках отражает множество случаев, связанных с желанием получения имуще-

ственных выгод, а не восстановления нарушенного права [Седляр: 40]. Статья 176 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность признания сделки, совершенной гражданином, ограниченным судом в дееспособности, недействительной².

Так, Арбитражным судом Камчатского края 28 марта 2022 года рассматривалось дело, в котором истец, ссылаясь на непонимание значения своих действий и отсутствие возможности руководить ими, заявил иски о признании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью «Мильмар» и признании сделки недействительной в соответствии со статьей 176 Гражданского кодекса РФ. В качестве доказательств истец предоставил документы о наличии у него ряда заболеваний. Однако суд справедливо отметил, что указанные документы о заболеваниях не свидетельствуют об ограниченной дееспособности истца, поскольку факт признания гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным может быть подтвержден только вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции. Диагнозы, приводимые истцом в обоснование своей позиции, сами по себе не могут свидетельствовать о том, что он в момент принятия решения, вследствие которого ответчики приобрели статус участников Общества, не был способен понимать значения своих действий и руководить ими. Также судом было отмечено, что в целом поведение истца с учетом анализа его действий позволяет прийти к выводу о попытках ввести суд в заблуждение относительно своего психического состояния и воспользоваться отдельными установленными событиями (причинение ему травмы и нарушение состояния здоровья) как способом дискредитировать ранее принятое решение об увеличении уставного капитала общества и состава его участников, не усматривая иных законных способов разрешить сложившийся корпоративный конфликт⁵.

В удовлетворении искового требования было отказано, поскольку в материалах дела отсутствуют доказательства признания истца ограниченно дееспособным, равно как и того, что данный вопрос кем-либо инициировался, включая медицинские учреждения, в котором истец регулярно проходил обследования. Причем сам же истец на вопрос суда подтвердил, что решение о признании его недееспособным либо ограниченным в дееспособности не принималось, с соответствующим обращением в суд ни он, ни иные заинтересованные лица не обращались. Данное решение показывает императивность указания на признание ограниченно дееспособным исключительно судом, а также невозможность использовать статус ограниченно дееспособного в своих интересах, то есть злоупотреблять правом⁵.

Защищая имущественные права лиц с ограниченной дееспособностью от негативных последствий недействительных сделок, законодатель уделяет особое внимание порокам субъектного состава, при наличии которых сделка является недействительной. В данном контексте критериями недействительности таких сделок будут являться психическое отношение участника сделки к совершаемым действиям [Сенчукова: 291].

Например, Березовским городским судом Свердловской области 25 мая 2020 года было рассмотрено дело о взыскании задолженности по договору займа и встречному иску о признании договора займа недействительным. В судебном заседании было установлено, что гражданин Б. на момент заключения договора займа решением суда был ограничен в дееспособности, то есть, имея психическое заболевание, не мог давать оценку и не понимал значение своих действий, а мог лишь руководить ими при помощи других лиц. Письменное согласие попечителя М., которое предусмотрено законодателем для совершения сделок ограничено дееспособным гражданином, получено не было, а потому договор займа является недействительным, оснований для взыскания задолженности не имеется. Таким образом, указанным решением подчеркивается повышенное внимание к интеллектуальному элементу сделки, в котором участвует ограничено дееспособный⁴.

В пункте 1 статьи 176 ГК РФ законодателем предусмотрена возможность признать недействительной сделку только по распоряжению имуществом. Определение понятия «сделки по распоряжению имуществом» законодательно не установлено. Примерный перечень сделок «по отчуждению имущества» предусмотрен в пункте 2 статьи 37 ГК РФ. К таким сделкам относятся сделки по обмену или дарению имущества, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделки, влекущие отказ от принадлежащих лицу прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любые другие сделки, влекущие уменьшение имущества гражданина. Исходя из данной нормы, понятия «сделки по распоряжению имуществом», «сделки по отчуждению имущества», «сделки, влекущие всякое уменьшение имущества» являются однотипными, а два последних понятия определяются посредством друг друга.

Логично полагать, что сделки по распоряжению имуществом заключаются лишь в определении его юридической судьбы [Гражданский: 38–45]. К ним относятся продажа, отказ от права собственности, дарение, залог. Таким образом, попечитель может, например, не давать согласия ограниченно дееспособному подопечному на заключение договора подряда (на стороне подрядчика) со ссылкой на невыгодно низкий размер вознаграждения. Од-

нако подопечный может заключить данный договор, не поставив заказчика в известность об объеме своей дееспособности. Данную сделку нельзя признать недействительной, поскольку она не относится к сделкам по распоряжению имуществом.

Также статья 30 ГК РФ предполагает, что попечитель не обладает полномочиями на непосредственное получение доходов подопечного. Однако при наличии достаточных оснований (например, в случае представления доказательств, свидетельствующих о явно неразумном распоряжении им своим заработком, стипендией или иными доходами) суд может ограничить или лишить гражданина, ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства, самостоятельно распоряжаться своими доходами³. В связи с тем, что «наличие достаточных оснований» является субъективной категорией, попечителю чаще всего сложно доказать факт необходимости ограничения или лишения самостоятельного распоряжения доходами лица, ограниченного в дееспособности.

Исходя из смысла статьи 30 ГК РФ, перечень действий, который не может совершать ограниченный в дееспособности гражданин, значительно шире, чем сделки по распоряжению имуществом. Поскольку при систематическом или чрезмерном пристрастии гражданина к азартным играм либо при злоупотреблении спиртными напитками, либо наличия зависимости от наркотических средств он обременяет близких на непосильные материальные расходы в связи с приобретением вышеуказанного, это прямо противоречит интересам семьи. Защита семьи от затрат на приобретение алкогольной продукции или наркотических средств, а также в целом от тяжелого материального положения в связи с одной из зависимостей гражданина составляет суть процесса признания последнего ограниченно дееспособным.

Проведя компаративный анализ, было выявлено, что норма пункта 1 статьи 176 ГК РФ не согласуется с положениями пункта 1 статьи 30 ГК РФ, в которой закреплено, что все сделки, кроме мелких бытовых, гражданин, ограниченный в дееспособности, может совершать лишь с согласия попечителя. Таким образом, без согласия попечителя ему запрещено совершать не только сделки по распоряжению имуществом, но и все иные сделки, не являющиеся мелкими бытовыми. Закономерно вытекает проблема о юридических последствиях остальных сделок без согласия попечителя, не связанных с распоряжением имуществом, а именно, должны ли они считаться действительными или законодательно остается возможность признания их недействительными. По нашему мнению, такие сделки аналогично должны считаться оспоримыми.

На наш взгляд, в рассматриваемой норме целесообразно прямо установить, что все сделки, за исклю-

чением мелких бытовых, совершенные ограниченно дееспособным гражданином без согласия попечителя, могут быть признаны недействительными. Таким образом, предлагаем изложить пункт 1 статьи 176 ГК РФ в следующей редакции: «Сделка, совершенная без согласия попечителя гражданином, ограниченным судом в дееспособности (статья 30), может быть признана судом недействительной по иску попечителя. В частности, к таким относятся сделки, ставящие в тяжелое материальное положение гражданина, ограниченного в дееспособности, либо его близких».

Кроме того, мы считаем необходимым комплексное регулирование указанной проблемы, например путем создания «Единого реестра сведений о гражданах, признанных судом недееспособными и ограниченно дееспособными». Указанный реестр должен быть создан на основе специального законодательства, субъектом в котором может выступать нотариус и государственный регистратор. Целесообразно будет указать случаи, в которых могут быть получены сведения из такого реестра, а также проработать вопрос «врачебной тайны». Мы полагаем, что создание такого реестра принесет пользу участникам гражданского оборота.

Таким образом, необходимо отметить следующее. Социальные, политические и экономические отношения последних лет подвергаются постоянным и интенсивным изменениям, что требует от законодателя постоянной работы и усовершенствования гражданского законодательства, в том числе в вопросах института недействительности сделок. Предложенные нами меры помогут значительно упорядочить и усовершенствовать охрану и защиту прав и законных интересов граждан, участников гражданского оборота, в частности лиц, ограниченных судом в дееспособности. В то же время актуальность темы очевидно свидетельствует о том, что работа исследователей в данной области не должна останавливаться, поскольку качество правовой базы, которая касается социально уязвимых категорий граждан, следует постоянно повышать.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2022).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): текст с изменениями и дополнениями на 25 февраля 2022 года : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Официальный интернет-портал правовой информации. Информа-

ционно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.09.2022).

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.09.2022).

⁴ Решение Березовского городского суда Свердловской области от 25 мая 2020 года по делу № 2-834/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.09.2022).

⁵ Решение Арбитражного суда Камчатского края от 28 марта 2022 года по делу № А24-4836/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.09.2022).

Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2019, 2020, 2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт; раздел «Данные судебной статистики». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 16.09.2022).

⁷ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019, 1 полугодие 2020, 2021 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт; раздел «Данные судебной статистики». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 16.09.2022).

⁸ Газета «Коммерсантъ»: сетевое издание. 23.02.2021. № 31/В. URL: <https://www.kommersant.ru/daily?from=burger> (дата обращения: 17.09.2022).

Список литературы

Воробьева Е.А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 196 с.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / Б.М. Гонгало, А.В. Дёмкина, М.Я. Кириллова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2016. 270 с.

Казанцева К.Ю. Недействительность сделок: вопросы теории и практики // Современное право. 2018. № 3. С. 30–40.

Седляр Д.Н. Актуальные проблемы признания сделки недействительной // Актуальные исследования. 2020. № 16 (19). С. 40–43. URL: <https://apni>.

ru/article/1140-aktualnie-problemi-priznaniya-sdelki-nedejstv (дата обращения: 18.09.2022).

Сенчукова М.В. Правовая природа недействительности сделки // Право и правопорядок: приоритетные направления развития. 2019. С. 290–295. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37275273> (дата обращения: 18.09.2022).

Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. Москва: Статут, 2007. 602 с.

Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. Москва: Юрайт, 2007. 162 с.

Gradenwitz O. Die Ungültigkeit obligatorischer Rechtsgeschäfte. Berlin, Weidmann, 1887, p. 328.

References

Vorob'eva E.A. *Pravovoe regulirovanie sdelok, trebuiushchikh soglasii, po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii*: dis. ... kand. iurid. nauk [Legal regulation of transactions requiring consent under the civil legislation of the Russian Federation: PhD thesis]. Moscow, 2016, 196 p. (In Russ.)

Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Sdelki. Resheniia sobranii. Predstavitel'stvo i doverennost'. Sroki. Iskovaia davnost'. Postateinyi kommentarii k glavam 9-12 [Civil Code of the Russian Federation. Deals. Meeting decisions. Representation and power of attorney. Timing. Limitation of actions. Article-by-article commentary on chapters 9-12], B.M. Gongalo, A.V. Demkina, M.Ia. Kirillova et al.; ed. by P.V. Krashennnikova. Moscow, Statut Publ., 2016, 270 p. (In Russ.)

Kazantseva K.Iu. *Nedeistvitel'nost' sdelok: voprosy teorii i praktiki* [Invalidity of transactions: issues of theory and practice]. *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2018, № 3, pp. 30-40. (In Russ.)

Sedliar D.N. *Aktual'nye problemy priznaniia sdelki nedeistvitel'noi* [Actual problems of recognition of the transaction as invalid]. *Aktual'nye issledovaniia* [Current Research], 2020, № 16 (19), p. 40. (In Russ.)

Senchukova M.V. *Pravovaia priroda nedeistvitel'nosti sdelki* [The legal nature of the invalidity of the transaction]. *Pravo i pravoporiadok: prioritetye napravleniia razvitiia* [Law and order: priority areas for development], 2019, pp. 290-295. (In Russ.)

Tuzov D.O. *Teoriia nedeistvitel'nosti sdelok: opyt rossiiskogo prava v kontekste evropeiskoi pravovoi traditsii* [The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition]. Moscow, Statut Publ., 2007, 602 p. (In Russ.)

Kheifets F.S. *Nedeistvitel'nost' sdelok po rossiiskomu grazhdanskomu pravu* [Invalidity of transactions under Russian civil law]. Moscow, Iurait Publ., 2007, 162 p. (In Russ.)

Gradenwitz O. *Die Ungültigkeit obligatorischer Rechtsgeschäfte*. Berlin, Weidmann, 1887, 328 p.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 08.12.2022.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОРПОРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, Академия управления МВД России, Москва, Россия; профессор Департамента международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, dimapozharskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9971-3697>

Арапов Александр Юрьевич, генерал-майор полиции, начальник УМВД России по Костромской области, Академия управления МВД России, Москва, Россия, Romanov70@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике механизма государства, тенденциям его институционализации, развития и функционирования в Российской Федерации на современном этапе. Более предметно в статье рассматриваются отечественные государственные корпорации с точки зрения их участия в реализации государственных функций, а также в ракурсе их места и роли в системе институтов публичной власти. В качестве центральной идеи авторы выдвигают и пытаются обосновать тезис о «включенности» государственных корпораций в механизм Российского государства на современном этапе и выполнении ими социально значимых функций, обеспеченных публично-властными полномочиями. В процессе рассмотрения указанной проблемы и обоснования главной идеи авторы опирались на научные труды в области функционирования государства и его механизма. В качестве аргументации основных выводов и идей авторы основывались на формально-логическом анализе юридических норм, регулирующих статус отечественных государственных корпораций. Авторы приходят к выводу о том, что государственные корпорации обладают правовыми и политическими свойствами, которые позволяют относить их к числу элементов государственного механизма.

Ключевые слова: государство, публичная власть, функции государства, механизм государства, государственная корпорация, государственный орган, правовое регулирование.

Для цитирования: Пожарский Д.В., Арапов А.Ю. Государственные корпорации в механизме публичной власти Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 130–134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-130-134>

Research Article

STATE CORPORATIONS IN THE MECHANISM OF PUBLIC POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitry Pozharsky, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation; Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, dimapozharskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9971-3697>

Alexander Arapov, Major General of Police, Head of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kostroma region, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, Romanov70@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of the mechanism of the state, the trends of its institutionalization, development and functioning in the Russian Federation at the present stage. More specifically, the article considers domestic state corporations from the point of view of their participation in the implementation of state functions, as well as in terms of their place and role in the system of institutions of public power. As a central idea, the authors put forward and try to substantiate the thesis about the «inclusion» of state corporations in the mechanism of the Russian state at the current stage and their fulfillment of socially significant functions provided by public power. In the process of considering this problem and justifying the main idea, the authors During the study, the authors relied on scientific works in the field of the functioning of the state and its mechanism. As an argument of the main conclusions and ideas, the authors were based on a formal-logical analysis of the legal norms governing the status of domestic state corporations. The authors conclude that state corporations have legal and political properties that make them one of the elements of the state mechanism.

Keywords: State, public power, state functions, state mechanism, state corporation, state body, legal regulation

For citation: Pozharsky D.V., Arapov A.U. State corporations in the mechanism of public power of the Russian Federation. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 130–134 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-130-134>

Неотъемлемой характеристикой любого государства является механизм, традиционно рассматриваемый как совокупность государственных органов и учреждений, решающих стоящие перед государством задачи. Однако указанная конструкция со временем изменяется, так как государство развивается, появляются новые институты, осуществляющие властные функции, что требует пересмотра подхода к содержанию механизма государства. Неслучайно Георг Еллинек отмечал: «Ни один жизнеспособный народ не может ни в какое время обойтись без прочного учения о государстве. Наука должна непрестанно пытаться познать государство своего времени и для своей эпохи» [Еллинек: 37]. Сформировавшиеся на каком-либо этапе представления об основных государственных институтах требуют пересмотра с учетом современных реалий.

Развитие современного законодательства подтверждает, что государство, публичная власть претерпевают изменения, приобретая новое содержание и формы в условиях стремительно развивающихся общественных отношений.

В наибольшей степени подвержен изменениям механизм государства, включающий в себя систему институтов публичной власти, создаваемых для осуществления государственных целей и задач и в целом обеспечивающий функционирование государства. Внутренние социальные изменения, так же как и глобальные вызовы, с которыми сталкивается государство на современном этапе и на которые только оно способно адекватно ответить, выступают главным движущим фактором структурных изменений в системе и содержании институтов и функций публичной власти. С этой точки зрения именно механизм государства материально, институционально и непосредственно воплощает идею государства и публичной власти.

Наряду с классическими звеньями механизма государства – государственными органами – в его структуру все чаще включают институты местного самоуправления. Основным аргументом в данном случае выступает тезис о том, что система территориально организованных институтов публичной власти предполагает единую систему власти народа, в связи с чем разделение государственной и муниципальной властей юридически ошибочно и невозможно фактически.

В 2020 году указанное противоречие преодолено на конституционном уровне. В качестве одной из поправок к Конституции Российской Федерации в текст

основного закона вошло положение ст. 132: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации...» Из данного положения следует единство публичной власти, а также ее структурированность на государственный и муниципальный уровни.

Если включение традиционных элементов (государственных органов и органов местного самоуправления) в структуру механизма государства видится оправданным и понятным, то формирование новых звеньев представляется неоднозначным. Одной из тенденций развития механизма государства на современном этапе является появление новых субъектов реализации государственной политики. Во многом это объясняется необходимостью решения новых и эксклюзивных задач, формированием инновационных приоритетов социального развития общества.

К числу таких институтов, как правило, относят государственные корпорации. На первый взгляд, они не вписываются в привычное понимание структуры государственного механизма, так как, прежде всего, не являются государственными органами. Тем не менее они выступают институциональной и правовой формой государственного управления в стратегически важных сферах социально-экономического развития страны. В юридической литературе можно встретить достаточно категорические оценки участия государственных корпораций в реализации публичной власти и государственном управлении. Например, А.В. Корнев утверждает, что «... в настоящее время в наиболее технологически развитых государствах угроза гражданским правам и свободам исходит уже не от правительства (власти), как это было в истории ранее, а как раз от крупнейших компаний. Происходит децентрализация политической власти, имеются тенденции к централизации власти экономической, которая сегодня приобретает цифровые формы» [Корнев: 62].

Государственные корпорации обладают признаками, а также организационно-правовыми особенностями, которые позволяют рассматривать их в качестве составной части механизма государства.

Государственная корпорация как звено механизма государства создается (учреждается) государством. Этот признак напрямую вытекает из статьи 7.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях»¹. В данном законе государственные корпорации определяются как некоммерческие организации, учреждаемые Российской Федерацией. Это общее положение

детализируется в соответствующих федеральных законах о государственных корпорациях и находит выражение в полномочиях институтов государственной власти по формированию государственных корпораций. Например, назначение председателя и иных членов наблюдательного совета Корпорации, прекращение их полномочий; назначение на должность и освобождение от должности генерального директора Корпорации законодатель относит к полномочиям Президента Российской Федерации.

По своему назначению в политической и социально-экономической жизни государственные корпорации весьма близки к государственным учреждениям и предприятиям, роль которых довольно точно отразил В.В. Копейчиков: «Государственные предприятия и государственные учреждения и предприятия – это такие государственные организации, которые под руководством государственных органов практически осуществляют функции Советского государства» [Копейчиков: 31].

Учреждение на основе нормативного правового акта, закрепляющего публично-властные полномочия. Как уже было отмечено, государственные корпорации создаются на основе федерального закона. С этой точки зрения государственные корпорации обладают неким «преимуществом». Здесь мы имеем в виду то, что даже не все органы государственной власти учреждаются и функционируют на основе закона. Например, федеральные органы исполнительной власти создаются и функционируют на основе подзаконных нормативных правовых актов – указов Президента Российской Федерации.

Функции и компетенция государственных корпораций тесно связана с реализацией публично-властных полномочий, основных направлений государственной политики. Вполне уместно привести в данном случае мнение А.И. Денисова, считавшего, что функциями государства следует называть то в его деятельности, что характеризует ее предметно-политически [Денисов: 133]. И если Федеральный закон «О некоммерческих организациях» содержит относительно абстрактную формулировку относительно государственных корпораций: «...организация, созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций», – то законы, регулирующие статус и полномочия конкретных государственных корпораций, закрепляют вполне очевидные политические, государственно-властные полномочия, которые имеют следующие законодательно установленные формы:

- реализация государственной политики в установленной законом области деятельности;
- нормативно-правовое регулирование (принятие нормативных правовых актов) в установленной области деятельности;

- участие в реализации государственной политики;
- содействие реализации государственной политики в установленной области.

Например, в соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции “Ростех”»² к числу основных функций указанной организации отнесено участие в реализации государственной политики в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами. При этом к полномочиям корпорации «Ростех» законодателем отнесены:

- контроль за соблюдением организациями требований проектов, программ и внешнеторговых контрактов в области военно-технического сотрудничества, реализуемых с участием Корпорации;
- проверки и ревизии финансово-хозяйственной деятельности организаций Корпорации;
- выполнение работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, и обеспечение защиты таких сведений;
- создание ведомственной охраны в организациях Корпорации³;
- подготовка или участие в подготовке проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам осуществления функций и полномочий Корпорации.

В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”»⁴ указанная корпорация реализует государственную политику и нормативно-правовое регулирование:

- в области использования атомной энергии, развития и безопасного функционирования организаций атомного комплекса;
- в области развития атомной отрасли;
- в сфере развития и устойчивого функционирования Северного морского пути.

Следует также обратить внимание на признаки, не являющиеся решающими (определяющими), но косвенно свидетельствующие о принадлежности государственных корпораций к системе элементов механизма государства:

- наличие печати и бланков с изображением Государственного герба Российской Федерации;
- наличие банковского счета в Центральном банке Российской Федерации;
- подконтрольность Счетной палате Российской Федерации;
- наличие юридических преимуществ (например, на деятельность государственных корпораций не распространяется действие законодательства о банкротстве; установлен запрет на вмешательство в деятельность государственных корпораций орга-

нов государственной власти и органов местного самоуправления; право корпораций учреждать эмблему и знаки отличия и др.).

Принимая во внимание вышеуказанные полномочия, следует признать дискуссионным мнение О.И. Попова о том, что публичная корпорация не имеет государственно-властных полномочий в отношении третьих лиц и не является носителем суверенной власти государства, не обладает правом государственного принуждения и правотворчества [Попов: 13]. В данном случае автор прав лишь в том, что государственные корпорации не обладают суверенной властью государства. Это действительно так. Что же касается государственно-властных полномочий в отношении третьих лиц, правотворчества и принуждения, то в данном случае сошлемся на законодательно установленные полномочия, свидетельствующие об обратном. В качестве примера рассмотрим некоторые полномочия государственной корпораций «Росатом». К числу таковых, на наш взгляд, следует отнести:

- правовые акты корпорации «Росатом» в установленной сфере деятельности, издаваемые в форме приказов, положений и инструкций, обязательны для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, юридических и физических лиц;

- нормативные правовые акты корпорации подлежат регистрации и опубликованию в порядке, установленном для государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти;

- право утверждать административные регламенты предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций;

- полномочия и функции по обеспечению защиты сведений, составляющих государственную тайну, и иной информации, доступ к которой ограничен федеральными законами;

- осуществление полномочий и функции органа государственного управления в области обращения с радиоактивными отходами;

- организация и осуществление аккредитации в области использования атомной энергии;

- осуществление федерального государственного строительного надзора при строительстве и реконструкции объектов федеральных ядерных организаций и другие полномочия.

Таким образом, вполне справедливо, что отмечаемое в юридической литературе единство публичной власти «основано на общих государственно-программных принципах, реализуемых Президентом РФ, исполнительной властью Федерации и субъектов, му-

ниципальными органами управления, публичными государственными корпорациями и т. д.» [Ступаков, Петрова, Толпекин: 10].

Полагаем, что сомнения в наличии государственно-властных полномочий в данном случае отпадают. Однако следует подчеркнуть, что таким объемом государственных властных полномочий, включая нормотворческую компетенцию, обладают не все государственные корпорации. Тем не менее точку зрения о том, что государственные (публичные) корпорации выступают в роли экономического придатка механизма государства и принимают участие в реализации экономической функции государства, мы в целом разделяем. Оговорку в данном случае следует сделать относительно «перечня» функций, в осуществлении которых государственные корпорации принимают участие. На наш взгляд, это не только экономическая функция, но также функция обеспечения безопасности (охранительная) и социальная функции государства. Государственные корпорации занимают особое место в системе публичных (государственных) институтов, обеспечивая инфраструктурное и инновационное развитие экономики, укрепление обороноспособности страны [Сорокина: 3]. Следует согласиться с утверждением, что «государственная корпорация как форма некоммерческой организации обладает особым правовым статусом, поскольку она создается государством, наделяется властными полномочиями, а следовательно, выступает носителем государственной воли, государственных прав и обязанностей»; «наделение ее властными полномочиями позволяет позиционировать с институтом государства» [Канунникова].

В завершение отметим, что государственные корпорации с точки зрения правового и функционального статуса находятся в процессе непрерывной динамики. Не следует исключать, что в обозримом будущем вектор их участия в системе государственных функций сместится из экономической сферы и национальной безопасности в область социальную или духовно-культурную.

Примечания

¹ О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета от 11 октября 2022 г. № 229.

² О государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федер. закон // Собрание Законодательства РФ. 2007. № 48. (часть II). Ст. 5814.

³ Об утверждении положения о ведомственной охране Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации:

Постановление Правительства Российской Федерации от 12 октября 2017 г. № 1240 // Собрание Законодательства РФ. 2017. № 43 (часть II). Ст. 6321.

⁴ О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федер. закон // Российская газета. 2007. 5 декабря.

Список литературы

Денисов А.И. Советское государство: возникновение, развитие, сущность и функции. Москва, 1967. 426 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 2004. 750 с.

Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В. Эффект виртуального: концепты власти и права. Москва, 2022. 104 с.

Канунникова Н.Г. К вопросу о государственной корпорации как форме некоммерческой организации // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 3–5.

Копейчиков В.В. Механизм советского государства. Москва, 1968. 213 с.

Корсун К.И. Государственная власть и местное самоуправление: конституционно-правовое регулирование содержания и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. 21 с.

Пожарский Д.В. Механизм Российского государства на современном этапе (вопросы теории) // Общая теория права: история и современное состояние. Москва, 2018. С. 274–285.

Попов О.И. Публичная корпорация в механизме государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 25 с.

Сорокина В.В. Управленческий учет в государственных корпорациях: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2012. 25 с.

Ступаков В.И., Петрова Г.В., Толпекин К.А. Развитие конституционных положений современными институтами административного права для противодействия санкциям // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 8–12.

Чиркин В.Е. Российская Конституция и публичная власть народа // Государство и право. 2008. № 12. С. 24–34.

Isaev I.A., Kornev A.V., Lipen S.V. *Effekt virtual'nogo: kontsepty vlasti i prava* [Virtual effect: concepts of power and law]. Moscow, 2022, 104 p. (In Russ.)

Kanunnikova N.G. *K voprosu o gosudarstvennoi korporatsii kak forme nekommercheskoi organizatsii* [On the question of a state corporation as a form of a non-profit organization]. *Bezopasnost' biznesa* [Business security], 2021, No. 2, pp. 3-5. (In Russ.)

Kopeychikov V.V. *Mekhanizm sovetskogo gosudarstva* [Mechanism of the Soviet state]. Moscow, 1968, 213 p. (In Russ.)

Korsun K.I. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie: konsti-tutsionno-pravovoe regulirovanie soderzhaniia i vzaimodeistviia: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk.* [State power and local self-government: constitutional-legal regulation of content and interaction: PhD thesis, summary]. Chelyabinsk, 2022, 21 p. (In Russ.)

Pozharsky D.V. *Mekhanizm Rossiiskogo gosudarstva na sovremennom etape (voprosy teorii)* [The mechanism of the Russian state at the present stage (questions of theory)]. *Obshchaia teoriia prava: istoriia i sovremennoe sostoiianie* [General Theory of law: History and current state]. Moscow, 2018, p. 274-285.

Popov O.I. *Publichnaia korporatsiia v mekhanizme gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Public corporation in the mechanism of the state: PhD thesis, summary]. Kazan, 2015, 25 p. (In Russ.)

Sorokina V.V. *Upravlencheskii uchet v gosudarstvennykh korporatsiakh: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Management accounting in state corporations: PhD thesis, summary]. Moscow, 2012, 25 p. (In Russ.)

Stupakov V.I., Petrova G.V., Tolpekin K.A. *Razvitiie konstitutsionnykh polozhenii sovremennymi institutami administrativnogo prava dlia proti-vodeistviia sanktsiiam* [Development of constitutional provisions by modern institutions of administrative law to counter sanctions]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2022, No. 8, pp. 8-12. (In Russ.)

Chirkin V.E. *Rossiiskaia Konstitutsiia i publichnaia vlast' naroda* [The Russian Constitution and the public power of the people]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2008, No. 12, p. 24-34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted to the editorial office 25.10.2022; approved after review 28.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

References

Denisov A.I. *Sovetskoe gosudarstvo: vzniknovenie, razvitie, sushchnost' i funktsii* [The Soviet state: emergence, development, essence and functions]. Moscow, 1967, 426 p. (In Russ.)

Ellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The General doctrine of the state]. St. Petersburg, 2004, 750 p. (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблицинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn* and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheski mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2022 – Т. 28 – № 4

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 30.12.2022.
Дата выхода в свет _____ 2023.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 17,5.
Уч.-изд. 18,0 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 275.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна